Е. В. Хохлов

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. В. Хохлов

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Издательство С.-Петербургского университета
2005

ББК 65.012.2
Х86

Рецензенты: д-р экон. наук, проф., академик МАН ВШ *Г. Г. Богомазов*, д-р экон. наук *И. А. Благих* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Рекомендовано к печати Ученым советом экономического факультета С.-Петербургского государственного университета

Хохлов Е. В.

Х86 Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 282 с.
ISBN 5-288-03766-3

В монографии анализируются историко-экономические факты и явления, процессы и тенденции, характеризующие эволюцию и трансформацию экономических институтов СССР в годы Второй мировой войны.

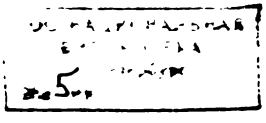
Подробно рассматриваются методологические подходы к изучению хозяйственных процессов в условиях применения экстремальных форм и методов государственного регулирования. Особое внимание уделяется концептуальным основам стратегического управления экономическими системами различных формаций, опыту и результатам военно-экономической деятельности советского государства, народнохозяйственным комплексам и предприятиям, функционирующим в условиях предвоенного и военного времени, эффективности управления военной экономикой.

Книга предназначена специалистам в области экономического и стратегического управления, а также всем интересующимся вопросами истории экономики.

ББК 65.012.2

© Е. В. Хохлов, 2005
© Издательство С.-Петербургского университета, 2005

ISBN 5-288-03766-3

Светлой памяти моего деда Макара Васильевича Хохлова, защитника Ленинграда, посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Военная экономика СССР в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны отделена от современности не только 60-летним историческим сроком. Она осталась по ту сторону исторического рубежа, поделившего наше мышление на рыночное и нерыночное. Она всецело принадлежит к той экономической системе, которая потерпела поражение в гонке вооружений в послевоенный период, но осталась в исторической памяти непобежденной военной экономикой. Исследование данного феномена в условиях нигилистического отношения к социалистическому прошлому представляется острой и актуальной проблемой.

Важность подобного рода исследований определяется расширением диалога и сотрудничества отечественных и зарубежных историков-экономистов в области экономической истории России и СССР. Их результативность во многом зависит от взаимопонимания и взаимоосмысления историографических концепций, подходов и традиций в изучении советской военной экономики и европейской экономики в условиях «единого военного хозяйства» (1940–1944 гг.), а также в сфере других дискуссионных проблем, затрагивающих сложную историю взаимоотношений Запада и СССР.

В связи с распадом Советского Союза, а также по ряду других причин, диалог по экономической истории России — СССР принял однобокий характер, что лишает отечественную историко-экономическую науку права на самодостаточность, а тем самым на объективность и достоверность выводов и оценок.

Актуальность темы представленной работы обусловлена также и тем очевидным фактом, что немногочисленные предшествующие исследователи военной экономики СССР, функционировавшей в годы Великой Отечественной войны, были лишены возможности рассматривать ряд ее проблем, исключавшихся из рамок критического анализа и оценок. В частности, это касалось конституционно закрепленных положений о руководящей и направляющей роли

КПСС в жизни советского общества, господствовавшего в советской науке формационного подхода к анализу общественно-экономической проблематики, автоматически возвышавшего социализм над капитализмом, а также ряда других постулатов — не только вошедших в число официальных источников победы, но и нарушавших их истинную иерархию. Равным образом ряд экономических факторов, определяющих источники победы Советского Союза над фашистской Германией, был исключен из анализа западными исследователями, действовавшими по законам идеологического противостояния и занимавшими антикоммунистическую и антисоветскую позицию. Более того, экономические причины поражения Германии и ее сателлитов во Второй мировой войне до сих пор слабо (недостаточно) исследованы западной историографией.

Наконец, научное направление, представленное избранной темой исследования, имеет не только историко-познавательный, но и экономико-теоретический характер. Как известно, до начала XX столетия под военной экономикой понималось состояние экономики государства в условиях войны. Технический прогресс потребовал включения в понятие «военная экономика» состояние промышленного потенциала той или иной страны, накопленные стратегические резервы и запасы, уровень развития военно-технического производства, транспортных коммуникаций, средств связи и электронно-визуального наблюдения. Появление ядерного оружия и неограниченных по дальности средств его доставки превратило в потенциальное поле боя территорию любого государства и, соответственно, его экономические объекты и институты. Если под гражданской экономикой понималось управление редкими ресурсами, то под военной экономикой стало пониматься управление наличными ресурсами в интересах будущей войны, во время войны и военно-экономическое обеспечение того миропорядка, который устанавливается по итогам войны.

В советской экономической литературе под военной экономикой стран капитализма понималась степень милитаризации хозяйства страны, способного выполнять и выполняющего оборонный заказ. Одновременно в рамках политической экономии, марксистско-ленинского учения о войне и армии развивалась военно-экономическая наука. Военно-энциклопедический словарь давал следующее определение теории военной экономики: «*военная экономика — это прикладная экономическая наука, ставящая своей задачей исследование определенных требований к экономике, вытекающих из военно-политической обстановки и военно-стратегического характера современных войн, перевода экономики на военное положение*

и разрабатывающая рекомендации по военно-экономическому обеспечению боевых, демонстрационных и повседневных действий вооруженных сил».[1]

В данной связи, исследуя проблемы военной экономики СССР в годы Второй мировой войны, автор не ограничивался рассмотрением лишь внутренних военно-экономических факторов, влиявших на процессы ее функционирования в период 1939–1945 гг. Помимо документальных источников и теоретических работ по отечественной военной экономике, в книге использовались представленные в западноевропейской историографии документальные материалы и аналитические труды, описывающие процессы, происходившие в военных экономиках стран антигитлеровской коалиции и государств фашистской «оси» накануне и в ходе Второй мировой войны. Анализируются также военно-экономические доктрины, документы и статистические данные, поскольку, по нашему мнению, формирование военной экономики СССР накануне Второй мировой войны напрямую зависело от той степени угрозы, которую несла в себе (по оценке советского руководства) готовность великих держав развязать новую крупномасштабную войну за передел своего влияния в мире.

Осознавая сложность и многогранность обозначенной темы, автор сосредоточил свое внимание на исследовании наиболее общих тенденций развития военной экономики СССР, происходивших на фоне милитаризации и автаркии мировой экономики 30–40-х годов XX столетия. В связи с этим отдельные части книги имеют различную исследовательскую ценность. В ней представлены сюжеты традиционной военно-экономической историографии Второй мировой войны, привлечены новейшие сочинения, содержащие ранее не известные положения, а также результаты самостоятельных изысканий. Ряд вопросов и положений рассматриваются в дискуссионном порядке. В целом работа отражает авторское видение обозначенного комплекса проблем военной экономики СССР в годы Второй мировой войны.

[1] Военно-энциклопедический словарь. М.: Воениздат. 1986. С. 136.

Раздел I

ФОРМИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СССР, СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ И ФАШИСТСКОЙ «ОСИ» НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава 1

Теоретические проблемы военной экономики и послевоенная историография экономической литературы о Второй мировой и Великой Отечественной войне

К началу Второй мировой и Великой Отечественной войны в Советском Союзе существовала развитая оборонная промышленность и институциональные структуры, регулирующие функционирование военной экономики и материально-техническое обеспечение вооруженных сил на случай войны. В научно-теоретических центрах, объединенных к 1940 г. в Институт экономики АН СССР, исследовался и обобщался опыт западноевропейских стран и США по экономическому регулированию производственных процессов, преодолению экономического кризиса, вызванного первой мировой войной и общего кризиса, поразившего ведущие капиталистические державы мира в 1929–1933 гг. Сосредоточившись на практических вопросах внутренней экономической политики, советская экономическая мысль межвоенного периода пыталась творчески развивать международный «марксизм», который для западной левой и правой социал-демократии остался лишь абстрактной теорией.

К 30-м годам в СССР была окончательно преодолена либерально-международная экономическая трактовка социализма как самоорганизующейся экономической системы, возникающей по воле трудящихся масс, без участия государства. XVIII съезд ВКП(б), состоявшийся в 1930 г., признал ошибочными и вредными взгляды об отмирании государства, поскольку в условиях роста технической оснащенности и маневренности войск функцию защиты Отечества могут выполнить лишь государственно-организованные вооруженные силы, а не милиция и не народное ополчение.[1] К такому выводу

[1] *Смиртюков М. С.* Советский государственный аппарат управления. М.: Политиздат. 1984. С. 30.

советское руководство пришло несколько раньше, в ходе дискуссий «о профсоюзах», «о военной оппозиции» и об «оппозиции большевиков-ленинцев».

Однако в условиях «недофинансирования и угара нэпа» практические вопросы укрепления военно-экономического потенциала страны решались медленно и непоследовательно. Не были в достаточной степени разработаны военно-доктринальные установки, определяющие состав и структуру вооруженных сил, теория военной экономики, вопросы стратегии, тактики и подготовки военных кадров в мирное и военное время.

В начале 30-х годов бывшие кадровые военные старой армии, служившие в РККА, в срочном порядке получили задание приступить к обобщению военного, хозяйственно-организационного и экономического опыта первой мировой и русско-японской войн. В академиях и училищах были созданы специальные редакционно-издательские отделы, занимающиеся переводом иностранной литературы по военно-экономической проблематике.

Советская военно-экономическая мысль предвоенного периода развивалась в условиях противоборства сторонников исторических традиций и новейших военных и экономических доктрин, преемственности и отрицания опыта российского и европейского капитализма, поиска собственных решений проблем экономического роста, укрепления экономического и научно-технического потенциала страны, создания институциональных и социальных оборонительных структур.

Теоретические проблемы военной экономики, как известно, связаны не только с теми или иными экономическими взглядами, но и с учениями о государстве, войне и политике, социальными и антропологическими теориями. Экономическая подготовка к войне ведется в соответствии с политическими и геополитическими доктринами, принятыми на вооружение политическими классами, господствующими в обществе. Победы или поражения в войне изменяют экономическое состояние государства, замедляют или ускоряют рост национальной экономики. Теории и идеи бесплодны, пока их не взяло на вооружение и не реализовало в своей политике государство.

Либеральная экономическая теория отрицает позитивное участие государства в экономике, отводя ему роль «ночного сторожа» и, соответственно, исключает его из «гармоничного экономического мира» рыночного хозяйства.

«Всякий, кто помнит о существовании государств, отделенных друг от друга и устроенных различным образом, никогда не

разрешит ни одного вопроса политической экономии», — это завещание Тюрго можно поставить эпиграфом к любому учебнику, вышедшему из-под пера либерального экономиста-теоретика. Однако в настоящее время, когда либерализм переживает полосу своего триумфа и достиг вершин мирового господства, особенно наглядно видно расхождение между либеральной экономической теорией и либеральной мировой практикой. *«Либерализм — не что иное как маска, скрываясь под которой, представители господствующих экономических интересов пользуются государственной политической властью и используют ее в собственных эгоистических целях».*[2]

Либеральный капитализм всегда находил поддержку в армии, на флоте и в дипломатии европейских, азиатских «модернизированных» государств, в марионеточных режимах Африки и Латинской Америки. Известно, что во Франции с начала XIX столетия развитие торговли и промышленности поощрялось и даже инициировалось государством. Со второй половины XIX века английское государство активно подключилось к решению проблем своих торгово-промышленных компаний, образовавших заокеанские колониальные владения. Известно также, что германская экспансия шла после 1870 г. по наущению и с помощью государства. «Государственный социализм» строили Наполеон III и Бисмарк. С конца XIX столетия «патерналистский социализм» начала строить Япония, распространив свою «отеческую заботу» на все желтокожее население Юго-Восточной Азии и Океании, угнетаемое белыми колонизаторами. С теми или иными оговорками либеральный капитализм всегда соглашался с национальными видами «социализма», если при нем исправно выплачивались проценты по предоставленным займам. В этом, как представляется, состоит разгадка того вопроса, который активно обсуждался в западной литературе в ходе и долгое время спустя после Нюрнбергского процесса: «кто допустил национал-социализм в Германии и его распространение в странах Европы и даже Америки?».

До начала XIX столетия под «военной» экономикой экономистами-теоретиками понималась экономика государства, ведущего непосредственные боевые действия на своей территории или территории соседнего государства. «Мирной» экономикой называлось состояние государства перед войной, а «послевоенной» — после войны. В XIX столетии «мирная экономика» вполне могла быть у европейского государства, ведущего войны в заокеанских владениях

[2] *Раймон Барр.* Политическая экономия / Пер. с фр.: В 2 т. Т. 1. М.: Международные отношения. 1995. С. 118.

соседнего континентального государства, осуществляющего экономическую блокаду, действующего на транзитных морских путях и ведущего каперство в отношении торговых кораблей экономических конкурентов. Агрессивными намерениями считалось лишь резкое увеличение численности регулярной континентальной армии и заключение союзов и коалиций, непосредственно направленных против соседних европейских стран.

Технический прогресс потребовал включения в понятие военной экономики уровня промышленного развития той или иной страны. После Венского конгресса (1815 г.) появился новый термин, определяющий способность страны вести на европейском континенте крупномасштабную и длительную войну только лишь за счет собственных промышленных, военно-технических и людских ресурсов — «великая держава». К таким были отнесены: Великобритания, Россия, Пруссия (Германия), Австро-Венгрия и Франция. Через сто лет именно они ввергли весь остальной мир в состояние мировой войны. Актом агрессии по-прежнему считалось начало мобилизации находящихся «в запасе» людских резервов, но ему предшествовал длительный период военно-промышленного развития, накопления военной техники, боеприпасов, продовольствия и развития транспортных коммуникаций в районах, непосредственно прилегающих к будущему театру войны.

Милитаризм и либеральные экономические теории существовали параллельно, словно не замечая существования друг друга. Государство и военная экономика мирного времени вмешивались в теоретически существующий рыночный либерализм в широких масштабах и в многообразных формах. В частности, государство:

а) устанавливало экономические «правила игры», определяя процедуры хозяйственного и коммерческого права, устанавливая продолжительность рабочего времени на заводах и фабриках, издавая распоряжения и постановления относительно экономических объединений (трестов, картелей, синдикатов и т. д.);

б) косвенно воздействовало на уровень экономической активности посредством налогообложения и государственных расходов, контролировало денежную эмиссию и распределение кредитов;

в) координировало и в значительной степени финансировало капиталовложения;

г) создавало государственный сектор производства в экономике (государственные предприятия), участвовало своими капиталами в «смешанных» акционерных обществах, выступало гарантом в погашении займов, производимых «национальным» капиталом;

д) косвенным образом контролировало цены на энергоресурсы,

черные и цветные металлы, устанавливало таможенные пошлины и обменные курсы валют;

е) обеспечивало перераспределение национального дохода;

ж) стремилось к поддержанию полной занятости, определенным образом трудоустраивало «лишних людей» и несло ответственность за промышленное развитие и экономический рост.

Все вышеперечисленные меры осуществлялись государством в мирное время, когда защита интересов национального капитала происходила без прямого применения средств насилия, но с учетом военного фактора. Однако более всего государство влияло на экономику самим фактом ведения войны, мобилизуя в армию миллионы мужчин и тем самым предоставляя резервной армии труда рабочие места, загружая промышленное производство военными заказами, аграрный сектор экономики — продовольственными поставками на пополнение стратегических и тыловых резервов и запасов, интенсивно используя средства сообщения для военных нужд, реквизируя торговые резервы продуктов питания и товаров первой необходимости, лошадей, моторизированные транспортные средства, речные и морские суда, а также посредством физического разрушения конкурентной экономики противника при ведении боевых действий на его территории.

Война, как правило, взвинчивает расходы государства до такой степени, что долгосрочных займов катастрофически не хватает и правительствам приходится прибегать к краткосрочным кредитам центральных банков, что приводит к переполнению каналов денежного обращения. Одновременно возникает дефицит на многие товары, растут цены и возникает необходимость их директивного нормирования, введения карточной системы на питание и другие потребительские товары, замораживания заработной платы и изъятия части денежной массы у населения облигационными займами, повышением налогов, патриотическими пожертвованиями на цели национальной победы в войне. Таким образом, если под ***экономикой*** понимать управление дефицитными ресурсами, то под ***военной экономикой*** следует понимать управление такими ресурсами в интересах достижения победоносного окончания войны. В этой связи экономисты-теоретики, вне зависимости от того, кем они себя считали: пацифистами или революционерами, «ястребами» или «оборонцами», вполне справедливо поднимали вопрос о классовой сущности государства, поскольку основные рычаги управления экономикой сосредоточиваются в государственных институтах, обслуживающих интересы экономической «элиты».

Как известно, промышленный и банковский капитал при помощи либеральных экономистов отстаивает свое право на управление национальными ресурсами, поскольку государственное управление, в соответствии с их теориями, имеет неэкономический характер и не может осуществляться эффективно в условиях дефицитности. Во время войны феномен «дефицитности» резко возрастает. Быстро обнаруживаются узкие места, прежде всего в области энергетических, сырьевых и кредитных ресурсов, снабжения населения продуктами питания, а армии — оружием и боеприпасами. В России в годы первой мировой войны представителями банковского, промышленного и торгового капитала был создан, как известно, ряд регулирующих и распорядительных органов, существующих параллельно государственным управленческим структурам и Особому совещанию по обороне. Это были Союз земств, Союз городов, Военно-промышленные комитеты, Советы съездов представителей банкирских домов и контор, промышленности, торговли, кооперации и т. д.

Имея лоббистское большинство в Государственной думе, представители капитала «проталкивали» законы, направленные на осуществление контроля за деятельностью военного и морского министерств, министерства финансов, министерства торговли и промышленности, министерства внутренних дел (которое в дореволюционной России «курировало» аграрный сектор экономики и местное самоуправление). К весне 1915 г. была создана сеть военно-промышленных комитетов, которые регламентировали распределение сырья и контролировали производственные планы промышленных предприятий, выполняющих оборонный заказ. Союз земств создал особую сеть продовольственных комитетов, занимавшихся поставками хлеба и фуража для армии и снабжением продовольствием городов. В 1916–1917 гг. «земгусары» осуществляли функции продовольственных отрядов.

К февралю 1917 г. произошло политическое объединение Союза земств, Союза городов, Центросоюза (Центрального органа кооперативных союзов) и Военно-промышленных комитетов. Февральская революция произошла не в последнюю очередь по инициативе и при подстрекательстве именно этих самоуправляющихся органов. Временное правительство возглавил Г. Е. Львов, председатель Союза земств, Военное министерство — А. И. Гучков, председатель Центрального военно-промышленного комитета, Министерство финансов — М. И. Терещенко, представитель банковских кругов, выдвинутый председателем Союза банкиров, промышленников и предпринимателей на Всероссийском совещании в Москве в 1916 г. Впослед-

ствии в состав Временного правительства вошел «продовольственный диктатор» С. Н. Прокопович — председатель Центросоюза.

На словах данные самоуправляющиеся органы, создавшие целый ряд центральных организаций в Петрограде и Москве, имевшие региональные и местные отделения в промышленных районах страны и губернских аграрных центрах, были призваны содействовать перестройке частной гражданской промышленности для производства военной продукции, осуществлять связи с Особым совещанием по обороне, с фронтами, с министерствами, обеспечивающими бесперебойное функционирование военной экономики. На деле их деятельность лишь усиливала коррупцию в стране. За словами о патриотизме, спасении России, превращении с ее стороны разгоревшейся войны в «Отечественную» скрывалась жажда наживы и стремление любым путем захватить политическую власть, чтобы бесконтрольно наживаться за счет бюджетных средств и союзнических кредитов.

Временное правительство, первоначально составленное из представителей крупного капитала, было заинтересовано в войне до победного конца, поскольку рассчитывало переложить астрономическую внешнюю задолженность России на плечи побежденных. Этот «французский вариант» победы рассматривался им как единственный выход из войны и революционной ситуации, возникшей в солдатской массе, не желавшей больше гнить в окопах, он виделся единственным спасением от грядущего финансового банкротства страны, погрязшей во взяточничестве, цинизме и коррупции деловых и правительственных «кругов».

Подобные же органы были созданы представителями финансовой, промышленной и торговой «общественности» в Германии и Астро-Венгрии. Сразу же после начала войны Вальтер Ратенау — в то время глава АЭГ («Всеобщей компании электричества») от имени германских промышленных кругов обратился в прусское военное министерство по вопросу регулирования поставок сырья промышленным компаниям, выполняющим военный заказ. 13 августа 1914 г. в военном министерстве был создан военно-сырьевой отдел, руководство которым принял на себя Ратенау. После согласования с военными союзниками Германии отдел приступил к осуществлению контроля над сырьевой промышленностью империи, планированию закупок в Австро-Венгрии и, соответственно, торговых поставок ей сырья из Германии. С помощью организованных формально на частной основе компаний (Rohstoffgesellschaften) производились учет, закупка, складирование и продажа сырья в соответствии с военно-хозяйственными приоритетами, составлялись планы

закупки военно-стратегических материалов в нейтральных странах и производства искусственных заменителей природного сырья.

В качестве придатков военно-сырьевого отдела военного министерства данные компании, как и военно-промышленные комитеты в России, не имели права на получение прибыли. В то же время германские компании являлись акционерными обществами и обществами с ограниченной ответственностью, а такая форма предпринимательской организации, как известно, не образовывается лицами, занимающимися благотворительностью. Основными учредителями подобных обществ выступили потребители сырья, прежде всего крупные фирмы оборонной промышленности. Используя данную форму участия в работе военного министерства, они обеспечивали себе наиболее выгодные оборонные заказы и бесперебойную поставку сырья, распределяемого в их пользу по самым низким ценам.

Помимо военно-промышленного отдела военного министерства, выполняющего функции, идентичные российскому Особому совещанию по обороне, в Германии были созданы военно-промышленные комитеты, установившие так же, как в России, связь непосредственно с командующими фронтами. Отречение кайзера от престола состоялось по требованию высшего армейского командования, полностью попавшего под «скромное обаяние» финансово-промышленных кругов. Возникшая в годы войны «личная уния» между капиталистической «общественностью», Гинденбургом и Ратенау продолжалась в годы Веймарской республики, когда Гинденбург был выдвинут от финансово-промышленных кругов «декоративным» президентом, а Ратенау — действующим премьер-министром.

Аналогично развивались процессы в Австро-Венгерской империи — последней империи из числа гарантов мира в Европе — реликта Римской империи христианских народов. В Австро-Венгрии промышленными и банковскими кругами были созданы «союзы самоуправления хозяйством» (Selbstverwaltunhsverbande der wirtchaft). Распределение сырья Австрия организовала по образцу Германии, производство вооружений в большой мере находилось под военным контролем. В отличие от Германии, в Австро-Венгрии отсутствовали авторитетные профсоюзные организации, и там не пришлось заручаться их согласием на введение трудовой повинности для мужского населения в возрасте от 17 до 60 лет.

Сельское население служило источником постоянного притока рабочей силы в сферу военной экономики. Как и в России, в Австро-Венгрии были образованы промышленные комитеты с рабочим представительством и правом урегулирования трудовых споров, которые на практике использовались промышленниками как «дисци-

плинарные» комитеты для наведения производственной дисциплины путем снятия «брони» от призыва в армию и отправки на фронт «смутьянов» из числа политически активных рабочих. Рабочие комитеты использовались также при распределении становившихся все более дефицитными продуктов питания и других товаров первой необходимости.

В Австро-Венгрии, как в Германии и в России, государство пыталось влиять на механизм ценообразования путем установления предельных цен на хлеб, технические культуры, промышленное сырье. Государственная бюрократическая машина конкурировала в процессах нормирования и распределения продуктов питания и важных потребительских товаров с параллельной распределительной сетью, созданной «патриотической» торгово-промышленной «общественностью». С точки зрения теории рыночной экономики возникла парадоксальная ситуация: «рыночники» выступали за нормирование сырья, продовольствия, потребительских товаров, перевозок, снабжение населения и армии в соответствии с единым военным, общехозяйственным и финансовым планом и т. д., и т. п.

В контролируемой финансовыми и промышленными кругами прессе помещались статьи видных светил экономической науки, которые критиковали правительство не за нарушение «святая святых» — законов рынка, а за государственное «предпринимательство» в сфере оборонного производства, за недостаточный патриотизм государственного чиновничества, за неповоротливость государственной машины в военном «бизнесе», излишнюю бюрократизацию в контроле за использованием авансированных на цели оборонного производства бюджетных средств. При этом, как правило, умалчивались такие факты как выделение «рабочих команд» из числа военнослужащих резерва для использования на производственных авралах, поставка практически бесплатного сырья из государственного резерва и стратегических запасов для выполнения срочных военных заказов, безвозвратные кредиты на расширение производственных мощностей, строительство прифронтовых и запасных путей, причалов, пакгаузов, элеваторов и другой инфраструктуры, увеличивавшей основной капитал частных промышленных предприятий и заведений.

Патриотически настроенная капиталистическая общественность всячески приветствовала симбиоз государства и экономики — но категорически выступала против учета и контроля, в особенности если он был направлен на подсчет доли, внесенной государством в развитие производственных мощностей частного предприятия и

оформление этой доли каким-либо гражданско-юридическим образом или отдельным хозяйственным законодательством.

Политическая смена власти революционным путем, закрепляющая оформление нового «революционного законодательства», устраивала международную буржуазию, прежде всего в многонациональных монархиях, каковыми являлись Россия, Германия и Австро-Венгрия. Примеры английской и французской буржуазных революций и их роль в легализации сколоченных на крови миллионов людей капиталах, вселяли в представителей торговых и банковско-промышленных кругов веру, что самодеятельная патриотическая позиция по спасению Отечества принесет им больше дивидендов, нежели тем, кому патриотизм был присущ по долгу службы, по факту рождения и зову дворянско-чиновничьей крови. Война дала в руки промышленникам экономическую власть, которая оказалась сильнее, чем тысячелетние монархические традиции.

Вне зависимости от состава коалиционного противостояния, все три монархии — Россия, Германия и Австро-Венгрия оказались в руинах. Победу одержали республики, где сотрудничество государства и экономики не имело маклерско-аристократического антагонизма.

В Великобритании военное министерство было создано лишь в 1915 г. Руководящие чиновники военно-промышленного комплекса рекрутировались главным образом из частной промышленности, поэтому государственный контроль над военным производством не имел характера «внешнего» контроля, а банкирам, промышленникам и торговцам, одевшим костюмы цвета хаки, не имело смысла создавать еще какие-либо комитеты и союзы для защиты своих предпринимательских интересов. Военное министерство являлось своего рода экономическим штабом по развитию военно-промышленного комплекса Великобритании, осуществляющим в беспрецедентном масштабе интервенции в частную промышленность в целях обеспечения британского приоритета в производстве вооружений как для собственных нужд, так и для продажи союзникам — России, Италии, Румынии и Греции. Государство не могло регламентировать распределение сырья, поскольку оно ввозилось частными компаниями из колоний и доминионов.

С нарастанием дефицита оружия, боеприпасов и тоннажа морских судов правительство пошло на некоторое расширение казенной военной промышленности. К концу войны в Англии насчитывалось более двухсот государственных военных предприятий, но в общем объеме экспорта вооружений они играли незначительную роль, поскольку были ориентированы на «расшивку» узких мест

и ликвидацию дефицита конкретных видов вооружения для нужд собственных и «туземных» войск.

Подобным образом развивалась и военная экономика США, которые были отделены от континентального театра военных действий еще большим расстоянием, чем Великобритания. В Соединенных Штатах отсутствовали военное министерство и министерство вооружений. Функции контроля за состоянием военной экономики были формально возложены на президента страны, а фактически их осуществлял быстро формирующийся военно-промышленный комплекс, который использовал вступление США в европейскую войну для введения на предприятиях законов «военного времени» и ограничения деятельности профсоюзов. Военно-промышленная «горячка», возникшая в США, не диктовалась фронтовой ситуацией, поскольку противник не наступал на территорию Америки. Как и в Англии, банкиры, военные промышленники и подрядчики интендантства отстаивали свои интересы не перед государством, поскольку ротация власти осуществлялась регулярно и выборы «бюрократии» организовывались на деньги банкиров и промышленников, а перед профессиональными объединениями наемной армии труда.

В ответ на появление стачечных комитетов в сталелитейной и горнодобывающей промышленности, на железных дорогах и в портовых доках, монополистическая буржуазия создала специальные объединения предпринимателей для борьбы против заключения коллективных договоров с профсоюзами. Под флагом осуществления «свободного права на труд» и превращения предприятий в «открытые мастерские для всех», в 250 городах США были созданы патриотические объединения «рабочих», требующих прекращения забастовочного движения во время войны. Стальной трест, например, содержал около 25 тыс. вооруженных наемников для разгона «непатриотичных» демонстрантов. В целях подкупа профсоюзной верхушки и рабочей аристократии широко практиковались различные планы «участия» рабочих в прибылях военно-промышленных компаний и отраслях тяжелой индустрии, обеспечивающих производство вооружений металлом, углем и нефтепродуктами. В целом, в период военно-промышленного бума заработная плата рабочих судостроительных верфей, военных отраслей производства и докеров, осуществляющих перевозку грузов, выросла более чем на 21%. Прибыли же военно-промышленного комплекса — более чем в три раза.

Особым образом складывался симбиоз государства и экономики в республиканской Франции, поскольку из стран «либерального

мира» только ей пришлось лоб в лоб воевать с Германией. После поражения, нанесенного ей в 1871 г. Пруссией, Франция жаждала реванша и готовилась к большой европейской войне. Вследствие данного обстоятельства военное производство Франции было сконцентрировано преимущественно на государственных предприятиях. В военном министерстве существовал отдел, ответственный за производство оружия и боеприпасов, который в 1916 г. был преобразован в министерство вооружений, возглавляемое ставленником частного капитала Лушером. «Сердечное согласие», как видим, достигалось французским капиталом не только во внешней политике страны, но и в ее внутренней экономике. Приоритеты развития военной экономики определялись французской «элитой» в неформальных обсуждениях между чинами министерства вооружений и представителями военной промышленности, объединенной в группы и консорциумы. Ввоз и распределение сырья, такого как уголь и железо, нехватку которого Франция остро ощущала из-за утраты в 1871 г. Эльзаса и Лотарингии (важнейших металлургических районов), осуществляли по государственному заказу Синдикат горнодобывающей и металлургической промышленности (Comite de Forge) и Объединение угле- и сталепромышленников Франции.

После первой мировой войны экономика европейских стран не вернулась в «нормальное» рыночное состояние. Значительно выросла роль прямого государственного регулирования и косвенного государственного воздействия, особенно ярко проявившегося в гонке вооружений великих держав. «Экономический человек» Адама Смита потерял свою привлекательную универсальность. «*Правительства европейских государств не доверяли более вненациональному интеллектуальному экономическому наследию, опираясь на рекомендации ведущих национальных экономистов, что впоследствии назвали кейнсианством*».[3] Экономическая статистика активно внедрялась в исследование эволюции национальной истории. Французские, австрийские и итальянские экономические историки, исследуя статистику денежного обращения, цен и доходов на протяжении столетних периодов, пытались объяснить причины и динамику экономического роста, выявить смену экономических циклов от фазы подъема («фаза А») к фазе спада («фаза Б»). Наиболее важными считались вековые экономические циклы «большой длительности», на фоне которых развиваются «короткие» и «промежуточные» циклы.

В межвоенный период возникло новое направление эконо-

[3] *Вольфрам Фишер*. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М.: Владос, 1999. С. 283.

мической теории, которое нашими современниками интерпретируется как «макроэкономика». Его родоначальником считается Дж. М. Кейнс, написавший капитальный труд «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.), хотя в указанное время современниками Кейнса гораздо чаще цитировалась другая его работа «Экономические последствия Версальского договора» (1924 г.), где автор предсказывал, что «*грабительская политика финансового капитала по отношению к побежденной Германии вызовет чувство мщения... она найдет средства, чтобы добиться от своих победителей возмещения награбленного*».[4] Но «Общая» экономическая теория не пользовалась спросом в Европе, раздираемой национализмом и взаимной подозрительностью. Она, возможно, годилась только лишь для «Британского содружества наций», где жители доминионов еще не потеряли окончательную веру в полезные советы ординарных профессоров из старой доброй Англии.

Исследования причин колебания производства и занятости на основе ряда независимых и зависимых переменных, воздействия колебания цен и доходов на коллективную психологию, а через нее — на социальные отношения, проводились в 20-е годы не только в странах Западной Европы, но и в Советской России. Н. Д. Кондратьев — автор «Больших циклов экономической конъюнктуры» состоял в годы НЭПа советником Госплана, и его доклады и рекомендации неоднократно обсуждались на заседаниях Президиума Госплана.[5] Исследовалась и обратная зависимость влияния социальных отношений на экономический рост. В частности, французские историки-экономисты Ф. Симиан и Э. Лябрус, используя апробированные категории «экономического роста», «научно-технического прогресса» и «финансового успеха», попытались связать экономическую динамику с изменениями, происшедшими в социальных отношениях и в коллективной психологии.

На основе громадного статистического материала, подвергнутого математической обработке, Э. Лябрус показал, что революция во Франции, состоявшаяся как «революция нищеты», повлекла за собой «революцию процветания». Революционный кризис назревал вследствие длительного падения реальных доходов населения, роста стоимости жизни, возрастания натуральных сеньориальных платежей, взимавшихся с крестьян и т. д. Сезонный взлет доро-

[4] Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского договора. М.: Госиздат, 1924. С. 25.

[5] См., напр.: Протоколы Президиума Госплана СССР. Об документах. В 2 т. Т. 1. М.: Экономика, 1991. С. 101–109. Т. 2. М.: Экономика, 1993. С. 93–[illegible] и др.

говизны, вызвавший непродолжительный продовольственный кризис, не привел бы к столь катастрофическим последствиям, если бы в середине 1789 г. во Франции не встретились, как считал Э. Лябрус, три экономических процесса разной временной длительности, которые, наложившись друг на друга, вызвали такое ухудшение экономической конъюнктуры, которое не в силах было ликвидировать старое правительство, потерявшее психологическое доверие масс.

Работы Ф. Симиана «Заработная плата, социальная эволюция и деньги» (1932 г.) и Э. Лябруса «Очерк движения цен и доходов во Франции XVIII века» (в 2 т., 1932–1933 гг.), появившиеся в разгар мирового экономического кризиса 1926–1933 гг., оказались в центре внимания образованного чиновничества и научной общественности, поскольку практические и теоретические проблемы национальных экономик заслонили на время другие житейские проблемы и литературные сенсации, занимавшие свои законные ниши в информационном пространстве.

Экономический анализ прошлого проецировался на будущее. В соответствии с выявленными «циклами» любой стране мог угрожать очередной экономический кризис. Представители экономической науки, занимавшиеся анализом конъюнктуры национальной экономики, настаивали на своей способности дать правительству практические рекомендации как по его «избежанию», так и по преодолению «социальных последствий» циклического производства. Новую систему экономических взглядов Ф.Симиан определял как «социальный монетаризм с возмущающими колебаниями».[6] Она давала возможность «объективно» обосновать необходимость смены правительства, совершившего ошибки по экономическому урегулированию процессов, протекающих в национальном хозяйстве. С другой стороны, новая теория позволяла стимулировать положительную динамику развития национальной экономики через коллективную психологию и внедрение в сознание масс оптимистической веры в экономический потенциал нации, способной преодолеть ради хорошего будущего временные трудности. Из области национальной экономической истории экономический анализ перекочевал в сферу теории национального производства и военно-экономических теорий. К середине 30-х годов появилось специальное направление экономического анализа — *военно-экономический анализ*, который неизбежно должен был возникнуть в той беспрецедентной гонке вооружений на суше, на море и в возду-

[6] Цит. по: Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М.: Простор, 2000. С. 46.

хе, поразившей великие державы после окончания первой мировой войны.

Военно-экономический анализ включал в себя в качестве исходной базы систему господствующих экономических доктрин, поставляющих понятийный аппарат, методику экономико-математических расчетов, определения и методы, которые позволяли производить количественную оценку государственным мероприятиям по обеспечению боеготовности войск и их материально-техническому оснащению. Он производился на основе ряда независимых и зависимых переменных, в число которых входили количественные параметры и понятия, не имеющие количественного выражения: военная доктрина государства; экономический и научно-технический потенциал страны; военно-политическая ситуация; объемы ассигнований, выделенных на цели обороны; программа или план производства типов и видов вооружений; боевые или демонстрационные задачи, поставленные политическим руководством перед вооруженными силами.

Военная доктрина, в соответствии с военно-экономическими теориями, представляет собой систему взглядов на цели и характер возможной войны, на подготовку к ней страны, армии и флота, а также на способы ее ведения. Война, как известно, есть продолжение политики средствами насилия и вооруженного подавления сопротивления противной стороны. Политическое руководство страны формулирует военные взгляды исходя из оценки ситуации в мире.

В экономической литературе советского периода отсутствует определение понятия экономического потенциала, однако имеется определение военно-экономического потенциала: «*Военно-экономический потенциал — максимальные возможности страны по обеспечению материальных потребностей войны, определяемые состоянием производительных сил, характером производственных отношений и политическим строем государства*».[7] В экономической литературе стран Запада под военно-экономическим потенциалом понимается степень милитаризации экономики, а ее анализ ограничивается существующими и прогнозируемыми количественными показателями, используемыми в исследовании динамики военного и связанного с военным гражданского производства.

Несколько шире рассматривают понятие военно-экономического потенциала западные историографы, посвятившие свои труды исследованию экономических причин поражения Германии и по-

[7]История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5. М.: Наука, 1978. С. 92.

беды СССР в Великой Отечественной войне. Так, английский историк-экономист Э. Актон включал в понятие экономический потенциал незадействованные, но потенциально готовые к введению в военно-хозяйственный оборот технические, природные ресурсы и количество населения. *«Идея Гитлера победить СССР была сумасбродной, поскольку он намеревался разгромить противника, у которого промышленное производство было уже сравнимо с производством самой Германии, незадействованные потенциальные ресурсы были гораздо значительнее, а население страны в два раза больше».*[8]

Другой английский историк-экономист, М. Добб, включал в понятие «военно-экономический потенциал» ряд качественных показателей и, в частности, государственные институты и силу духа народа. *«Чисто количественные показатели военно-экономического потенциала СССР во Второй мировой войне явно недостаточны для анализа, поскольку они не учитывают долю ресурсов, которые можно быстро направить на военные нужды, силу духа народа, оказавшегося в смертельной опасности, а также масштабы и эффективность импровизации и творчества советских государственных институтов, проявившихся в военное время».*[9]

Основной смысл разногласий между военно-экономическими теориями, господствовавшими в СССР и ведущих державах Запада, заключался в идеологизированном, по мнению европейских экономистов, марксистском подходе к источникам военной агрессии и якобы нейтральном, неидеологизированном, геополитическом взгляде на расклад сил противостояния на международной арене, свойственном государствам парламентской демократии. Геополитика, которую в СССР относили к буржуазной «лженауке», действительно, получила на Западе официальный статус «теории будущих войн». В частности, в Германии Ф. Ратцель (1844–1904 гг.), К. Хаусхофер (1869–1946 гг.) и другие обосновали теорию серединного или «осевого» государства на европейском континенте, к которому отнесли Германию.

Согласно данной теории, у Германии не могло быть союзников на Западе, поскольку Запад — это атлантическая цивилизация, а Германия — континентальная, тяготеющая к Востоку. Страны «оси», которые сообща могут противопоставить альянсу Англии, Франции и США, согласно работам Хаусхофера, опубликованным в

[8] *Acton E.* Russia. The present and the past. L.; N. Y., 1986. P. 252; *Dobb M.* Soviet economic development since 1917. L., 1972. P. 296.

[9] *Dobb M.* Soviet economic development since 1917. L., 1972. P. 296.

начале 30-х годов, это — Германия, Россия и Япония. Он же цитировал американского геополитика Гомера Ли о том, что «последний час англо-саксонской политики пробьет тогда, когда немцы, русские и японцы соединятся».[10]

Геополитические теории Англии и США имели как в то время, так и в наши дни, много общего, что подтверждало основные тезисы континентальных геополитиков, а заодно и истинность их теоретических конструкций. Англичанин Дж. Макиндер (1861–1947 гг.), директор Лондонской школы экономики, обосновал теорию «смещения равновесия сил» для континентальной Европы и теорию «сил моря» для Британского содружества. На практике поведение Англии в период между двумя мировыми войнами, действительно, соответствовало указанной выше теоретической конструкции, но это вовсе не означает, что английская политика вытекала из каких-либо теорий. Скорее, английские теории основывались на английской истории.

Дж. Ф. Ч. Фуллер, автор объемного труда о Второй мировой войне, относительно геополитики, проводимой на протяжении истории английскими политическими деятелями, отмечал следующее: «*Британия стремилась сохранять равновесие сил, т. е. разделять путем соперничества великие континентальные державы и сохранять равновесие между ними. С точки зрения равновесия сил сразу было видно, кто являлся угрозой для колониального благополучия Англии. Врагом становилось не самое плохое государство на европейском континенте, а то, которое больше, чем остальные могло угрожать Британии и ее обширной империи. Так как такое государство обычно было сильнейшим в военно-экономическом отношении среди континентальных держав, то британские государственные деятели в мирное время были на стороне второго по силе государства или группы государств, коалиция которых только слегка уступала сильнейшему государству. Исходя из этого принципа, они вовсе не стремились к уничтожению противника, ибо это навсегда расстроило бы равновесие сил. Вместо этого целью войны было такое ослабление сильнейшего государства, чтобы можно было восстановить равновесие сил. Как только достигалось нужное ослабление, начинались переговоры о мире*».[11]

Вышеприведенная цитата по своему смыслу полностью соответствует тому, что писал Черчилль в своих мемуарах об основных направлениях английской политики в отношении континентальной

[10] Цит. по: *Дугин А. Г.* Основы геополитики. М., 1999. С. 72.

[11] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. литературы, 1956. С. 37–38.

Европы, за исключением применяемых эпитетов и, может быть, красноречия. В частности, поддержку «государства-противовеса» Черчилль определял как «наиболее трудный путь, который избирала Англия». «Государство-соперника» он называл «европейским военным диктатором»; поддержание очага напряженности в Европе — «способствованием развитию жизнеспособных многообразных обществ»[12] и т. д.

Другими словами, у Англии не было постоянных врагов, у Англии были постоянные интересы. Такая политика «умиротворения», проводимая со времен Тюдоров, снискала Англии славу демократической страны, постоянно воюющей за чужую свободу, и в то же время требовала от нее теоретического обоснования естественности человеческого эгоизма, поскольку только он служил константой проводимой ею политики в отношении континентальных европейских государств.

В отличие от Англии, у США, согласно геополитическим теориям, накануне Второй мировой войны был постоянный враг. Это — Япония. Отец американской геополитики А. Мэхен (1840–1914 гг.) был автором теории «срединного океана», в центре которого находились США и Панамский канал, соединяющий Атлантический и Тихий океаны. В Атлантике интересы США определяются той же самой доктриной «равновесия», где морские силы Англии будут компенсироваться растущей силой Германии. На Тихом океане морские силы Японии могли бы компенсироваться морским флотом России, но этого не случилось. Между двумя мировыми войнами Япония настолько развила свою морскую мощь, что американские геополитики не сомневались в вооруженном столкновении с Японией. В 1936 г. в США вышла книга «Война на Тихом океане», где подробнейшим образом описывалась будущая война со схемами маневрирования ударных авианосных группировок и планами высадки американского и японского десантов на тихоокеанские острова, Филиппины, Гуам, и т. д. Единственная стратегическая «ошибка», которую допустили авторы указанной книги, заключалась в предположении, что японцы нанесут превентивный удар по Панамскому каналу, а не по Перл-Харбору.[13]

Мы достаточно подробно рассмотрели геополитические теории, чтобы сравнить их с марксистскими теориями о войне и армии, которыми накануне Второй мировой войны руководствовались в СССР. Нам представляется, что данные «теории будущих войн»

[12] См.: *Winston S.* Churchill. The Gathering Storm. Cambridge: Riverside Press, 1948. P. 207–208.

[13] *Деннигер С., Гери С.* Война на Тихом океане. М., Л.: Военмориздат, 1939.

имеют право на существование, но они не являются первичными по отношению к экономике, политике, дипломатии и т. д. В СССР внимательно отслеживали все военно-теоретические новинки, выходящие на Западе. С начала 30-х годов в Военно-Морской академии, в академии ВВС имени Жуковского, в академии Генерального штаба и других высших военных учебных заведениях существовали специальные отделы, занимавшиеся переводом и изданием европейской литературы по военным, военно-техническим и военно-экономическим проблемам.

Геополитика как самостоятельная наука включает в себя положения политической экономии, традиционной государственной политики, дипломатии и принятые на вооружение тем или иным государством военно-политические доктрины. «*Новый материализм геополитиков*, — указывал в своей книге один из ее критиков, — *обладает таким же критическим, активистским и идеалистическим (в традиционном смысле слова) характером, каким обладал исторический материализм Маркса. Как марксизм стремился к осознанному осмыслению экономической жизни общества, так сегодняшний "хаусхоферизм" может быть определен как попытка политического осмысления пространства*».[14]

Марксистский анализ, которым оперировали в СССР между двумя мировыми войнами, не был чужд геополитическим трактовкам расстановки основных противоборствующих мировых сил. Он основывался на неравномерности экономического и политического развития капиталистических государств в эпоху империализма. Данный «закон» был известен в немарксистских кругах, что свидетельствует о его действительной универсальности, а не об узкоклассовом подходе к действительности. Вместе с тем хрестоматийно-марксистский анализ ставил СССР в 20–30-е годы как бы вне мировой политики.

В 1927 г., в связи с событиями на КВЖД, объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) сформулировал военно-доктринальную установку, которая несла в себе наслоения доктрины мировой гражданской войны, выработанной международной социал-демократией и III Интернационалом о перерастании мировой империалистической войны в мировую революционную войну: «*Грядущая война против СССР создаст обстановку, которая будет значительно, — а в некоторых важнейших пунктах и принципиально, — отличаться от ситуации 1914 г. Если в 1914 г. речь шла о войне между империалистическими государствами и на обеих сторонах фронта*

[14] Цит. по: *Дугин А. Г.* Основы геополитики. М., 1999. С. 570 (*Корш К.* Исторические взгляды геополитиков. Берлин, 1943).

был империализм, то в войне против СССР империализм борется против пролетариата, организованного как государственная власть. Поэтому здесь можно и должно говорить о нападении одной (империалистической) стороны на другую (пролетарскую); поэтому здесь должно говорить как о защите социалистического отечества (которого не было в 1914 г.), так и о защите китайской революции».[15]

Нашим современникам, наверное, уже невозможно понять, какая связь может существовать между военной доктриной СССР и «китайской революцией», если речь идет о части суверенной территории СССР, подвергшейся военным провокациям вследствие произошедшей в Китае революции и начавшейся там гражданской войны? Может ли страна, владеющая почти половиной дефицитных ресурсов планеты и представляющая по этой причине интерес для агрессии, аннексии и раздела ее территории между державами, испытывающими острую нехватку сырья, строить свои вооруженные силы, исходя из «помощи» мировому революционному пролетариату, пацифистским, миротворческим и другим международным социальным слоям и общественным институтам? Вторая мировая война, агрессия Германии и ее европейских союзников против СССР развеяли многие иллюзии, существовавшие как в международной политике империалистических держав, так и в политическом руководстве СССР относительно возможностей политического, экономического и военно-экономического анализа в предугадывании событий будущего.

В СССР слишком большое значение придавали циклическому характеру развития капиталистической экономики и связанным с ним перспективам мирового революционного процесса. Теория общего кризиса капитализма, разработанная в 20-е годы в работах К. Каутского, Л. Д. Троцкого, Н. Осинского (В. В. Оболенского), А. Л. Парвуса (Гельфанда), С. А. Первушина, Д. И. Опарина и других экономистов, причислявших себя в указанное время к левой социал-демократии, базировалась на «автоматизме» экономических процессов. Независимо от воли и сознания людей якобы действует «невидимая рука» личного интереса индивидуального производителя, существуют законы рынка и денежного обращения, большие и малые циклы экономической конъюнктуры, экономические кризисы и т. д., и т. п.

Мировой экономический кризис, вызванный первой мировой войной, интерпретировался в советской экономической литературе

[15]КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Госполитиздат, 1953. С. 364.

20-х годов и международной революционной прессе как последний, или, в крайнем случае, как предпоследний циклический кризис, за которым неизбежно последует крах мирового капитализма. «*Второй или третий периодический цикл может вновь, как в годы войны, перейти в комбинированный кризис, во второй апоплексический удар, который чаще всего кончается смертью*»,[16] — утверждал, например, Н. Осинский (В. В. Оболенский), который был не последним человеком в структурах послереволюционного государственного и партийного советского руководства, академиком и директором Института Мирового хозяйства и мировой политики в 1923–1925 гг. Экономическая теория, которая исследует глобальные процессы, протекающие в экономике, вольно или невольно прививала политическому руководству страны взгляд на ее вооруженные силы, как на временное явление, своего рода «неизбежное зло», с которым следует мириться в ожидании «автоматического» краха мирового капитализма. Возможно, считали исследователи «мировой конъюнктуры», мировой империализм предпримет военное наступление на государство «мирового пролетариата», но это будет его последнее наступление, поскольку оно станет началом конца истории международного капитализма.

Вышеизложенные взгляды вновь возникли в экономической литературе 60-х годов XX столетия в связи с распадом колониальной системы. Возросший интерес к глобальным кризисам капитализма напрямую отразился на военной доктрине советского государства, структуре и составе вооруженных сил, уровне их материально-технического и экономического обеспечения, стратегической, тактической и командной подготовке офицерских кадров в военных академиях и училищах. Появление оружия массового уничтожения способствовало формированию теории «глобальных» и «молниеносных» войн, в которых якобы будут участвовать только «малые профессиональные армии», оснащенные различного вида ракетами и действующие при постоянной поддержке авиации. Происходящее сокращение численности армии, видов и родов вооруженных сил СССР предполагалось компенсировать, как и в случае мировой революционной войны, «массовым партизанским движением» и «помощью рабочего класса и трудящихся масс капиталистических стран, а также народов порабощенных империализмом колоний и зависимых стран».[17]

---

[16] *Осинский Н.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. М.: Красная новь, 1922. С. 171.

[17] См., напр.: Марксизм-ленинизм о войне и армии / Под ред. И. Н. Леванова и др. М.: Воениздат, 1957. С. 143, 47.

Новации в области военного строительства, проводимые в жизнь в годы хрущевской «оттепели», критика «культа личности» И. В. Сталина, развернувшаяся в СССР и странах социалистического лагеря после XX съезда партии, активизация антисоветских и антисоциалистических сил в западноевропейских странах вновь вызвали интерес к военному прошлому, значительно увеличилось число публикаций по тематике военной экономики СССР и стран антигитлеровской коалиции. Этому способствовало также то обстоятельство, что к концу 50-х годов в основном завершилась массовая передача в архивы документов и материалов военных лет. Только в крупнейшие хранилища военной документации поступило свыше 13 млн дел. С 1956 по 1969 г. архивными учреждениями страны было опубликовано более 100 сборников документов. С начала 60-х и до конца 70-х годов в СССР было выпущено около 20 тыс. статей, брошюр и монографий о Великой Отечественной и Второй мировой войне.[18]

Критика полководческих способностей И. В. Сталина, в весьма своеобразной форме осуществленная Н. С. Хрущевым, имела положительное значение для истории военной экономики, так как анализ военных факторов победы СССР в Великой Отечественной войне уступил место анализу ее экономических источников. После XX съезда КПСС было опубликовано значительное количество историко-экономических работ о функционировании промышленности, торговли, материально-технического снабжения, финансовой и налоговой систем СССР в годы войны. Публиковались мемуары хозяйственных руководителей, министров, конструкторов вооружения, которые вызывали не меньший интерес, чем мемуары полководцев и военачальников.[19] В иерархии основных факторов, определяющих ход и исход войны, собственно военные факторы опустились на третье место, уступив первенство экономическому и моральному факторам.

60-е годы стали наиболее продуктивными для западной советологии в исследовании военной экономики СССР, хотя, по мнению американского историка М. Малиа, серьезные исследования в этой области стали появляться сразу после окончания Второй мировой войны и перед началом «холодной войны». Несмотря на

[18] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 307.

[19] См., напр.: *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973; *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968; *Михайлов Н. А.* В те годы. М., 1975; Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. М., 1977; *Яковлев А. С.* Записки авиаконструктора. М., 1968; и др.

антикоммунистическую направленность и тенденциозность советологических исследований, формировавшихся в условиях идеологического противостояния, борьбы и мирного сосуществования двух военно-политических блоков и общественно-политических систем, англоязычная литература о советской экономике военного времени характеризуется большей объективностью, чем труды «перебежчиков», ставших «советологами» и «специалистами по советской экономике», чтобы отработать горький эмигрантский хлеб. Скудость источниковой базы, недоверие к официальным публикациям и статистическим сведениям по народному хозяйству СССР стали причиной превалирования *моральных* критериев анализа над *экономическими* и появления серьезных разногласий в оценке советского экономического и военно-экономического потенциала, даваемой военными экономистами-аналитиками ЦРУ и специалистами по «сталинской» и «командной» экономике.

С началом «холодной войны» в западной советологии определяющей «моделью» стала концепция тоталитаризма. Ее отличие от моделей, известных из теоретической экономики, состоит в том, что она не имеет четкого, логически взаимосвязанного понятийного аппарата и количественных показателей, построенных на математических расчетах. В своих основных чертах концепция тоталитарной экономики до сих пор сохраняет свое место в исследовании советского прошлого и российского настоящего. Признавая невозможность теоретического анализа советской экономики по моделям рыночного хозяйства и неадекватное восприятие западным читателем модели планового хозяйства, бывший советский экономист И. Бирман, выступивший в 1985 г. в Русском центре Гарвардского университета с докладом «Советская экономика и советология» предложил перейти от модели «тоталитарной экономики» к модели «экономики анекдотов»

«*Я был не прав*, — отмечал в своем докладе И. Бирман, — *утверждая, что понять советскую экономику извне невозможно. Но возможно не значит легко. Сторонний наблюдатель всегда имеет дело с артефактами, он вечно не уверен. Прожив 45 лет в СССР и изучая его экономику извне еще 11 лет, я доверяю своей интуиции больше, чем моделям. Размышления, здравый смысл и логика, и то, что называется мной и некоторыми советологами "экономикой анекдотов", имеют фундаментальное значение для понимания советской экономики*».[20]

[20] *Бирман И.* Советская экономика и советология // Вопросы экономики. 1990. № 7. С. 121.

Критикуя «модель» И. Бирмана, другой советолог, Д. Р. Марплз, отмечал, что теория «экономики анекдотов» использовалась на Западе уже в годы первых советских пятилеток. Возможно, именно она ввела Гитлера и западноевропейских лидеров в заблуждение относительно экономического и военного потенциала советской экономики. Она не оказала влияния на общественную психологию по изменению экономического строя СССР. В условиях «холодной войны» и курса политического руководства Советского Союза на экономическое сотрудничество и мирное сосуществование, она, возможно, сыграла положительную роль. Но она не способна объяснить успехи советской экономики в годы Второй мировой войны, которые в западной экономической историографии оказались «заброшенными» по сравнению с довоенным и послевоенным периодами. Между тем, важнее понять устройство военной экономики в СССР, чем пытаться постфактум доказать и высмеять несостоятельность сталинизма.[21]

Исследование советской военной экономики проводилось западными аналитиками по следующим направлениям:

а) этапы развития военной экономики СССР в предвоенные, военные и послевоенные годы (в предвоенные годы особое внимание уделялось индустриализации: в военные годы исследовались потери в военно-промышленном потенциале в результате оккупации и источники восстановления военно-экономического потенциала; в послевоенные годы — конверсия военного производства на непрофильных предприятиях и формирование советского ВПК);

б) военно-экономический потенциал Советского Союза (людские ресурсы, профессиональная подготовка военных и обслуживающего персонала, научно-технические и производственные возможности, обеспеченность военного производства сырьем и ноу-хау, экономическая и хозяйственная организация советского ВПК);

в) плановое управление народным хозяйством (роль планирования в военной мобилизации хозяйства, преимущества и недостатки централизованного планирования, преемственность форм и методов планирования в предвоенные и военные годы, институциональное устройство плановой системы хозяйства, взаимодействие центральных и региональных планово-управленческих структур, личностный фактор в военно-экономическом планировании и другие проблемы плановой экономики);

г) источники победы СССР над Германией и ее европейскими

[21] Марплд Д. Р. Сталинизм в 1940-е годы: взгляд с Запада // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 518.

союзниками (жесткая централизация управления всем народным хозяйством, патриотизм и национализм населения, военная и экономическая помощь союзников по антигитлеровской коалиции, отсутствие частной собственности на средства производства и рациональная организация труда; большие пространства и полное самообеспечение сырьем и энергоресурсами; заблаговременно проведенная индустриализация и своевременный перевод экономики на военные рельсы и т. д.);

д) изменения в советской экономической системе, вызванные длительной и изнурительной войной (диктаторские методы экономической организации советского общества; исключение промежуточных звеньев и предоставление директорам самостоятельности в реализации производственных планов под личную ответственность; ослабление коллективной структуры в сельском хозяйстве; возникновение «параллельной экономики» на основе подсобных хозяйств промышленных предприятий и формирование «черного рынка»; появление элементов рыночной экономики в производстве и обособлении ВПК в особую структуру народного хозяйства);

е) влияние Великой Отечественной войны на дальнейшую эволюцию советского хозяйства в послевоенные годы (ускоренная индустриализация азиатской части Росси; формирование центра ВПК в Поволжье; рост амбиций СССР в международном лидерстве, восприимчивость советского руководства к реформаторским тенденциям в связи с образованием СЭВ и Варшавского договора; отказ от репрессивных и насильственных мер в политическом и экономическом управлении страной и государством; стремление представить экономическую жизнь в СССР в привлекательном виде для стран народной демократии; политические, моральные и социальные выгоды, приобретенные Советским Союзом в результате присоединения новых территорий и технологий; получение иностранной помощи и репараций от Германии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Австрии, Италии и других стран).

Несмотря на широкий спектр рассматриваемых проблем, зарубежная историография военной экономики СССР по-прежнему страдает излишней политизированностью, поверхностным подходом к исследованию военно-экономического потенциала Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Отечественная экономическая историография 1941–1945 гг. является несравненно более обширной. Так, Р. Бидлэк признает, что в СССР после Великой Отечественной войны было опубликовано в несколько тысяч раз больше исследований, чем на Западе, где, как известно, не су-

ществовало цензурных ограничений на подобного рода издания.[22]

Одним из существенных недостатков зарубежной историографии советской военной экономики является использование в качестве критерия эффективности тех или иных мер их «рыночного потенциала». Между тем, у плановой экономической системы была своя логика развития. С этой точки зрения, целесообразными оказались те меры в области экономической политики, которые отвечали этой логике, укрепляли систему, делая ее более адекватной складывающимся реалиям, хотя и не способствовали ее «рыночной эрозии».

Вместе с тем в советской историографии благодаря усилиям историков 40–50-х годов сложились хрестоматийные представления о широких возможностях командно-административной системы управления, способствовавших быстрой перестройке народного хозяйства как на военные, так и на мирные рельсы. Зачастую они обладают столь же невысокой степенью достоверности, что и негативные и необоснованные суждения западноевропейских историков и экономистов.

В 80–90-е годы XX столетия литераторы и публицисты вследствие изменения политической конъюнктуры стали использовать в качестве журналистских находок именно такого рода источники о военной экономике. В газетных и журнальных статьях появилось множество упрощений, умолчаний, искажений, фактических ошибок. Ряд авторов стремились приобрести популярность в либеральном общественном мнении, освещая лишь негативные моменты советской военной истории. Некоторые исследователи стали активно воспроизводить в науке конъюнктурные тенденции публицистики, политизировать ее. Для представителей этого направления современной историографии характерно резко негативное, неуважительное отношение к трудам ученых предшествующих поколений и героической истории страны периода Великой Отечественной войны.

В результате картина недавнего военного прошлого выглядит весьма одномерной и малоубедительной. Историческое прошлое, несомненно, нуждается в постоянном переосмыслении. Но в результате дополнительных интеллектуальных усилий должна сложиться многоплановая картина отечественной истории, должны рождаться труды обобщающего плана, а не оттачиваться мелочное копание в деталях и частностях, которых достаточно в истории любого народа. Представляется, что история Великой Победы достойна

[22] *Дроздов В. В.* Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е годы. М., 1998. С. 95.

того, чтобы ее величие основывалось на солидном методологическом, методическом и концептуальном основании, на введении в научный оборот и осмыслении новых фактических данных, архивных документов и материалов, статистики, печати, воспоминаний. В свою очередь, авторам желательно демонстрировать высокую источниковедческую культуру, отточенную технику анализа и широту мировоззренческих подходов к изучению мирового исторического процесса в целом и конкретных его проявлений в отечественной истории.

Глава 2

Строительство военной экономики СССР в 20–30-е годы XX столетия

1. Военно-экономическое строительство в годы НЭПа

Первым декретом Советской власти был известный «Декрет о мире». Россия вышла из мировой империалистической войны, заключив сепаратный мир с Германией. Кадровая армия была распущена. Советское правительство предполагало строить новые вооруженные силы на милиционно-территориальной основе. Гражданская война и иностранная военная интервенция несколько подкорректировали эти планы. С развертыванием внутренних военных действий в августе 1918 г. СНК образовал Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии (Чрезкомснаб), на которую возлагалась задача централизованной мобилизации военно-экономических ресурсов на цели обороны социалистического Отечества.

30 ноября 1918 г. был образован Совет обороны (Совет рабочей и крестьянской обороны).[1] В Совет первоначально входили: В. И. Ленин (председатель СНК), И. В. Сталин (представитель ВЦИК), Л. Д. Троцкий (председатель РВСР), Л. Б. Красин (представитель Чрезкомснаба), В. И. Невский (представитель НКПС), Н. П. Брюханов (представитель Наркомата продовольствия), В. П. Милютин (представитель ВСНХ), С. С. Данилов (представитель Главкомтруда), Г. Н. Мельничанский (представитель профсоюзов).

Совет обороны использовал те же чрезвычайные методы военно-экономического управления что и Особое совещание по обороне, созданное в 1915 г. Он собирался на обсуждение неотложных вопросов два раза в неделю и по мере необходимости. Решения Совета и выступления его членов не протоколировались. Практическое исполнение решений проводилось через институт ***чрезвычайных уполномоченных***, действовавших от имени Совета и наделенных исключительными правами: отстранять от работы любых нижестоящих должностных лиц; предавать виновных в саботаже исполнения приказов суду ревтрибунала; арестовывать и реквизировать имущество всех форм собственности; производить обыски; формировать железнодорожные составы и воинские эшелоны; отменять, в случае необходимости, решения местных органов власти; мобилизовы-

[1] СУ РСФСР, 1918, № 91–92, ст. 924.

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА С.Петербург

вать население в порядке воинской, трудовой и гужевой повинности и т. д.

По мере исчерпания материальных ресурсов, сохранившихся на складах тылового обеспечения «старой» армии, появилась проблема организации производства военной продукции. В августе 1919 г. был учрежден ***Совет военной промышленности*** (**Промсовет**) как структурное подразделение Совета обороны. В его задачи входила не только реквизиция запасов и сырья для оборонной промышленности, но и организация самого производства, координация работы смежных предприятий и т. д. Организационная форма его деятельности была заимствована у ***военно-промышленных комитетов***, которые теперь состояли практически из рабочих-партийцев и слились с фабрично-заводскими комитетами. Некоторые предприятия, как известно, вплоть до начала 30-х годов управлялись фабзавкомами.

Промсовет принимал заявки от Отдела военных заготовок ВСНХ (Центровоензаг), на который было возложено тыловое обеспечение армии обмундированием, обозным и инженерным имуществом. Продовольственное обеспечение выполняли органы продразверстки, деятельность которых координировалась Наркоматом продовольствия. Национализация предприятий-поставщиков различного вида имущества для нужд армии производилась по спискам, доставшимся органам военного снабжения по наследству от Особого совещания по обороне.[2] В 1919 г. на оборону работало более 50 специализированных предприятий и 330 предприятий гражданских отраслей, перепрофилированных для производства предметов военного снабжения. В общей сложности, по заказам военного ведомства трудилось 862 тыс. рабочих металлической, топливной промышленности и транспорта.

Гражданская война проходила в условиях большой мобильности фронтов. Только 30% личного состава Красной Армии сражалось на каком-либо одном фронте. 70% перебрасывалось с фронта на фронт и принимало участие в боевых действиях на двух-трех, а то и четырех фронтах. Второй особенностью было то, что промышленный центр Республики оказался отрезанным от продовольственных и сырьевых окраин. Военная промышленность Москвы, Петрограда, Тулы, Самары работала в этих условиях на вторичном сырье, поэтому одним из довольствующих органов по снабжению военного производства сырьем являлся ***Отдел утилизации ВСНХ***. Каждая воинская часть обязана была возвращать военно-

[2]История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 1. М.: Наука, 1976. С. 272.

хозяйственным органам использованные консервные банки, стрелянные гильзы, непригодное к восстановлению военное металлическое имущество. За три месяца 1919 г. тульские оружейные заводы получили около 8 тыс. пудов свинцового лома и обрезков. На кустарном производстве из этого лома отливались пули. Более 2 млн патронов было изготовлено из стрелянных гильз, без переплавки и проката латуни.

При ВСНХ был образован комитет, который занимался изысканием резервов и возможностей для создания вооружения из наличных ресурсов. К его работе были привлечены в качестве экспертов и консультантов 250 профессоров, 300 инженеров и около 240 специалистов в области химии, военно-технического строительства, топлива и металлургии. Среди них были ученые с мировым именем: Н. Е. Жуковский, А. Н. Крылов, А. И. Туполев, Н. Д. Зелинский, И. М. Губкин, И. А. Каблуков и другие.[3] Находились оригинальные решения по переоборудованию бронеавтомобилей в легкие танки, ремонту и сборке аэропланов и дирижаблей, покрытию поездов и вагонов броневым листом, вооружению бронепоездов и другие.

В порядке государственной повинности к обороне и тыловому обеспечению воюющей армии привлекалось все трудоспособное население. Постановлением СТО были введены следующие виды повинностей:

- натуральная дровяная повинность;
- трудовая повинность по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива;
- гужевая повинность для подвоза топливных, военных, продовольственных и иных государственных грузов в города, к железным дорогам, пристаням и другим приемным пунктам.

Были установлены трудовые нормы, выполнение которых считалось обязательным. Лесорубы, лесовозы, рабочие торфяников и углекопы были мобилизованы на работу на правах военнослужащих. Самовольный уход с работы и невыполнение урочной нормы рассматривались как дезертирство. Подобного рода мероприятия проводились и по ту сторону фронта — в белой армии и на территориях, оккупированных иностранными военными интервентами.[4]

В условиях, когда вся экономика страны работала на решение

---

[3] *Коваленко Д. А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М.: Наука, 1970. С. 200.

[4] Протоколы Президиума Госплана СССР. 1923 г. Сб. документов: В 2 ч. Ч. I. М.: Экономика, 1991. С. 334.

военно-промышленных задач, а страна была превращена в военный лагерь, довольно сложно выделить мероприятия, направленные на строительство экономики, решающей двуединую задачу – хозяйственную и оборонную, т. е. той экономики, которая в СССР 50–70-х годов стала называться «оборонкой». Начало ее создания можно отнести к концу 1920 г., когда было принято решение о демобилизации регулярной армии, участвующей в гражданской войне, и переходу к ее комплектованию на постоянной, профессионально-кадровой основе. Данное решение было принято VIII Всероссийским съездом Советов. Из 5-миллионной революционной армии в кадрах было оставлено всего 542 тыс. человек.[5] Однако и в дальнейшем процессы реформирования армии носили неоднозначный характер, поскольку периодически проводились чрезвычайные мобилизации на борьбу с бандитизмом, басмачеством и в связи с пограничными конфликтами.

Испытывая острейшую нужду в военной продукции, но прекрасно понимая, что в кратчайшие сроки все военное производство восстановить невозможно, советское правительство пошло по единственно возможному пути. Оно выделило отдельно заводы военной промышленности, в первую очередь те, которые можно было восстановить и запустить в короткие сроки, в особую производственную группу, подчинив ее Главному управлению военной промышленности (ГУВП). На обеспечение деятельности этой группы предприятий были направлены основные усилия правительства в области военной экономики.

Благодаря принятым мерам почти все выделенные в ГУВП заводы удалось с неимоверными трудностями запустить и обеспечить топливом, сырьем, инструментом, рабочей силой. Можно даже отметить частичные успехи по сравнению с периодом первой мировой войны, когда, например, на Сормовском заводе впервые в истории России было организовано производство танков.

На первом этапе реформирования управления военной экономикой были сохранены основные принципы оперативного управления военной промышленностью регионов через создание региональных филиалов ГУВП. Так, например, учитывая стратегическую важность военной промышленности Петрограда, для непосредственного руководства ею телефонограммой председателя СТО республики №227 от 7 августа 1921 г. выражалось требование к властям города о создании Петроградского филиала ГУВП. Для скорейшей его организации в Петроград был направлен специальный упол-

[5] Там же. С. 334.

номоченный Главного управления. Особый статус Петроградского филиала ГУВП определялся еще и тем, что Петровоенпром являлся официальным филиалом ГУВП при ВСНХ республики и со времен гражданской войны непосредственно руководил военной промышленностью «особой группы» региона по заданиям центра. Его возглавлял особо уполномоченный, который одновременно являлся помощником начальника ГУВП.

Необходимо отметить, что советское правительство постоянно прилагало усилия по восстановлению военных заводов и расширению «особой производственной группы», подчиненной ГУВП. Так, на 1 января 1921 г. ГУВП ВСНХ подчинялось 62 предприятия, на которых работало около 130 тыс. человек.[6]

Политика, проводимая ГУВП, находила энергичную поддержку со стороны высших государственных органов. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует циркуляр ВЦИК №19103 от 1 августа 1922 г., направленный всем губисполкомам страны. В нем отмечалось, что многие местные органы власти допускают вмешательство в деятельность предприятий ГУВП. В связи с этим ВЦИК потребовал неукоснительного исполнения своего постановления, в котором указывал:

1. Все предприятия, склады и прочие учреждения ГУВП находятся в исключительном распоряжении ГУВП.

2. Всем местным органам власти воспрещается какое бы то ни было изъятие оборудования, транспорта, сырьевых материалов, топлива и прочего, без согласия ГУВП.

Виновные в нарушении этого постановления подлежали привлечению к судебной ответственности. Циркуляр был подписан председателем ВЦИК М. И. Калининым.

Однако помимо внутренних проблем, существовали проблемы международного плана. Гражданская война и отражение агрессии в ходе иностранной военной интервенции не разрешили конфликта в международных политических и финансовых отношениях России и Антанты. Угроза новой интервенции по отношению к СССР не снималась вплоть до его вступления в Лигу наций и даже позже. Существовал комплекс противоречий, связанный с:

- экономической изоляцией СССР со стороны промышленно развитых стран мира;
- относительной политической изоляцией СССР в силу особенностей его политического строя и объявлением им капиталистическому миру «революционной войны»;

[6] *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 54.

• отсутствием высокотехнологичной многоотраслевой индустрии, которая позволяла бы на гражданских предприятиях выпускать военную продукцию мирового уровня;

• необходимостью защиты самой протяженной в мире сухопутной границы, по периметру которой СССР соседствовал с недружественными по отношению к нему странами.

В силу названных причин СССР был лишен возможности закупать за границей необходимое ему стратегическое сырье, высокотехнологичное оборудование, современные виды оружия.

В случае войны и региональных конфликтов он был лишен возможности вступить с кем-нибудь из других высокоразвитых стран в военно-политические союзы.

Как средство разрешения данных противоречий были сформулированы основные принципы организации военной промышленности, изложенные начальником Главного управления военной промышленности ВСНХ СССР П. И. Богдановым и его помощником по военно-техническим вопросам профессором В. С. Михайловым в докладе «Об организации военной промышленности», представленном в Реввоенсовет, Совнарком и СТО 2 марта 1924 г. В нем, в частности, говорилось, что «*... все без исключения предметы вооружения и снабжения армии должны быть изготовлены внутри Республики; все военные производства должны базироваться на отечественном сырье*».[7]

Поэтому в качестве основной экономической структуры для подготовки промышленной базы к войне был необходим комплекс военно-промышленных предприятий, способных независимо от уровня технико-экономического развития гражданских отраслей промышленности производить предметы вооружения и боевой техники на уровне мировых стандартов. Данный комплекс военно-промышленных производств должен был стать относительно самодостаточным, т.е. обладать взаимосвязанной системой научных центров, предприятий, органов управления и т. д., способных воспроизводить все необходимое для своего существования, функционирования и развития в интересах решения военных задач.

Достижение относительной самодостаточности возможно было только при выполнении определенных условий:

1. Придание военному производству приоритетного характера со стороны политического и государственного руководства страны.

2. Обеспечение интересов военного производства через вхожде-

[7] *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР... С. 33.

ние его представителей в органы политической и государственной власти всех уровней.

3. Организация особой структуры управления, сочетавшей жесткую централизацию с относительной самостоятельностью руководителей предприятий в вопросах производственной, научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности.

4. Наличие собственных научных центров, обеспечивающих высокий уровень военного производства.

5. Наличие образовательных заведений, отвечающих за подготовку и переподготовку квалифицированной рабочей силы, инженерно-технического состава и управленческого аппарата для военного производства.

6. Приоритетное обеспечение потребностей предприятий военного производства в финансировании, сырье, энергии, станках и оборудовании.

7. Создание на предприятиях военного производства запасов сырья, станков, оборудования, резервных производственных площадей и рабочей силы для обеспечения автономного режима производства на определенный срок.

8. Специфическая система взаимосвязи предприятий и взаимная кооперация, обеспечивающие замкнутый цикл одного или нескольких видов военного производства.

С целью выполнения задач, определенных ***Постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 года***, вся военная промышленность была передана во всесоюзное ведение. Новая экономическая политика носила противоречивый характер. Часть военных заводов, которые можно было перепрофилировать на производство товаров широкого потребления без значительной реорганизации и затрат, были переданы различным трестам, производящим продукцию гражданского назначения. На промышленных предприятиях, сохранившихся в составе ГУВП и выпускающих военную продукцию, параллельно организовывался выпуск продукции мирного назначения.

Так, например, в апреле 1924 г. по соглашению между Главным управлением военной промышленности и трестом слабых токов, последнему передавался из состава Севзапвоенпрома радиозавод имени Коминтерна. С октября 1924 г. Балтийский судостроительный и механический завод вместе со своим Адмиралтейским филиалом был передан в судостроительный трест. В апреле 1925 г. в ведение Авиационного треста был передан завод «Красный летчик». В сентябре этого же года завод Военно-врачебных заготовлений «Красногвардеец» был передан из Главного военно-санитарного управле-

ния Ленгубздравотделу. Реально в составе объединения оборонной промышленности Ленинграда оставалось работать восемь военных заводов из 32-х, но и на них в результате снижения военных заказов на освободившихся производственных площадях был организован выпуск мирной продукции. В докладной записке о деятельности Севзапвоенпрома за 1922–1926 гг. в адрес Ленинградского губкома и Северо-Западного промбюро говорилось, что «... Севзапвоенпром уже как года три насаждает на военных заводах мирную продукцию, Севзапвоенпром пионер в этой области...»

Далее в ней обосновывалась необходимость коммерческого подхода к производству в условиях НЭПа при постоянном сокращении военных заказов. Шел процесс реформирования вооруженных сил, что, по мнению составителей записки, должно было найти отражение в структуре производства.

К 1925 г. реформа Красной Армии была в целом завершена. Политическое руководство страны определилось с вопросом о том, какие вооруженные силы нужны СССР на данном этапе развития мировой истории. А. И. Рыков, ставший после смерти В. И. Ленина председателем СНК и СТО, так определял основное направление государственной политики в области военного и оборонного строительства: «*разговоры великих держав о ликвидации войн, о миролюбии, о том, что война 1914 года была войной последней, это сущие пустяки, которые пускаются в ход для обмана усталых от войны масс. Состав армии в Европе сейчас больше, чем был до войны. Но даже при таком положении вооруженных сил в Европе мы решили рискнуть на гигантское сокращение постоянной армии, подкрепив ее периодическими территориальными призывами на короткие сроки в 1–2 месяца, но мы не смогли решиться на уменьшение расходов на вооружение армии. Мы едва ли сможем в короткий срок вооружить ее так, как вооружают свои армии Англия и Франция, но мы сможем вооружить ее не хуже, чем вооружают Польша и Румыния, и так как диктаторы современной буржуазной Европы не любят воевать сами, а посылают воевать своих лакеев, то мы надеемся, что наша армия с ними справится*».[8]

Однако техническое вооружение сокращенной в десять раз армии оказалось в условиях мира непростым делом. Чрезвычайные методы управления экономикой себя исчерпали, поскольку были использованы накопленные ранее резервы и запасы. Следовало

[8] *Рыков А.* О международном и внутреннем положении СССР. Доклад на Бауманской партконференции 10 мая 1924 года // Рыков А. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 315.

приступать к восстановлению промышленности, транспорта, развивать товарообмен с деревней, внешнюю торговлю и решать проблему внешней задолженности. За годы гражданской войны общий объем промышленного производства в Советской России сократился почти в пять раз (см. табл. 1).

Таблица 1. **Влияние гражданской войны на экономику России**

Основные экономические показатели	1917 год	1920 год
Объем промышленного производства (млрд зол. руб.)	3,8	0,8
Сельскохозяйственное производство (в % к довоенному)	72	64
Дефицит государственного бюджета (млрд зол. руб.)	27	1168
Покупательная способность рубля (в % к довоенному)	4,5	0,005

Источник: *Дьяченко В. П.* История финансов СССР. 1917–1950 гг. М., 1978. С. 54, 67.

Снабжение Красной Армии оружием и боеприпасами в годы гражданской войны осуществлялось только на 19,8% за счет собственного производства, а на 42,5% — за счет старых запасов и на 37,7% — за счет вооружения, захваченного у противника, либо поставленного Антантой по союзническим договорам с царским, Временным и «самостийными» правительствами. По данным Чусоснабарма, в Красную Армию было поставлено основных видов оружия и боеприпасов в пять раз больше, чем произведено в 1918–1920 гг. на оборонных предприятиях Москвы, Петрограда, Тулы, Урала и Нижнего Новгорода (табл. 2).

Таблица 2. **Снабжение Красной Армии оружием и боеприпасами в 1918–1920 годах**

Оружие, боеприпасы	Арсенальные запасы	Произведено заводами	Всего со складов	Поставлено Чусоснабармом	Превышение
Орудия (тыс. шт.)	1,0	0,8	1,8	3,2	+ 1,4
Снаряды (млн шт.)	2,4	0,7	3,1	5,9	+ 2,8
Винтовки (млн шт.)	1,2	0,6	1,8	2,1	+ 0,3
Патроны (млрд шт.)	0,5	0,4	0,9	1,2	+ 0,3

Источник: *Вольпе А.* Чусоснабарм // Война и революция. 1925. Кн. 5. С. 91.

С переходом к жесткой экономии денежных средств в условиях НЭПа СНК стал устанавливать предельные суммы расходной части бюджета. Расчет велся в «товарных» рублях, которые условно, по целому ряду коэффициентов, соответствовали «золотым» рублям. На 1921/1922 г. лимит бюджетных расходов был установлен

в 1 млрд руб. После сокращения армии представители НКФ и финансовой секции Госплана, РВСР, Наркомвоенфлота и Главсанупра регулярно согласовывали между собой контрольные цифры сметного финансирования, сверяли их с текущими ценами и потребностями своих ведомств (согласно нормам довольствия). Сметные расчеты после обсуждения и согласования утверждались на Президиуме Госплана и передавались на утверждение в СНК.

Впервые подробная расчетная смета Военного ведомства была составлена в «товарных» рублях в 1921/1922 бюджетном году. Несмотря на ряд не проведенных армией закупок, перерасход сметы составил 8 млн «товарных» рублей. После специального доклада в СНК о положении в армии, НКФ выделил дополнительное ассигнование в 9,5 млн «товарных» рублей. Таким образом, в условиях мирного времени сметное финансирование кадровой армии, при постоянно растущей инфляции и ограниченных возможностях бюджета, носило довольно условный характер. Армия недополучала патронов (из-за чего не проводилось обучение стрельбе), топлива (из-за чего не проводилось обучение на материально-технической части), нательного белья, обмундирования, круп и мяса, положенных по нормам довольствия, была вынуждена заниматься заготовкой сена. Боевые кавалерийские лошади недополучали овса, который заменялся жмыхами в пересчете на калории.

После сокращения вооруженных сил, сформировавшихся в годы гражданской войны, в армии остались только профессиональные военные. Должности младшего командного состава были укомплектованы лицами, которые в годы гражданской войны командовали полками и эскадронами. «*Мы стремимся к тому, чтобы поставить командный состав в хорошие условия, чтобы получить военных профессионалов*, — докладывал на заседании Президиума Госплана заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянский, — *однако, до настоящего времени нами практикуется принудительное задержание командного состава на службе*».[9] Несмотря на сокращение расходов Военного ведомства, они и в условиях мирного времени поглощали до четверти годового бюджета страны. При столь непропорционально больших затратах заработная плата командного состава находилась на недопустимо низком уровне. Командир отделения получал в месяц 13 товарных рублей, командир взвода — 17, командир роты — 32, командир полка — 48. Для сравнения: комплект обмундирования (без шинели) стоил 130 рублей.

[9]Протоколы Президиума Госплана СССР. 1923 г. Сб. документов: В 2 ч. Ч. 1. М.: Экономика, 1991. С. 334.

Таблица 3. **Смета Военного ведомства на 1921/1922 — 1922/1923 гг.**

Выделенные ассигнования по статьям расходов (млн «товарных» рублей)	1921/1922	1922/1923
I. Снабжение 242-тыс. контингента сухопутных сил (подчиненных РВСР) обмундированием, продовольствием и денежным содержанием	165,1	210,5
Из них: вещевое довольствие личного состава	47,1	71,5
продовольственное снабжение	53,0	58,5
заработная плата командному составу	65,0	80,5
II. Расходы на содержание материальной части артиллерии, бронедивизионов, авиации, инженерного имущества, войск связи, кавалерийских войск и др.	19,1	25,0
В том числе авиация	8,9	13,0
III. Расходы по Главному управлению военной промышленности	7,8	12,5
IV. Снабжение 15-тыс. контингента морских сил (подчиненных Наркомвоенфлоту)	15,2	20,0
V. Расход по Главному санитарному управлению армии и флота (подчиненных РВСР)	16,8	19,0
ИТОГО:	244,0	300,0

Источник: Центральный государственный архив экономики РФ. Ф. 4372 (фонд Госплана). Оп. 14 (бюджетно-финансовая секция). Д. 134. Л. 84–94. Подсчитано нами по результатам итогового голосования на заседании Президиума Госплана 21 августа 1923 г., протокол № 88.

Еще хуже обстояло дело с военными врачами Главсанупра. В 1921/1922 г. средняя месячная зарплата военных медиков составляла 6 рублей 81 коп. Из 19 тыс. работников госпиталей, лечебных учреждений и полковых санитарных частей «*приблизительно 40–50% хотят уйти с санитарно-военной службы*, — докладывал в СНК СССР Главный военный санитарный врач Красной Армии и Флота А. И. Кром. — *В настоящее время мы наблюдаем паническое бегство врачей и таким образом происходит разрушение военно-санитарного аппарата. Мы не можем пригласить недостающее количество врачей на добровольной основе и вынуждены задерживать на службе медицинских работников, которые работают еще со времени империалистической войны. Это люди изнервничавшиеся, изношенные вконец, от которых взято все, что можно было от них взять. С таким составом работать невозможно*».[10]

Если продовольственный паек красноармейца составлял 54 копейки в день, то военный медик должен был прокормить свою семью на 23 копейки. А ведь семейная жизнь, в отличие от казарменной, предполагает и другие расходы, кроме питания.

[10] Там же. С. 340.

Более 70% бюджета Военного ведомства «съедали» три статьи расходов — питание, обмундирование и заработная плата. Заводы, принадлежащие ГУВП практически находились на консервации. В 1922 г. был закрыт последний действующий 1-й бронетанкоремонтный завод в Филях, Амударьинская военная флотилия была передана на бюджет НКПС. Для воинских перевозок были утверждены максимально пониженные тарифы. В войсковых частях «заводились» огороды и подсобные хозяйства, а в целях сохранения производственной продукции им передавались на баланс холодильники, сухарные заводы и хлебопекарни. В то же время количество материальной части сокращалось. Несмотря на значительное уменьшение количества действующих кораблей и предельное сокращение личного состава флота (15 тыс. матросов в составе ВМФ — это приблизительно команда пяти-шести линкоров), оставшиеся корабли не имели судоремонтной базы, средств на закупку топлива и учебные стрельбы.

Два фактически оставшихся у Советской России флота — Балтийский и Черноморский, находились на консервации и ежегодно по два-три корабля списывалось на металлолом. В 1922–1923 гг. на первом месте в стране по «производству» металла находилась ЭПРОН — экспедиция подводных работ особого назначения, которая поднимала корабли, в том числе затонувшие на мелководье и подлежащие ремонту, но на ремонт которых не было средств. Обсуждался в СНК вопрос о полной ликвидации военного флота, но в таком случае возникала проблема «закрытия» городов Кронштадт и Севастополь. «*Если вы хотите уничтожить флот, то нужно уничтожать, зачем же продлевать агонию,* — задавал риторический вопрос на заседании Малого Совнаркома главком вооруженных сил республики С. С. Каменев, — *но нужно иметь ввиду, что придется уничтожить Кронштадт. Кронштадт без флота — существовать не может; флот без Кронштадта — тоже*».[11]

Главной проблемой НЭПа было, как известно, отсутствие механизма долгосрочного кредитования. Основные производственные фонды не обновлялись в стране со времени империалистической войны. Паросиловое оборудование заводов и фабрик служило более 25 лет, по причине износа происходили взрывы котлов. На железнодорожном транспорте до 20% рельсов и до 46% шпал превысили предельные сроки эксплуатации, вследствие чего паровозы сходили с рельсов. До 55% паровозов, 59% пассажирских и 31% товарных вагонов были непригодны к дальнейшей эксплуатации без ремонта.

[11] ЦГАЭ РФ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 126. Л. 178.

Та же картина наблюдалась по станочному парку: металлорежущим и металлообрабатывающим станкам.[12]

До 1924/1925 г. финансирование государственной промышленности осуществлялось за счет доходов бюджета. Превышение расходной части бюджета покрывалось дополнительной эмиссией. Эмиссия, ассигнования и финансирование, как известно, не являются источниками собственных накоплений промышленности, поскольку они идут на покрытие затрат, совершенных в предшествующем периоде. В 1925 г. при ВСНХ было образовано «особое совещание» по восстановлению основного капитала промышленности (ОСВОК), основной задачей которого являлась разработка программы инвестирования промышленных предприятий за счет банковского кредитования. До этого времени Госбанк кредитовал лишь торговлю, сельхозкооперацию и частный сектор. Чтобы иметь представление о процентах за кредиты Госбанка, обратимся к табл. 4.

Чтобы уравновесить денежную массу в 1 млрд рублей, выделенную промышленности ВСНХ, необходимо было «вернуть» ее обратно в бюджет по линии возвратного кредитования сельского хозяйства. Сельскому хозяйству, как видно из представленной таблицы, выделено было кредитов на сумму 0,64 млрд рублей. Сумма процентов за кредит должна была составить соответственно 0,36 млрд рублей.

Эти 0,36 млрд рублей руководство разных ведомств рассматривало по-разному. Наркомфин считал процентные платежи как своеобразный «насос», который должен был «высосать» из денежного обращения избыточную денежную массу, не сужая при этом возможностей поддержания промышленности «на плаву». Работники Госплана видели в процентных платежах часть своей законной прибыли, которую они могли использовать в коммерческих целях и для собственных нужд. ВСНХ настаивал на увеличении ассигнований промышленности и видел в вышеуказанных процентных платежах часть своей доли, которая должна была поступать на восстановление основного капитала. Поскольку оборот капитала в сельском хозяйстве совершается быстрее, чем в тяжелом машиностроении и черной металлургии, считали представители ВСНХ, то с каждого оборота быстрооборачиваемых отраслей надо отчислять определенный норматив в медленнооборачиваемые отрасли.

Правительство рассматривало указанную выше сумму как часть доходов от обобществленного сектора, которая должна включать-

[12] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР: В 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1956. С. 212.

Таблица 4. **Баланс бюджетных ассигнований промышленности и кредитных ссуд Госбанка сельскому хозяйству в 1923/1924 г.**

Отрасли промышленности, получившие ассигнования из расчетно-кассового Центра ВСНХ	Ассигнования, млн руб.	Организации сельского хозяйства, получившие кредитные ссуды из Госбанка	Кредитные ссуды (в млн товарных руб.)
Рудная промышленность	0,567	общество с/х кредита	20,0
Металлическая	40,5	на закупку семян	26,0
В том числе:		на закупку лошадей	2,058
— Югосталь	15,5	на закупку быков-производителей	0,2
— Урал	10,0	на машиноснабжение пахоты	7,5
— ГОМЗа	8,0	на электропахоту	0,21
— Сельхозмаш	3,0	на трактороснабжение и ремонт техники	1,5
— заводы на консервации	3,0	на нужды совхозов	2,0
— прочие заводы	4,0	на семеноводство	1,345
Военная промышленность	12,5	на мелиорацию земель	1,870
Электротехническая промышленность	1.0	на виноделие	0,665
Электроснабжение	2.5	на закупку минеральных удобрений	0,205
Химическая промышленность	1,0	выделено кредитных ресурсов Дальневосточным с/х объединениям	0,33
В том числе силикатная	0,2		
Итого по перечисленным отраслям промышленности	98,767*	Итого по перечисленным с/х организациям	64,093

Источники: Центральный государственный архив экономики РФ. Ф. 4372 (фонд Госплана). Оп. 14 (бюджетно-финансовая секция). Д. 128. Л. 119–124 (об). Вышеуказанные сведения составлены в таблицу нами. — *Е. В.*

* Нам не удалось найти сведения относительно 1 млн 233 тыс. руб., выделенных в порядке ассигнования из бюджета, ограниченного, как было сказано выше, суммой в 1 млрд рублей.

ся в оборонные и социальные статьи бюджетных расходов наряду с доходами налогового происхождения. Поскольку крестьянство платит налоги, то возложение на него дополнительных процентных выплат есть «сверхэксплуатация» крестьянства — своеобразная «дань», которая на него в условиях восстановительного периода временно возложена. Она несет в себе скрытый источник подрыва союза рабочих и крестьян, поскольку рабочие освобождены от банковской эксплуатации, а крестьянство — нет.

Комиссия ОСВОК предложила новую балансовую схему. Ее суть заключалась в постепенном сокращении бюджетных ассигнований промышленности ВСНХ, выделении из ведения ВСНХ

легкой и текстильной промышленности, которая постепенно будет переводиться на те же принципы кредитования, в соответствии с которыми Госбанк кредитовал сельское хозяйство, торговлю и организации, работающие на экспорт. По принципу «затухающей кривой» предлагалось на 1926/1927 г. ассигновать тяжелой и легкой промышленности 1543 млн руб. В последующие годы — 1490 млн руб., 1320 млн руб. и 1060 млн руб. соответственно. В конечном итоге часть капитальных затрат, не дающих скорой отдачи, будет переложена на тот сектор промышленности, который имеет быструю окупаемость вложенных средств.

Этот вариант развития СССР как «ситцевой республики» был отвергнут, но деление промышленности, сгруппированной по принципу: «группа А» и «группа Б», стало не только принципом балансирования государственных капиталовложений в народное хозяйство, но и способом «перегруппировки» финансовых источников в пользу тяжелой индустрии при помощи ценовой, а не кредитной политики. В качестве основного рычага промышленного развития стал применяться принцип снижения себестоимости и отпускных цен, а не рост процентов за кредит. В 1925/1926 — 1927/1928 финансовых годах капиталовложения между «группой А» и «группой Б» распределились следующим образом (см. табл. 5).

С конца 1925 г. в связи с обострением внешнеполитической обстановки и окончанием дискуссий по военной реформе в СССР намечается тенденция к увеличению выпуска военной продукции. С

Таблица 5. **Государственные капиталовложения по отраслям промышленного производства в 1925/1926 — 1927/1928 гг.**

Отрасли промышленности	1925/1926		1926/1927		1927/1928	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Всего	781,5	100	1094,9	100	1464,4	100
В том числе группа «А»						
— металлическая	181,6	23,2	256,9	23,5	338,6	23,1
— нефтяная	136,0	17,4	174,0	15,9	206,1	14,1
— каменноугольная	76,4	9,8	146,9	13,4	140,9	9,6
— электротехническая	31,6	4,0	81,7	7,5	168,3	11,5
В том числе группа «Б»						
— текстильная	123,7	15,8	162,3	14,8	220,0	15,0
— пищевая	65,7	8,4	59,8	5,5	91,2	6,2
В том числе другие отрасли промышленного производства	166,5	21,4	213,3	19,4	299,3	20,5

Источник: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР: В 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1956. С. 215.

этой целью на восстановление военной промышленности в 1926 г. бюджетом выделалась дотация в размере около 30 млн червонных рублей. С 1925 по 1927 г. объем военных заказов по Ленинградской промышленности вырос с 3 млн 707 тыс. руб. до 17 млн 062 тыс. руб. Вместе с возвращением в военную промышленность после сокращения армии старых инженерно-технических кадров происходило восстановление организации производственного и технологического процессов.

К 1926 г. качество военно-промышленных изделий и расход материалов на единицу продукции приблизился к довоенным нормам. Говоря о совершенствовании военного производства, следует отметить, что правительство не прекращало попыток повысить эффективность военной экономики посредством совершенствования структуры управления промышленностью в целом. В январе 1925 г. Главное управление военной промышленности, в рамках совершенствования структуры ВСНХ, было реорганизовано в Производственное объединение военной промышленности. Подверглись реорганизации и региональные органы управления военной промышленностью.

С 1 октября 1925 г. от Севзапвоенпрома отходили все управленческие функции, и он превращался в инспектирующий орган, проводящий проверки промышленности по заданиям из Москвы. 9 октября 1926 г. приказом ВСНХ №109 Военпром был ликвидирован. Вместо него образовали четыре всесоюзных треста: орудийно-арсенальный, патроно-трубочный, военно-химический, оружейно-пулеметный. С начала 1927 г. продукция военно-промышленных предприятий стала включаться в единый государственный хозяйственный план.

Но предпринятых в 1926 г. мер оказалось недостаточно. Производственные мощности советских военных заводов к началу 1928 г. были ниже, чем казенных заводов дореволюционной России. Так, планом 1928 г. максимальное производство винтовок определялось в 489 тыс. штук, тогда как в 1916 г. их было произведено 1,3 млн штук. По пулеметам отставание составляло 5 тыс. штук. В пределах 30–50% от уровня 1916 г. на советских заводах могли производиться порох, взрывчатые и отравляющие вещества. Текущая производственная способность авиационных заводов составляла 540–650 самолетов в год, тогда как в 1915 г. дореволюционная армия получила с русских военных заводов 772 самолета. Следует также учесть, что вышеприведенные сведения, взятые нами из доклада Главкома Вооруженных Сил республики в Президиум ВСНХ от 5 апреля 1927 г., являлись ориентировочными. Названные производительные

мощности, как указывалось в докладе, не снизятся лишь при условии проведения ближайшие четыре-пять лет капитальных работ на общую сумму приблизительно 320 млн руб. (при том, что расходная часть бюджета СССР, ограниченная 1 млрд руб., в 1926/27 хозяйственном году составляла в реальности около 800 млн золотых рублей).

Таким образом, несмотря на то, что к концу 20–30-х годов в основном была сформирована региональная система управления оборонным комплексом, восстановление мощностей военно-промышленных производств по состоянию на начало 1929 г. в лучшем случае было завершено наполовину. И на фоне явного прогресса военной техники и оборонной индустрии ведущих европейских государств, США и Японии за десять лет, прошедших после окончания первой мировой войны, картина советской «оборонки» выглядит удручающе. Например, по сравнению с Францией, военная промышленность СССР имела мощности по производству боевых самолетов в семь раз ниже, по танкам — в 20 раз, по артиллерии — в три раза, по пулеметам — в два раза и т. д. Мир строил авианосцы, в то время как СССР был не в состоянии отремонтировать и ввести в строй все линкоры дореволюционной постройки. В условиях проведения новой экономической политики происходило сокращение не только численности армии мирного времени, но сети военно-учебных заведений, готовящих военных профессионалов. Высшие военно-учебные заведения заменялись школами и курсами усовершенствования первой, второй и третьей ступеней подготовки военных кадров.

Первую ступень военного образования составляли «нормальные военные школы», ставящие своей задачей подготовку *«образованного командира, политического руководителя, стоящего на уровне современной военной техники, являющегося проводником влияния коммунистической партии как авангарда рабочего класса, на всю Красную Армию, воспитанного в беззаветной преданности диктатуре пролетариата в духе интернационализма и марксистски грамотного»*.[13] В связи с территориальным принципом комплектования и прохождения службы в армии мирного времени военные школы делились на школы общей сети и национальные военные школы. В школы общей сети принимались красноармейцы, младший комсостав и гражданская молодежь в возрасте от 17 до 21 года (военнослужащие — до 25 лет). Срок обучения в пехотных и кавалерийских школах составлял три года, в технических и артил-

[13]Как рабочему и крестьянину стать командиром. Правила и программы для поступления во все военные школы. М.; Л.: Военный вестник, 1927. С. 7.

лерийских — четыре года. Программа обучения по общеобразовательным предметам соответствовала начальному четырехклассному обучению. Лица, окончившие военные школы, выпускались на должности командиров взводов по своему роду войск со званиями «командир РККА».

Национальные военные школы были организованы практически во всех союзных республиках — «Белорусская объединенная военная школа», «Украинская пехотная школа червонных старшин», «Татаро-Башкирская объединенная военная школа», «Объединенная военная школа среднеазиатских национальностей», «Закавказская национальная пехотная военная школа», «Северокавказская горских национальностей кавалерийская школа», «Сибирская объединенная артиллерийская школа» и т. д. Обучение в национальных школах велось на родном языке, и обычно выпускники назначались командирами взводов в национальные части по месту их территориального размещения. Плохое знание русского языка мешало назначению, при необходимости, выпускника школы в любую другую часть Красной Армии. С 1927 г. в национальных школах стал увеличиваться срок обучения для совершенствования подготовки выпускников в знании русского языка.

Вторую ступень военного образования представляли собой курсы усовершенствования командного состава, где срок обучения составлял девять месяцев. Существовало восемь видов курсов:

1. Тактическо-стрелковые;
2. Артиллерийские;
3. Кавалерийские;
4. Военно-химические;
5. Зенитно-артиллерийские;
6. Физического образования;
7. Среднеазиатского востоковедения;
8. Радио-телефонно-телеграфные.

Курсы образовывались, как правило, при нормальных военных школах и увеличивали продолжительность обучения для выпускников нормальных школ, показавших способность к дальнейшему обучению, либо обеспечивали обучение командиров взводов, аттестованных для продвижения по службе на должности среднего и старшего комсостава. Существовало несколько самостоятельных курсов усовершенствования командного состава в Москве, Ленинграде и Киеве, а также «Высшая педагогическая школа» со сроком обучения один год, ставящая своей задачей подготовку военных педагогов по различным областям военных знаний для нормальных военных школ первой ступени.

Третью ступень военного образования представляли пять военных академий и пять военных отделений при гражданских вузах. Срок обучения в военных академиях составлял три года, в военных отделениях гражданских институтов — пять лет (соответственно сроку обучения в институте). Обучение в военных академиях велось по следующим специальностям и специализациям:

а) в Военной академии РККА имени Фрунзе было три факультета — командный, снабженческий, восточный;

б) в Военно-технической академии имени Дзержинского — баллистический, механический, фортификационный, химический и строительный;

в) в Академии воздушного флота имени Жуковского — инженерно-авиационный;

г) в Военно-морской академии — командный, корабельного вооружения, машиностроительный, кораблестроительный, электротехнический, гидрографический;

д) в Военно-политической академии имени Толмачева — военных политработников.

В целях экономии бюджета, выделяемого на нужды обороны страны и расширения призывного контингента лиц с высшим образованием, военных инженеров для Красной Армии готовили:

1. Московский межевой институт (военных геодезистов и топографов);

2. Ленинградский институт путей сообщения (военных железнодорожников);

3. Ленинградский электротехнический институт имени Ульянова-Ленина (военных связистов и электротехников);

4. Московский институт народного хозяйства (руководителей тыловых служб и военных финансистов);

5. Казанский ветеринарный институт (военных ветврачей);

В 1923 г. Военно-медицинская академия была передана из ведения Наркомата просвещения в подчинение Главного санитарного управления РККА, но в 1924 г. из-за недофинансирования возвращена Наркомпросу с образованием при ней факультета военных медиков.

Кроме трехступенной системы начального, среднего и высшего военного обучения, существовали подготовительные школы, готовящие кандидатов для поступления в общеобразовательные школы повышенного типа. В данные школы принимались краснофлотцы, прослужившие на кораблях не менее двух лет, хорошо знающие арифметику и желающие поступить в военно-морское училище имени Фрунзе или же в военно-морское инженерное училище

имени Дзержинского. Срок обучения в подготовительных школах составлял два зимних периода с 1 октября по 1 апреля. Занятия проводились в вечернее время, без освобождения от несения вахты и нарядов. Учебная программа подготовительной школы повышенного типа соответствовала объему девятилетнего курса единой трудовой общеобразовательной школы II ступени, которую нужно было освоить за три года.

В военно-морских училищах (имени Фрунзе и имени Дзержинского) обучались четыре и пять лет соответственно. выпускники назначались на командные и инженерные должности. Эти два училища давали действительно профессиональную военную подготовку, поскольку вступительные экзамены в них проводились для лиц, имеющих полное девятилетнее образование, а дальнейшее обучение строилось по программе высшей школы. Восстановленная в 1923 г. Военно-морская академия сохранила в своем составе дореволюционный преподавательский состав (в особенности в технических специальностях), и общий уровень подготовки военных специалистов ВМФ был несравненно выше, чем в целом по Красной Армии.

Сравнительно новой для Красной Армии военной специальностью стала подготовка летчиков и авиационных техников. В дореволюционной России не сложилась стройная система подготовки кадров в этой области, в отличие от корабельного, артиллерийского, пехотного и кавалерийского командного состава. В подготовке военных летчиков в 20-е и 30-е годы существовали элементы самодеятельности, поскольку школы образовывались при аэродромах, аэроклубах и, хотя они подчинялись Управлению военно-воздушных сил РККА, по своей организации эти учреждения напоминали современные автошколы, готовящие автолюбителей.

Знания, соответствующие нормальной школе II ступени, приобретались в военно-теоретических школах с полуторагодичным сроком обучения, после чего кандидаты в летчики направлялись в школы военных летчиков и школы воздушного боя. Общая продолжительность обучения на военного летчика или военно-морского летчика составляла три года. Кандидаты на обучение отбирались, как правило, из Осоавиахима или красноармейцев (краснофлотцев) по командировкам военных округов. Авиационные мотористы (техники) готовились из лиц, знающих устройство двигателя внутреннего сгорания. Срок обучения составлял два года.

Курсы усовершенствования летного состава существовали только для подготовки летчиков-наблюдателей. Они укомплектовывались командирами РККА (преимущественно из артиллеристов), поскольку задача летчика-наблюдателя заключалась в корректиров-

ке артиллерийского огня. Срок обучения летчика-наблюдателя составлял полтора года, поскольку в его задачу не входило управление самолетом. Военно-воздушная академия имени Жуковского не готовила летный состав для управления воздушным боем в составе авиационных подразделений и соединений (от звена до воздушной армии), поскольку авиация не считалась самостоятельным родом войск.

Подобные взгляды существовали в 20-е и 30-е годы и относительно бронетанковых сил, которые только в 1940 г. стали рассматриваться в качестве самостоятельного рода войск. В 1924 г. был создан Высший академический военно-педагогический совет (ВА ВПС), который, по мысли его создателей, должен был внедрять в систему Главного управления военно-учебных заведений передовую военную мысль. При нем была создана Центральная методическая комиссия, которая должна была обеспечить учебниками по всем видам военных специальностей военно-учебные заведения РККА и РККФ. По штатам мирного времени на всю систему военного профессионального образования отводилось 25 тыс. мест, включая школы, курсы, училища и академии. На кораблестроительном факультете Военно-морской академии, например, обучалось в 1924 г. восемь человек на всех четырех курсах. Командиров РККА всех ступеней (с высшим образованием) выпускалось в год менее 2 тысяч.

Военная реформа, проведенная в 1924–1925 гг., имела противоречивый характер. Милиционно-территориальная система комплектования армии мирного времени была, несомненно, самым дешевым способом ее экономического обеспечения. Идеи всенародной военной подготовки, когда крестьянин должен был пахать мирную ниву с винтовкой в руках, были созвучны идеям мировой революции и духу гражданской войны.

Однако командный состав времен гражданской войны в значительной степени готовился еще в дореволюционных военных училищах и академиях. Курс на замещение буржуазного офицерства выходцами из рабочих и крестьян был, как нам представляется, правильным, поскольку офицер должен быть «одной крови» с солдатами. Неправильной мерой было резкое сокращение сети высших учебных заведений, поскольку кадрированная или профессиональная армия должна быть готова к увеличению, в случае необходимости, своего состава как минимум в десять раз. Должна была существовать система подготовки резерва как командного, так и рядового состава. Осознание данной необходимости происходило не вследствие глубокого и вдумчивого изучения стратегии и тактики

ведения современного боя, а вследствие поступления в войска новых, опытных образцов вооружения, которые с трудом осваивались командным составом, не говоря уже о рядовом.

В декабре 1925 г. состоялся XIV съезд партии, вошедший в историю, как съезд индустриализации. В его решениях впервые был обозначен курс на индустриализацию народного хозяйства СССР. Этот курс был подтвержден, а главное — конкретизирован XV съездом ВКП(б), утвердившим директиву первого пятилетнего плана. В ней, в частности, указывалось: *«Широкое развитие сети научно-исследовательских индустриальных институтов и фабрично-заводстких лабораторий, решительное приближение академической научной мысли к промышленности и сельскому хозяйству, самое широкое использование западноевропейского и американского научного и научно-промышленного опыта, тщательное изучение всех новейших открытий и изобретений, новых индустрий, нового сырья, а равно новых организационных форм — должно быть поставлено, как первоочередная задача дня».*[14]

В развитие этих решений в постановлении Совнаркома СССР от 7 августа 1928 г. «Об организации научно-исследовательской работы для нужд промышленности»[15] были определены приоритетные направления развития военной экономики, к которым относились:

1. Разработка общетеоретических вопросов военной экономики.
2. Разработка проблем технической реконструкции промышленности, ее освобождение от заграничной технологической зависимости.
3. Организация новых промышленных производств.
4. Усиление обороноспособности Советского Союза на основе собственной индустриально-промышленной базы.

В середине 1929 г. ЦК ВКП(б) было принято Постановление «О состоянии обороны страны», в котором излагались требования коренной технической реконструкции армии, авиации и флота. В нем отмечалось, что вооружение, доставшееся Красной Армии от дореволюционных времен, достигло предельного срока службы; оно морально и физически устарело, требует коренной модернизации. Одновременно ставилась задача добиться в ближайшее время получения от промышленности новых опытных образцов с тем, чтобы после испытания в войсках осуществить серийное производство со-

[14]КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. 7-е изд. М.: Политиздат, 1953. С. 345.

[15]Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 852–853.

временной артиллерии, танков, бронемашин, самолетов и моторов для военной техники. Реввоенсовету и Народному комиссариату по военным и морским делам было предложено разработать первый пятилетний план военного строительства.

В январе 1931 г. Реввоенсовет обсудил ход выполнения плана перевооружения РККА. Были отмечены серьезные недостатки как по техническим параметрам выполнения плана, так и в обучении личного состава по освоению опытных образцов. Начальник вооружений РККА И. П. Уборевич был заменен М. Н. Тухачевским — сторонником моторизации и механизации Красной Армии. В системе Наркомата по военным и морским делам было создано Управление моторизации и механизации РККА, перед которым была поставлена задача организовать в военных округах отделы мотомеханизированных войск.

До начала 30-х годов в СССР практически отсутствовала танковая, авиационная, военно-химическая и судостроительная промышленность. Не было необходимых кадров конструкторов, танкостроителей, авиастроителей и проектировщиков подводных лодок, торпедных катеров и средств радиообнаружения (радионавигации и радиолокации). К тому же существовала система заказов промышленности от армии, т. е. тактико-технические задания и параметры нового вооружения должны были разрабатываться военными, которые, в своей основной массе, оказались не на высоте современной технической и военно-стратегической мысли. В середине 1931 г. ЦК ВКП(б) принял новое Постановление «О командном и политическом составе РККА», в котором были сформулированы новые, современные требования к подготовке военных кадров. Особое внимание в нем обращалось на расширение объема технической подготовки, увеличение числа инженерно-технических кадров старшего и высшего звена и введение, наряду с тактической и огневой подготовкой, технической подготовки для командиров младшего и среднего звена. Для каждого рода войск вводилась обязательная программа технического минимума знаний. Для расширения подготовки старшего начсостава создавались на базе факультетов Военно-технической академии имени Дзержинского пять академий: Военная академия механизации и моторизации (впоследствии — бронетанковых войск); Артиллерийская академия, Военно-химическая академия; Военно-электротехническая академия и Военно-инженерная академия. Заново была создана Военно-транспортная академия и расширен прием в Военную академию имени Фрунзе, Военно-морскую академию и Военно-воздушную академию имени Жуковского. Количество высших военных учебных заведе-

ний было увеличено в полтора раза, а общее количество их слушателей выросло с 2 тыс. до 16,5 тыс. человек.

Очевидной и необходимой стала коренная перестройка управления процессом производства, механизмом внедрения новых технологий, оснащением предприятий оборонной промышленности новым оборудованием, практическим его освоением, требовалось изменить и всю систему разработки, создания, внедрения в поточное производство новых образцов боевой техники и вооружения, соответствующих мировым стандартам.

Учитывая важную роль наукоемкости военного производства, правительство страны приняло решение создать в Ленинграде своеобразное ядро военной экономики. Циркуляром ВСНХ СССР № 4940 от 28 января 1930 г., подписанным В. В. Куйбышевым, определялось: «*В связи с развертыванием оборонных работ в промышленности Президиум ВСНХ считает необходимым уделить особое внимание делу проектирования военных производств. С этой целью необходимо создать специальный институт ГИПРОМЕЗ с центром в Ленинграде, который должен будет сконцентрировать всю работу по проектированию металлических военных производств и одновременно являться организационно-техническим центром в разработке чрезвычайно актуальных проблем использования для мирных целей основного капитала военных производств*».[16] Ленинград определялся в качестве крупнейшего в стране центра военной науки, специализирующегося на разработке оружия, военной техники, оборонной продукции и военно-промышленной стратегии в целом.

В начале 30-х годов в городе начала создаваться широкая сеть втузов и НИИ, работающих в основном на оборону. В 1933 г. в системе учреждений города, подчиненных Народному Комиссариату тяжелой промышленности, работали 29 научно-исследовательских институтов с 2891 научным сотрудником и бюджетом в 85 млн руб. О масштабах научных исследований по оборонной тематике свидетельствует в какой-то мере межотраслевое совещание, проведенное 27 ноября 1933 г. на базе Ленинградского артиллерийского НИИ. В этом совещании приняло участие 27 научных учреждений и организаций города, работающих над созданием артиллерийских систем и боеприпасов. Среди них были представлены такие крупные научные учреждения Ленинграда, как НИИ легких металлов, Государственный оптический институт, Ленинградский институт аэрофотосъемки, Государственный институт прикладной химии, Ме-

[16] Там же. С. 921–922.

таллургический институт, Государственный физико-технический институт, Сейсмологический институт, Пулковская обсерватория и другие.

Сейсмологический институт, например, занимался исследованием применения сейсмологического метода для определения параметров движения снаряда, а Пулковская обсерватория занималась вопросами определения параметров целей на дальних расстояниях в условиях облачности и тумана.

Особое место отводилось фундаментальным исследованиям, поскольку по их результатам формируются наиболее общие, перспективные научные направления, создается своеобразный научный багаж. Фундаментальные исследования в области военной экономики велись по трем направлениям. Во-первых, продолжение начатых ранее, зачастую еще в дореволюционное время, исследований общетеоретических оборонных проблем; во-вторых, инициативные, новые поисковые исследования, тематика которых определялась самостоятельно исследователем; в-третьих, — исследования, которые велись по заказам различных военных ведомств.

В частности, значительных успехов в решении проблем интегральных и дифференциальных уравнений строительной механики корабля и разработке основ теории приближения функций достиг академик А. Н. Крылов — преподаватель Военно-морской академии. Довольно плодотворно работал он и над решением проблем теоретических основ строительства промышленных и судостроительных предприятий, конструирования новых машин и приборов, развития подводного судостроения, гидросамолетостроения и других отраслей военной промышленности. А. Н. Крылов разработал основные теоретические положения по гироскопическим приборам, занимался проблемами вращательного движения снарядов, теоретическими и практическими основами кораблестроения.[17]

В эти годы подробно исследовались возможности сведения решения уравнений высших степеней к решению уравнений возможно более простого вида. Значительных успехов в этой области достиг математик Н. Г. Чеботарев — преподаватель Артиллерийской академии, давший в 1930 г. общую теорию револьвента.[18]

В феврале 1931 г. президиум ВСНХ принял постановление: «О постановке научно-исследовательской работы в промышленности»,[19] в котором обратил внимание на подчинение научной рабо-

[17] Математика в СССР за тридцать лет. 1917–1937 гг. Сб. статей. М., Л.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1948. С. 132.

[18] Там же. С. 107.

[19] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопро-

ты практическим потребностям социалистической реконструкции промышленности. По важнейшим направлениям военно-научных теоретических и прикладных исследований были объявлены конкурсы. Так, Президиум ВСНХ СССР объявил конкурс на лучший способ получения синтетического каучука. Значительную работу по организации Лаборатории органического синтеза при Академии наук СССР провел академик А. Е. Фаворский. Ему принадлежит разработка промышленного способа получения изопренового каучука, основным сырьем для которого являются уголь и вода.[20] Ученик А. Е. Фаворского — С. В. Лебедев в Лаборатории общей химии при Военно-медицинской академии организовал специальную группу и приступил к разработке синтеза каучука. В установленный срок С. В. Лебедев представил жюри конкурса необходимое количество синтетического натрийдивинилового каучука с описанием его свойств и способа синтеза. Правительственная комиссия одобрила данный метод получения синтетического каучука и рекомендовала его к промышленному использованию. В результате успешных работ А. Е. Фаворского, С. В. Лебедева и других ученых с 1932 г. в Советском Союзе было налажено производство отечественного синтетического каучука, что ликвидировало зависимость военного производства от экспорта сырья.[21]

Бурное развитие авиации, создание новых типов самолетов в начале 30-х годов столкнулось с проблемой «флаттера» — саморазрушения самолета в полете под воздействием резонансной вибрации. Значительную роль в разрешении данной проблемы сыграли теоретические исследования, проведенные академиком С. А. Чаплыгиным. Он исследовал процесс обтекания воздухом крыла самолета в Аэродинамическом институте (ЦАГИ) и на основе полученных результатов сделал математический расчет профиля крыла самолета, не подверженного резонансной вибрации.[22]

Определенные успехи были достигнуты учеными, работающими в сфере военно-промышленных исследований оптики, и в частности, академиком С. И. Вавиловым. В начале 30-х годов он возглавлял несколько различных научных комиссий и творческих научных коллективов. С 1932 г. С. И. Вавилов работал заместителем директора по научной работе Государственного оптического института, заведовал лабораторией люминесцентного анализа и был дирек-

---

сам. Т. 1. М., 1957. С. 861.

[20] *Шостаковский М. Ф.* Выдающийся русский химик-органик Фаворский. М., 1950. С. 20.

[21] Труды по истории техники. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 55.

[22] Советская техника за двадцать пять лет. Сб. статей. М., 1945. С. 8.

тором Физического института Академии наук СССР. Совместно с Д. С. Рождественским, возглавлявшим в этот период Государственный оптический институт, он разработал технологию и впервые в нашей стране провел варку оптического стекла, что заложило основы отечественной оптической промышленности. В стенах института зародилась отечественная кристаллография с новыми техническими приемами выращивания искусственных кристаллов. Работавший в ГОИ академик И. В. Гребенщиков создал новый вид пасты для полировки оптического стекла («паста ГОИ»). Данные исследования и разработки позволили приступить к опытно-конструкторским работам и к середине 30-х годов создать для авиации, военно-морского флота, артиллерии и т. д. оптические приборы, по своим параметрам не уступающие зарубежным аналогам.[23]

Локальные войны и конфликты, происходившие в мире в 30-е годы, показали важность и необходимость развития химической промышленности для вооруженных сил, производства бинарных боеприпасов и предметов военно-химического снаряжения. Эта необходимость осознавалась Советским правительством. В августе 1929 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О деятельности Северного химического треста», где подчеркивалось значение развития отечественной химии и химической промышленности в деле укрепления обороноспособности страны. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 г. «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства» наряду с другими задачами определялись задачи отечественной химии, а именно: на основе достижений химической науки «*необходимо развить производство новых видов химических продуктов — химии топлива, производства продуктов органического синтеза, органических красителей, пластических масс, новых видов лаков, массовое производство синтетического каучука, гидролиза древесины и др.*»[24] В 1930 г. в составе Химико-технологического института был образован специальный факультет. Группа ученых этого факультета работала над проблемой получения нового взрывчатого вещества — ксилила (тринитроксилола). Известно, что во время первой мировой войны военная промышленность России испытывала острый недостаток компонентов взрывчатых веществ для производства боеприпасов. На протяжении 30 лет отечественным ученым не удавалось добиться получения мощного и безопасного в хранении взрывчатого вещества, пригод-

[23] Сергей Иванович Вавилов. Материал к библиографии ученых СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 10.

[24] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М.: Политиздат, 1957. Т. 2. С. 432.

ного для всех видов боеприпасов. По своим химическим свойствам полученный ксилил был близок к тротилу, но оказался мощнее и для его производства легче найти сырье в российских условиях. Благодаря работе, проведенной учеными специального факультета ЛХТИ, в 1933 г. был получен ксилил, превышающий по своим качествам мировые стандарты для подобного рода веществ. Он детонировал без промежуточного детонатора. Данная особенность позволила разрешить ряд сложных технических проблем по снаряжению им боеприпасов. Кроме того, была разработана уникальная новая технология, которая позволяла удешевить снарядное производство и, самое главное, повысить качество боеприпасов.

Качественная сторона военного дела стала основной заботой Советского правительства в конце 20-х — начале 30-х годов. Возвращаясь в своих воспоминаниях к данному периоду отечественной истории, Г. К. Жуков отмечал, что *«судьба вооруженных сил и исход борьбы за нашу свободу и независимость в годы Великой Отечественной войны находились в прямой зависимости от темпов индустриализации, от активности, с которой она проводилась в жизнь...»*[25] Новая военная экономика, созданная в СССР в 30-е и 40-е годы, являлась прямым порождением реформ 1929–1933 гг.

2. Ускоренное развитие военной экономики после реформ 1929–1933 годов

Реформы 1929–1933 гг. как отечественные, так и зарубежные историки-экономисты выделяют в качестве особого рубежа экономического развития СССР. После коммунистического единомыслия в современные учебники по отечественной истории перекочевали различные, зачастую противоположные суждения и оценки о причинах, целях и результатах реформ 30-х годов.

Для представителей «идеологической» концепции причиной проведения реформ и резкого перехода к индустриальному рывку была их предопределенность, заложенная якобы в марксистской теории, которая предусматривала высокий уровень индустриального развития в качестве перехода к социализму. А такой предпосылки, по их мнению, в России не было, и НЭП был не в состоянии ее обеспечить. Представителями «традиционалистской» концепции советской индустриализации реформы 1929–1933 гг. рассматриваются как продолжение индустриализаторской тенденции,

[25] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: Изд-во АПН, 1986. С. 141.

ведущей свое начало с дореволюционных времен и возобновленной И. В. Сталиным после длительно периода экономической стагнации России. Сторонники «прагматической» концепции индустриализации считают, что реформы являлись для Сталина и его сторонников единственным способом укрепить свою власть в условиях внутрипартийной борьбы и враждебного капиталистического окружения.[26]

По-разному интерпретируются также и цели экономических реформ 1929–1933 гг. Их трактовка в большой мере определяется теоретико-экономической школой, к которой примыкает тот или иной автор. Институционалисты видят цель индустриализации в бескомпромиссном преобразовании старых институтов, препятствующих стремлению догнать и перегнать капиталистические страны. В результате институциональных преобразований в СССР был создан особого рода политический и экономический строй, центральным институтом которого являлся государственный производственный истеблишмент, использующий в экономическом управлении мобилизационный подход, крупномасштабное мышление, рутинизацию производственных процессов и т. д., но так и не решивший до конца поставленных целей.

Сторонники неклассического направления считают, что цели реформ имели менее амбициозный характер. Они должны были всего лишь обеспечить экономический рост путем перекачки части ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, поскольку естественный экономический рост СССР был недостаточно высоким, чтобы передать индустриализацию на попечение рынка. К данному направлению примыкали советологи, занимающиеся военно-экономической проблематикой. В частности, американский историк-экономист Ч. Уилбер отмечал, что *«советская модель развития, сложившаяся после 30-х годов, представляет собой тип военной экономики, приспособленной к достижению одной сверхзадачи: экономического роста»*.[27]

Неолиберальное течение экономической мысли вплоть до настоящего времени рассматривает реформы 1929–1933 гг. как создание сталинской экономики с системой тоталитарных институтов, функционировавших во имя сохранения господства партийно-советской бюрократии. Цель реформ — формирование послушного себе хозяй-

[26] См.: Экономическое развитие СССР. Критика буржуазных концепций. М.: Наука, 1983. С. 76.

[27] *Wilber Ch.* The Soviet Model of Political Relations with the Developing World. N. Y., 1975. P. 44; Цит. по: Критика современных буржуазных исторических концепций. Ярославль, 1977. С. 101.

ственного механизма, который работал бы без денежных инструментов, без экономических законов, под определяющим воздействием управляющих им государственных и партийных органов, устанавливающих сверху цели развития, их ранжирование (приоритеты) и методы достижения. Примерно в такой последовательности наработки советологов воспроизводятся и в современных российских историко-экономических работах.

Несколько сложнее обстоит дело с оценкой результатов экономических реформ 1929–1933 гг. Результаты, как известно, имеют количественные параметры, они выражаются цифрами и, в отличие от слов, не могут складываться из плюрализма мнений. Правда, их можно дискредитировать, назвав «лукавой цифрой советской статистики». В целях упрощения дискуссии о правильных и неправильных методиках расчетов, применявшихся в СССР для оценки экономического роста, приведем западноевропейские данные по ежегодному приросту валового продукта в странах Европы и СССР в 1913–1938 гг. (см. табл. 6) и укажем авторов методик — П. Байроха и А. Меддисона.

Положительное значение экономических реформ 1929–1933 гг. для экономики СССР достаточно полно характеризуют данные по ежегодному приросту валового социального продукта. Эти цифры взяты нами из современного исследования Вольфрама Фишера — авторитетного на Западе экономиста.[28] Он выделил для своей работы 1913–1938 гг. из более длительного хронологического периода — 1800–1975 гг., для которого прирост ВВП рассчитал историк-экономист П. Байрох.[29]

Поскольку даже незначительная фальсификация данных могла изменить динамическую картину экономического развития всей Европы за 1800–1975 гг., то приведенные расчеты вряд ли можно отнести к категории «лукавой статистики». Можно спорить лишь о примененной методике расчетов. Вольфрам Фишер в этой связи приводит для сравнения данные, рассчитанные по методике А. Меддисона,[30] где имеются некоторые расхождения с расчетами П. Байроха, но полагает, что один из них вел расчеты по странам в границах 1919 г., а другой — в границах 1970 г. В 1938 г. СССР существовал в границах 1919 г., поэтому в нашей работе приводятся расчеты, которые в книге В. Фишера указаны под пунктом «а».

[28] См.: *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М., 1999. С. 127.

[29] *Bairoch P.* Europes's Gross National Product: 1800–1975 // The Journal of European Economic History. 1976. P. 296.

[30] *Maddison A.* Economic Policy and Performance. P. 451.

Таблица 6. **Ежегодный прирост валового социального продукта в странах Европы и СССР (в %, 1913–1938 гг.)**

Страна	Всего		На душу населения	
	1913–1929	1929–1938	1913–1929	1929–1938
А. «Старые» государства Европы				
Швейцария	2,1	–0,2	1,7	0,5
Великобритания	0,7	1,9	0,3	1,5
Германия	0,5	5,0	0,1	4,3
Франция	2,1	–0,3	2,2	–0,5
Бельгия	1,6	–0,1	1,3	0,9
Италия	1,5	1,5	1,0	0,7
Нидерланды	3,3	0,2	1,8	–0,1
Швеция	2,2	2,6	1,7	2,3
Дания	1,6	1,9	0,6	1,1
Испания	2,2	2,4	1,4	–3,3
Норвегия	2,9	3,1	2,0	2,6
Б. Новые государства Европы				
Австрия	0,3	–1,2	0,4	–1,3
Венгрия	1,5	1,4	0,8	0,7
Чехословакия	4,1	–0,2	0,7	–0,7
Югославия	1,8	1,3	1,2	0,1
Ирландия	0,2	–0,2	0,5	–0,2
Польша	1,9	–0,1	1,1	0,7
Прибалтийские гос-ва	1,2	1,0	1,2	0,8
В. Россия (СССР)	0,2	6,0	–0,7	5,1
Г. Вся Европа (без СССР)	1,0	2,6	0,4	1,8

Источник: Вольфрам Фишер. Европа: Экономика, общество и государство. 1914–1980. М.: Владос, 1999. С. 127.

Для простоты восприятия картины СССР выделен из числа европейских стран, представленных в данном издании в алфавитном порядке.

Какого рода бесспорные сведения можно извлечь из вышеуказанных расчетов? Во-первых, после реформ 1929–1933 гг. СССР стал опережать в ежегодном приросте валового социального продукта все европейские страны, взятые как в целом, так и по отдельности. Во-вторых, данный прирост носил не только абсолютный характер (что могло определяться размерами территории и демографическим фактором), но и в расчете на душу населения. В-третьих, в условиях рыночной экономики, которая в СССР существовала в период НЭПа, Советская Россия имела самые низкие из всех европейских стран показатели прироста ВВП, а в расчете на душу населения она была единственной европейской страной, где происходил не прирост, а падение среднедушевого валового продукта.

Конечно, можно возразить, что в 1913–1929 гг. в России имел место не только НЭП — на данный период попадают гражданская и первая мировая войны. Но разве Польша не была частью России, Германии и Австрии в 1913–1919 гг., пока Версальским договором не были определены ее границы? Разве на ее территории не было гражданской войны, в ходе которой войска Тухачевского чуть было не взяли Варшаву? Однако в 1913–1929 гг. польская экономика развивалась даже лучше, чем экономики Бельгии и Дании. Но в 1929–1938 гг. Польша вступила в полосу кризиса, охватившего почти все европейские страны, и имела отрицательную динамику экономического развития вплоть до начала Второй мировой войны. Не в лучшем положении, чем послереволюционная Россия и составленная из трех «лоскутков» Польша, оказались страны, вновь образованные на развалинах Австро-Венгерской империи, однако они также опережали нэповскую Россию по всем показателям, как абсолютным так и среднедушевым.

В-четвертых, несостоятельны утверждения о том, что СССР не попал в 1929–1938 гг. в полосу общемирового кризиса только потому, что проводил экономическую политику «автаркии» и «железного занавеса». Швеция и Норвегия, как видно из таблицы 6, имели положительную динамику развития. Они не впали в кризисное состояние, хотя не были отгорожены от Европы «железным занавесом» и не проводили ту политику, которая официально провозглашалась фашистскими правительствами Италии и Германии как «автаркическая».

Кризис 1929–1938 гг. произошел в тех европейских странах, которые проводили экономическую политику в соответствии с планами «финансового оздоровления Европы», составленными американскими банкирами и их европейскими корреспондентами. Кризис в Европе начался после паники на Уолл-Стрите после объявления о прекращении репарационных выплат Германией, и первым шагом в его преодолении было решение президента Ф. Д. Рузвельта о закрытии всех американских банков и, соответственно, их отделений в Европе, на двухмесячный срок. СССР не принимал участие в плане «финансового оздоровления Европы» как в годы НЭПа, так и после реформ 1929–1933 гг. Поэтому нет смысла представлять 30-е годы как годы «железного занавеса». Проще сказать, что как в годы НЭПа, так и в 30-е годы СССР все еще находился в экономической блокаде, осуществляемой по отношению к нашей стране международными финансовыми кругами и подконтрольными им правительствами США, Англии и Франции. Проведенные в 1929–1933 гг. реформы были направлены прежде всего на форми-

рование собственных источников долгосрочных кредитных ресурсов. Эти источники были сформированы. Реформы проводились не ради «автаркии» и «железного занавеса». Это был единственный выход в условиях проводимой по отношению к СССР политики кредитного, а следовательно, и товарного голода.

И, наконец, в-пятых, следует, как представляется, подробнее рассмотреть вопрос, который непосредственно затрагивает тему военной экономики — о «милитаризации» СССР, позволившей якобы развивать тяжелую индустрию только лишь в целях военного производства, без роста ВВП на душу населения и без повышения уровня жизни народа. Данному мнению, выдвинутому «советологами» в ходе «холодной войны», опять-таки противоречат сведения, приведенные в таблице 6. Но, кроме них, существует и отечественная экономическая литература, позволяющая сделать определенные логические выводы и непредвзятые умозаключения. Для этого обратимся к анализу самих экономических реформ 1929–1933 гг.

Реформы 30-х годов носили, как известно, комплексный характер. В ходе их были проведены реформа управления промышленностью, кредитная, налоговая и тарифная реформы. Реформа управления промышленностью окончательно порвала с диапазоном НЭПа, когда существовали государственные предприятия в виде «командных экономических высот», коммерческие предприятия, хозяйствующие на основе арендных отношений, частные предприятия и, соответственно, существовали «два круга общественного воспроизводства», смыкающихся, и то далеко не полностью, лишь на товарном рынке. Крупные государственные предприятия финансировались на основе ассигнований из государственного бюджета. Взаимные поставки предприятий друг другу оформлялись векселями, которые «взаимозачитывались» в ВСНХ и принимались к оплате коммерческими банками, ведущими расчеты данного рода финансовыми обязательствами государственной промышленности с государственным бюджетом (коммерческие банки могли ими погасить, например, налоговую задолженность Наркомфину). Параллельно товарно-денежному обращению в сфере оптовой торговли коммерческих предприятий и коммерческому вексельному обороту существовало вексельное обращение через Центральное расчетно-кассовое управление ВСНХ.

Коммерческие и частные предприятия кредитовались в Госбанке, производящем краткосрочное кредитование и принимающем к оплате векселя с двумя и более передаточными надписями. В условиях промышленной реконструкции стало нарастать количество долгосрочных пролонгированных и опротестованных векселей, чья

ценность относительно номинала значительно падала. Из инструмента, упрощающего оптовый торговый оборот производителей, поставщиков и потребителей, вексель превратился в инструмент валютно-денежных махинаций и спекуляций.

В ходе реформы кредитования оборота государственные промышленные предприятия были сняты с дотационного финансирования через расчетно-кассовые центры ВСНХ, получили расчетный счет в Государственном банке. Вексельное обращение было заменено безналичными банковскими расчетами. Электробанк, Цекомбанк, Промбанк и другие специализированные банки прекратили торгово-коммерческое и посредническое кредитование клиентов и были превращены в структурные подразделения Госбанка, кредитующие промышленность по промтехфинплану. Данные мероприятия повлекли за собой увеличение денежной массы в обращении, поскольку промышленные кредиты, как известно, имеют чаще всего долгосрочный характер. С целью усиления обратных связей между эмитируемой денежной массой и ее возвратом по финансово-кредитным каналам, была проведена налоговая реформа.

Старая налоговая система формировалась в условиях многоукладной экономики, и ее основное назначение состояло в формировании источников промышленных накоплений из рыночного оборота. Она несла в себе пережитки дореволюционных, а если быть точнее — меркантилистических представлений об источниках индустриализации. Само по себе накопление денежных средств, формирование «фонда индустриализации» или создание специального «Банка индустриализации», не решало проблему технического перевооружения российской промышленности, созданной, как известно, по западным технологиям и импортным промышленным образцам.

Новая налоговая система должна была стимулировать промышленные предприятия к проведению технической реконструкции всего производственного цикла на основе создания и развития новой отечественной техники. Одним из условий, способствующих планированию будущих инвестиционных периодов, являются твердые цены. Ранее стремление руководства страны к быстрому и максимальному росту накоплений на цели индустриализации порождало чехарду с налогами (в годы нэпа существовало более 200 видов налогов), что моментально приводило к непредсказуемому росту цен.

Введение двух четко зафиксированных налогов — налога с оборота и налога на прибыль, позволило предприятиям усилить планирование производственных и закупочных цен. Устанавливался также принцип однократности уплаты налога с оборота независимо

от числа звеньев, через которые проходил произведенный продукт к потребителю. Если же в процессе движения продукта он подвергался дополнительной переработке или процессам доработки, то налог с оборота увеличивался дополнительно, пропорционально той сумме, которая увеличивала его стоимость. Замысел кредитной и налоговой реформы исходил из представлений, что чистый доход общества может быть создан только в сфере материального производства. С точки зрения современной абстрактной экономической теории данный постулат можно оспорить и даже доказать его ошибочность. Экономические теории для того и существуют, чтобы опровергать одни мифы ради утверждения других. Не бывает неизменных экономических теорий, поскольку человеческая практика находится в вечном движении.

Материальное производство, рост его физических объемов, были насущной проблемой России, где около 70% населения выращивало хлеб и вело полунатуральное хозяйство. Необходимость индустриализации вытекала не из теорий, а из осознания возможностей, объективно существующих в стране для роста объемов материального производства и роста благосостояния людей. В России — СССР имелись все необходимые производственные составляющие для индустриального развития — сырьевые, энергетические и человеческие, кроме многопрофильного машиностроения, без которого, как известно, невозможно основать собственное перерабатывающее производство. Несмотря на то, что на территории СССР находились все полезные ископаемые, представленные в таблице Менделеева, в 1927 г. страна удовлетворяла потребности в меди на 43,3%, цинке — на 80,5, свинце — 91,1, олове — 90, алюминии и никеле — на 100% ввозом из-за границы.[31]

К началу реконструкции старых и строительства новых промышленных объектов потребности в цветном металле превышали 500 тыс. т в год. Цветной металл требовался для реализации программы электрификации, развития авиастроения, моторостроения, в оборонном производстве. В целях экономии валюты, а скорее под воздействием провокаторов и авантюристов из «Союза воинствующих безбожников», за 1925–1931 гг. с православных церквей и колоколен было снято около полумиллиона колоколов с общим весом меди и бронзы в 36 тыс. т. Данная мера никоим образом не решала проблему дефицита валюты и металла, поскольку реквизированный таким образом цветной металл составил всего лишь 0,02% его годового потребления. Однако своей абсурдностью она

[31] ЦГАЭ РФ. Ф. 8034.Оп. 1. Л. 7–7об.

придавала соответствующий образ другим мероприятиям власти в области строительства новой экономики.

В годы дореволюционной индустриализации иностранный капитал создавал в России «предприятия-сборщики», производившие продукцию из ввозимых высокотехнологичных комплектующих. Например, в стране существовала своя металлообработка, но не производилось отечественной инструментальной стали. Отсутствовало электроплавильное производство, где выплавляются специальные марки стали. По этой причине Россия не могла изготовить собственных шарикоподшипников, без которых не обходится ни один вид производства двигателей. Ссылки на международную производственную кооперацию в данном случае неуместны, поскольку такого рода кооперация существует между производителями однородной продукции, а не между поставщиками готовой техники и поставщиками сырья. Вырваться из полуколониальной зависимости от стран Запада Россия могла только став полноправным партнером по производственной кооперации и начав экспортировать на мировой рынок не хлеб, не нефть, и не уголь, а машиностроительную продукцию: станки, производственное оборудование, тракторы, автомобили, транспортное оборудование, авиационную технику.

Проведение коллективизации сельского хозяйства, благодаря которой, как предполагалось, будет облегчен для производителей путь переработки сельхозсырья в готовый продукт, резко обострило традиционную российскую проблему — нехватку сельхозтехники. Без государственных поставок в обобществленный аграрный сектор экономики тракторов, автомобилей, прицепных и навесных агрегатов крупное сельскохозяйственное производство имело еще меньше смысла, чем развитие фермерства. В 1928/1929 г. 71,4% тракторов поступило из-за границы. За 1922–1931 гг. на ввоз 86 тыс. тракторов было израсходовано свыше 200 млн руб. в валютном исчислении, которые, в свою очередь, были получены вывозом зерна за рубеж.

В связи с образованием МТС (машинно-тракторных станций), стране необходимо было ежегодно экспортировать 2–3 млн т хлеба, чтобы поддерживать поставки сельскохозяйственной техники на уровне 1922–1933 гг. — и около 30 млн т в год, чтобы во вновь образованных МТС имелось хотя бы по пять-шесть тракторов.[32] Для сравнения: закупки у крестьянских хозяйств хлеба, предназначенного на экспорт, составили в 1926/1927 г. 2,1 млн т, а в 1927/1928 г. –

[32] 15 лет борьбы за советское машиностроение. М.; Л.: Госмашметиздат, 1932 С. 27.

всего лишь 0,2 млн т, что привело к полному прекращению ввоза сельскохозяйственной техники. А ведь у правительства, кроме забот об МТС, существовали еще программы по ввозу промышленного оборудования и другие валютно-кредитные и долговые обязательства. Нужны были иные подходы к решению проблемы технической отсталости страны, отличные от ранее известных российской истории, таких, например, как торговый обмен, займы за рубежом и приглашение иностранного капитала «похозяйничать в туземной России».

На 1 октября 1929 г. правительство утвердило 70 соглашений с иностранными фирмами о технической помощи и консультациях в строительстве новых промышленных предприятий. Около 55 договоров о техническом сотрудничестве было заключено с фирмами США и Германии, из них 24 соглашения приходилось на металлургию, металлообработку и машиностроение. Особое значение имели договоры с «Дженерал электрик компани» (с кредитным соглашением на пять лет для закупки оборудования для Днепростроя) и компанией «Форд» о научно-технических консультациях и поставках оборудования для автозавода в Нижнем Новгороде. Американская фирма «Брандт и К°» участвовала в реконструкции Московского автозавода (бывшего АМО), фирма «Мак Ки» — в проектировании и строительстве Магнитогорского металлургического комбината. За 1929–1932 гг. на импорт оборудования для оснащения вновь построенных тракторных заводов — Сталинградского, Харьковского и Челябинского было израсходовано около 170 млн валютных рублей. В стоимость контракта входила не только стоимость «железа» (станков и оборудования), но и оплата труда технических консультантов по монтажу, наладке и пуску конвейерных линий. Технические консультанты получали за свою работу 2% от стоимости контракта.

Наибольших масштабов научно-техническое сотрудничество с передовыми иностранными фирмами достигло в 1930–1933 гг., когда в промышленности СССР было введено единоначалие. Иностранные консультанты имели теперь дело с одним ответственным лицом — директором предприятия. Многозвенная цепочка управления: «ВСНХ — главк — трест — объединение заводов — завод», существовавшая ранее, создавала неразбериху в сотрудничестве, порождала безответственность исполнения, мешала прямой кооперации, установившейся между конкретным иностранным предприятием и советским заводом. Форма технического сотрудничества позволяла наиболее полно задействовать потенциал заводских специалистов, подключившихся на месте к изучению и вводу в строй

закупочного импортного оборудования. При необходимости завод организовывал зарубежные командировки руководящих и инженерно-технических работников на предприятия США, Германии, Бельгии, Англии и Франции для изучения работы монтируемых агрегатов в производственной технологической цепочке завода, с которым был заключен договор о технической помощи. В 1932 г. СССР имел 124 соглашения с иностранными фирмами о сотрудничестве и техническом содействии в монтировании и запуске закупленного оборудования. Для его дальнейшей эксплуатации научно-технический персонал выезжал на обучение (если не существовало возможности освоить технику на месте). Обучению подлежал в первую очередь следующий персонал (см. табл. 7).

В процессе реформы управления промышленностью, проведенной в 30-е годы, должность директора завода, выпускающего военную продукцию, стала ключевой, поэтому вопрос о повышении уровня технической подготовки руководителей предприятий сильно беспокоил советское руководство. Наглядным тому подтверждением служит, например, постановление Ленинградского обкома партии от 29 марта 1930 г. «О повышении технической квалификации директоров военных заводов». Чтобы эффективно решить проблему руководящих кадров, по решению Ленинградского областного совета народного хозяйства, были организованы специальные курсы повышения квалификации директоров при Ленинградском институте повышения квалификации. Для обучения на них привлекались все руководители военных предприятий города, их заместители и помощники, а также заведующие основными отделами. Распоряжение о начале учебы, программа обучения, расписание и сроки были оформлены установлением ЛОСНХ и разосланы на 15 военных заводов города.

Несмотря на то, что данное распоряжение курировалось обкомом партии, на первые занятия ни один директор не прибыл, ссылаясь на занятость и различного рода объективные трудности. В данной ситуации обком, исполком и руководство ЛОСНХ проявили настойчивость, последовательность и принципиальность. Впоследствии были организованы трехмесячные курсы второго созыва с отрывом от производства, под непосредственным контролем обкома партии. Занятия были организованы на базе Военно-технической академии и приобрели регулярный характер.

Принимались также меры по укреплению производственной дисциплины всего административного и технического персонала военных заводов. В постановлении секретариата Ленинградского обкома от 7 марта 1930 г. указывалось: «*Облсовнархозу при нынеш-*

Таблица 7. **Цели и сроки заграничных командировок руководящего персонала новых советских заводов (1930–1935 гг.)**

№ п/п	Занимаемая должность	Партийность	Ориент. срок командировки	Страна посещения	Цель командировки	Срок возвращения
1	Директор завода, НИИ	Чл. ВКП(б)	6 мес.	США Германия Франция Англия	Изучение новейших типов тех. оборудования	По выполнении задания индивидуального плана
2	Технический директор завода, НИИ	Беспарт.	6 мес.	Франция Бельгия Англия	— " —	То же
3	Зам.зав.лабораторией общехимич. оборудов., главный инженер завода	Беспарт.	6 мес.	Франция Бельгия Германия	Изучение новейших производ. технологий, хим. произ-ва	— " —
4	Инженер-конструктор	Беспарт.	6 мес.	Англия Германия	Изучение новейших типов тех. оборудования	— " —
5	Старший инженер-конструктор	Чл. ВКП(б)	6 мес.	Бельгия Англия	— " —	— " —
6	Зав группой, начальник цеха	Чл. ВКП(б)	6 мес.	Бельгия Германия	— " —	— " —

Примечание: Время командировки определялось ориентировочно, срок возвращения — выполнением поставленной задачи, а не конкретной датой.

нем выпуске инженеров и техников, необходимо в первую очередь обеспечить квалифицированными кадрами военные заводы».[33] Заявки директоров военных предприятий на недостающий административно-технический персонал было предписано удовлетворять в семидневный срок. Нехватка административного и технического персонала вынуждала назначать на эти должности молодых специалистов — выпускников втузов. Так, согласно спискам молодых специалистов, окончивших Ленинградские втузы в 1929–1931 гг., были выдвинуты на руководящие административные должности: на Ижорский завод из 26 выпускников — 13 человек; на завод «Прогресс» из 8 — 8 человек; на Радиоаппаратный завод из 14 — 14 человек.

Необходимо было создать также резерв специалистов, который обеспечил бы не только все текущие потребности военной промышленности, но и расширение масштабов военного производства. С этой целью 15 февраля 1930 г. бюро Ленинградского обкома партии приняло постановление «О хозяйственных кадрах и специалистах военной промышленности». В нем указывалось, что Ленинград как центр индустриализации и оборонной промышленности должен иметь сбалансированный пятилетний план подготовки специалистов для нужд промышленности города. Решено было сделать точные расчеты потребностей в кадрах. Для этой цели при ленинградском СНХ создавалось управление научно-технических и инженерных кадров.

Выделялись дополнительные средства на расширение материальной базы системы высшего образования города. Была разработана план-заявка на инженеров и техников, распределяемых в структуры ВСНХ СССР и принимались меры по упорядочению распределения выпускников втузов по заявкам предприятий Ленинграда.

Одновременно Ленинградскому СНХ было поручено организовать оперативный учет всех специалистов и изучение их качественного состава. В этой связи был намечен ряд мер по подготовке и переподготовке преподавательских кадров для втузов, готовящих инженерно-технические кадры для военной промышленности. В 1930 г. была развернута сеть курсов по подготовке к поступлению во втузы и техникумы с ускоренными сроками обучения. При втузах были открыты вечерние отделения для подготовки инженеров. В порядке опыта были организованы школы-предприятия для низших, средних и высших категорий специалистов. При областном

[33] ЦГА РФ. Ф. 1593. Оп. 2. Д. 160. Л. 45.

СНХ был создан Институт заочного обучения в составе Заочной промышленной академии и Заочного рабочего политехникума.

В ряде городов страны были организованы Центральные дома техники и обучения промышленных кадров. На их базе велось преподавание технических дисциплин для хозяйственных специалистов, в том числе и для директоров военных заводов. Существовали также постоянно действующие курсы выдвиженцев, готовящие резерв хозяйственных и технических специалистов на наиболее ответственные должности в промышленности. В 1931 г. при ведущих технических вузах СССР были образованы военно-промышленные отделения. В Ленинграде был создан факультет морского судостроения при Ленинградской промышленной академии.

Наряду с этим, развивались и военно-экономические науки, и военно-техническая мысль. Процесс их развития перед Второй мировой войной с определенной долей условности можно подразделить на ряд этапов.

Первый этап — с конца 20-х по начало 30-х годов. В данное время весь цикл научно-производственной деятельности, начиная от фундаментальных исследований и до внедрения в опытное производство нового образца вооружения производился учреждениями фундаментальной и вузовской науки.

Второй этап — с 1933 по 1936 г. Это этап создания самостоятельных специализированных конструкторских бюро и НИИ, закрепления за ними специально созданной опытно-производственной базы. В эти годы происходит специализация учреждений, проводящих фундаментальные исследования по направлениям и их кооперация с профильными конструкторскими бюро и НИИ. Происходит также передача от учреждений фундаментальной науки к специализированным КБ и лабораториям следующих функций:

а) разработка опытных образцов оружия и боевой техники;

б) внедрение их в производство;

в) устранение выявленных в процессе внедрения конструктивных недостатков;

г) разработка технической документации и всей технологии производства.

Третий этап — с 1936 по 1941 г. Это этап создания на предприятиях, выпускающих продукцию военного назначения, собственных крупных конструкторских бюро и лабораторий, реорганизация самостоятельных КБ и лабораторий (укрупнение их до отраслевых или Центральных НИИ или ликвидация). В это время происходила дальнейшая кооперация специализированных КБ и НИИ с научными подразделениями предприятий, выпускающих военную

продукцию. За специализированными НИИ, Центральными КБ и лабораториями, как правило, оставались функции разработки головных образцов вооружения и военного снаряжения, координация деятельности КБ и лабораторий предприятий. Научным подразделениям предприятий были переданы функции внедрения конкретного образца военной техники в производство, его доводка, совершенствование, а при наличии необходимых кадровых, материальных и финансовых ресурсов самостоятельная разработка новейших образцов вооружения и технологических усовершенствований по профилю предприятия.

Таким образом, по нашему мнению, можно сделать вывод о том, что к концу 30-х — началу 40-х годов конкретная деятельность государственных органов по развитию научно-технического прогресса в области вооружений заключалась в создании взаимосвязанных и взаимокооперированных учреждений фундаментальной и вузовской науки, специализированных НИИ, центральных конструкторских бюро и лабораторий, научных подразделений предприятий, выпускающих продукцию военного назначения и способных на своей собственной научной и опытной базе производить весь цикл научных и опытно-конструкторских работ: от фундаментальных исследований до разработки и внедрения в промышленное производство конкретных образцов оружия, боевой техники и снаряжения для всех видов и родов войск.

Следует отметить, что к 1930-м годам в СССР существовали солидные научные заделы, созданные фундаментальной отечественной наукой. Не было производственной базы, чтобы их реализовать «в металле». Промышленность зачастую физически не могла реализовать те разработки, которые делались в исследовательских учреждениях. Сложилось принципиально новое противоречие: между опережающими темпами развития фундаментальных наук и разработкой способов и методов наиболее эффективного применения в военном деле их достижений, а также способностью предприятий, производящих военную продукцию, внедрять данные разработки в производство. Говоря о ценности достижений фундаментальной науки, необходимо отметить, что она заключается не только в создании научной, теоретической базы и разработке основных направлений научно-конструкторских исследований, но, в первую очередь, в возможности внедрения в производство результатов, полученных в ходе опытных испытаний. В противном случае происходит научно-техническое и моральное старение этих открытий, и внедрение их становится нецелесообразным в силу возникновения новых научных разработок с более высокими результатами и необходимости

реализации очередных новейших достижений в быстро обновляемых системах вооружения.

Так, новейшие результаты в фундаментальных исследованиях были получены в Ленинградском институте физики твердого тела. Академиком А. Ф. Иоффе и профессором Н. Н. Давиденковым была разработана теория прочности кристаллов металлов. Их открытия в области фазовых превращений, изучении природы различных свойств металлов являлись новым этапом развития металлургии как пограничной науки между физикой текущих веществ, химией, физикой твердого тела. Группа молодых, в то время, ученых, в составе которой был И. В. Курчатов, открыла ядерную изометрию. Изучением цепных реакций успешно занимались ленинградские ученые Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон. Большой процент всех исследований проводился в сфере разработок важнейших проблем военной тематики. Например, в рамках изучения теории прочности металлов и сплавов А. Ф. Иоффе и Н. Н. Давиденков работали над проблемой улучшения качества брони для танков и кораблей, поиска новых материалов и сплавов для авиации. Кроме того, по договору с военно-морским ведомством изучалась проблема «распространения акустических волн в плотных средах, отработка акустических методов обнаружения подводных лодок».[34]

Быстрыми темпами развивались и такие принципиально новые направления науки, как ракетостроение. Хотя фундаментальные исследования в этой области начались в 20-х годах, но прорыв в практическом применении ракет был осуществлен лишь в начале 30-х годов, что связано с образованием и деятельностью первой научно-исследовательской и опытно-конструкторской организации в области ракетной техники — Газодинамической лаборатории под руководством Н. И. Тихомирова. Первоначально ГДЛ состояла из двух научных подразделений — по исследованию возможностей и принципов использования твердотопливных реактивных двигателей (руководитель Г. Э. Лангемак) и по исследованию жидкостных и электрических ракетных двигателей (руководитель В. П. Глушко).

Масштабы и актуальность работ ГДЛ возрастали год от года. Численность работников лаборатории увеличилась с 10 человек в 1928 г. до 200 в начале 1933 г. В сентябре 1933 г. по инициативе начальника вооружений РККА М. Н. Тухачевского путем объединения Московской группы изучения реактивного движения и ГДЛ был создан Реактивный научно-исследовательский ин-

[34] ЦГА РФ. Ф. 157. Оп. 6. Д. 486.

ститут (РНИИ). Газодинамическая лаборатория под руководством Г. Э. Лангемака после 1933 г. оставалась работать в Ленинграде, получив статус Ленинградского отделения РНИИ, продолжала изучение и разработку в основном твердых видов топлива и порохов для ракет. О важности и актуальности исследований, проводимых Ленинградским отделением Реактивного научно-исследовательского института можно судить из отчета РНИИ народному комиссару тяжелой промышленности за 1934 г.

«СССР НКТП.

Реактивный научно-исследовательский институт. Ленинградское отделение.

IV отделом Реактивного НИИ в 1934 г. закончена научно-исследовательская работа. Разработан состав медленно горящего пороха для ракет. Применение его возможно в тяговых ракетах для самолетов, в качестве дополнительного двигателя для разгона самолетов, а также в реактивных снарядах без стволовых артиллерийских систем».[35]

В начале 30-х годов учеными Научно-исследовательского электро-физического института был открыт эффект радиолокации, положенный позднее в конструкцию радарных установок. В докладной записке Народному комиссару тяжелой промышленности «Об основных научно-исследовательских работах проводимых ЭФИ в 1935 г. по оборонной тематике» директор института академик П. С. Чернышев докладывал: *«Как известно, обнаружение аэропланов представляет большие трудности, особенно при полетах на очень большой высоте. Институтом был предложен и разработан метод обнаружения аэропланов, основанный на радиотелеграции. Те результаты, которые были получены институтом в 1934 г., доказали, что разработанный метод является наиболее надежным, наиболее чувствительным и наиболее дешевым по сравнению с теми, которые применялись до настоящего времени. В рамках изучения радиолокации с 1935 г. институт, работая по заказу Управления ПВО РККА, приступил к разработке тематики "Исследование средств обнаружения самолетов и самотелеграция средств ПВО"».*

На основании фундаментальных теоретических разработок профессором Н. Д. Папалекси был предложен новый тип электрических машин переменного тока. В то время, как в старых типах электродвигателей применялось для целей генерирования изменение коэффициента взаимоиндукции между подвижной и неподвиж-

[35] ЦГА РФ Ф. 1957. Оп. 6. Д. 486. Л. 10.

вой частями машин, в данной электрической машине была применена самоиндукция, или емкость. В результате оказалось возможным создание электрической машины гораздо более простой, дающей непосредственно ток высокого напряжения и позволяющей иметь токи высокой частоты при очень простой конструкции машин. К сожалению, этот новый тип электрических машин очень медленно осваивается производством на заводе "Электросила", что влечет за собой недостаточно быструю проработку вопроса об их применении в специальных производствах и для создания постов ПВО в целях обороны».[36]

Особое значение для всего флота имело создание системы защиты кораблей от неконтактных мин (торпед), так называемого размагничивающего устройства (РУ). Оно было спроектировано в Ленинградском физико-техническом институте (ЛФТИ), где работой над этим проектом с октября 1936 г. руководил профессор А. П. Александров. В 1937–1938 гг. впервые были проведены опыты с размагничивающими устройствами на лидере «Ленинград» и на специально приспособленном для этих целей корабле «Дозорный». Осенью 1940 г. подобного рода испытания РУ были проведены на линкоре «Марат». Несмотря на ряд недостатков, размагничивающие устройства были в 1940–1941 гг. приняты в эксплуатацию. Госкомиссия под председательством капитана I ранга Б. В. Хорошхина отметила окончание опытной стадии работ и сделала выводы, что «... *размагничивающие устройства системы ЛФТИ уменьшают магнитные поля кораблей в 10 и более раз, а их производные по длине корабля в 3 раза и более; ... система ЛФТИ улучшает защитные свойства корабля от поражения неконтактными минами на глубинах указанных в ТТЗ...*» Таким образом, поставленная перед вузовскими учеными задача в течение четырех лет получила свое практическое разрешение. Применение этого устройства стало обязательным для всех кораблей ВМФ в годы Великой Отечественной войны, что позволило до минимума сократить потери наших кораблей от применения немцами неконтактных мин.

Широкомасштабное внедрение достижений НТП, обеспечивающих кардинальный рост производства новых систем вооружения, боеприпасов и снаряжения, было невозможно без наличия подготовленных кадров, деятельность которых непосредственно связана с разработкой и реализацией научно-технических достижений в военной области. Система планирования научно-исследовательских

[36] ЦГА РФ. Ф. 1957. Оп. 6. Д. 486. Л. 1.

работ совершенствовалась в начале 30-х годов по линии согласования с различными заинтересованными ведомствами перспективных планов НИОЛКР. Особое внимание уделялось вопросам своевременного финансирования. Наряду с жесткой регламентацией бюджетных расходов на научно-исследовательские работы, включенные в планы, руководителям научных организаций предоставлялось право самостоятельного определения порядка расходования средств на инициативные разработки за счет средств, заработанных институтами и конструкторскими бюро по хоздоговорам, вплоть до возможности наличной оплаты приобретаемых материалов, необходимых для НИСов. Так, в докладной записке директора оборонного института о финансовом положении Наркомтяжпрома (расположенного в Ленинграде) указывалось: «*1. Первый квартал 1933 г. для большинства подразделений института был очень тяжелым, что объясняется задержкой утверждением бюджета вообще и раскассацией его по Наркоматам. Произошла также задержка в ассигнованиях большинства НИСов по оборонной тематике. Так, ассигнования НИСа по утвержденной оборонной тематике начали регулярно поступать лишь с начала апреля сего года. 2. 1933 г. характеризуется более жесткими режимами контроля в расходовании финансов Институтами, чего не было раньше. Бюджет большого количества Институтов в значительной степени состоит из ассигнований, получаемых Институтами от промышленности путем заключения хозяйственных договоров. Так, весь утвержденный бюджет по Институтам, находящимся в ведении Наркомтяжпрома составляет 73 521 млн руб. (без капитального строительства), а ассигнования на плановые НИС всего 83,3 млн руб. в то время, как остальные работы финансируются Институтами из хозрасчетных сумм по договорам. В связи с общими финансовыми затруднениями, а следовательно, и задержкой финансирования произошла и задержка в оплате по счетам Институтов промышленностью. Все перечисленные обстоятельства создали чрезвычайно напряженное положение в НИИ и привели к тому, что по целому ряду их произошла большая задержка в зарплате (на месяц, а по некоторым до полутора месяцев)*».

В таком же отчете за 1934 г. отмечалось улучшение положения с финансированием Институтов, увеличение бюджетных ассигнований на плановые НИСы более чем в 2,5 раза. Особое отношение к научным учреждениям, занимающимся оборонной тематикой, признание за ними приоритета в развитии перспективных научных и технических разработок, подтверждается и большими должностны-

ми окладами их сотрудников, что видно из таблицы должностных окладов, принятых для служащих НИИ НКТП:

Таблица 8. **Должностные оклады, принятые для служащих НИИ НКТП, руб.**

№ п/п	Занимаемая должность	По тарифу 1933 г.	По тарифу 1935 г.
1	Директор НИИ	450–800	400–500
2	Профессор в составе сектора или отдела	350–500	300–450
3	Старший научный сотрудник	275–450	250–400
4	Научный сотрудник	250–400	250–350
5	Лаборант с высшим образованием	200–300	175–250
6	Лаборант со средним образованием	175–225	150–200

Источник: ЦГА РФ. Ф. 1957. Оп. 2. Д. 339. Л. 51–52.

Исходя из структуры научно-производственного цикла и определения места военной промышленности в развитии научно-технического прогресса в 30-е годы, в состав кадров НТП включались:

- работники научных учреждений, непосредственно участвующие в проведении фундаментальных исследований в области естественных и технических наук, создании принципиально новых знаний, поиске принципиально новых способов и методов применения промышленных действий в военном деле;
- работники научно-исследовательских институтов и вузов, деятельность которых была направлена на применение результатов фундаментальных исследований в военном производстве, создание новых или совершенствование существующих средств военного производства;
- специалисты проектно-конструкторских, проектно-изыскательских и технологических организаций, осуществляющих практическую реализацию научных знаний и научно-технических идей в военной области, разрабатывающих на основе сделанных изобретений и открытий новые системы вооружения;
- изобретатели и рационализаторы, занятые в области совершенствования созданных образцов вооружения и способов их производства;
- инженерно-технические работники опытно-экспериментальных производств, обеспечивающие подготовку новых образцов к внедрению в военное производство;
- работники, ведущие отработку технологии изготовления новых образцов вооружения, а также занятые изготовлением, наладкой и ремонтом средств производства оружия, боеприпасов, военного снаряжения;

• работники аппарата управления, обеспечивающие взаимодействие структурных звеньев кадрового обеспечения НТП в военном производстве на всех стадиях научно-производственного цикла;

• научно-педагогические работники, осуществляющие подготовку и переподготовку кадров для военной науки и военного производства.

Предусматривалось создание новых специализированных НИИ и конструкторских бюро, работавших непосредственно над новыми образцами систем вооружения, боевой техники, боеприпасов и предметов военного снаряжения. К работам над ними привлекались молодые ученые, с передовыми идеями и предложениями. Так, в Институте химической физики, возглавляемом академиком Н. И. Семеновым, были начаты работы по созданию принципиально новой управляемой торпеды, движущейся по снежной поверхности. Вся конструкция «сухопутной» торпеды была детально разработана молодым ученым Макаровым. Практически это была одна из первых попыток создания управляемого ракетного оружия. Имея вес 300 кг, торпеда должна была развивать скорость до 200 км в час и поражать цель на расстоянии до трех км. И хотя ракета не была принята на вооружение, примененный в ней гироскопический принцип управления получил широкое применение в отечественной ракетной технике.

В 1930 г. на Балтийском флоте было создано Особое техническое бюро (Остехбюро) по разработке новейших образцов военно-морского оружия. Одной из основных тем Остехбюро в период с 1932 по 1935 г. была разработка проекта авианоддлодки. По предположениям руководителя конструкторского бюро Р. Н. Бекаури, возможности новой авиации позволят поднимать груз до 20 т и буксировать до 60 т. Основываясь на прогнозах развития самолетов с металлическим каркасом, конструкторы Остехбюро пришли к выводу о том, что необходимость в больших подводных лодках с большим ресурсом автономности и многочисленным экипажем в ближайшие годы отпадает, поскольку с помощью самолета можно достаточно быстро доставить в отдаленный район патрулирования небольшую как по размерам, так и по автономности плавания сверхмалую подводную лодку, которая может выполнить боевую задачу не хуже обычной ПЛ.

Данная идея была реализована в разработке двух проектов авианоддлодок. Первый — авианоддлодки водоизмещением до 7 т, которые должны были подвешиваться к гидросамолету, доставляться по воздуху к месту выполнения задания. Экипаж покидал лодку после его выполнения. Во втором проекте к авианоддлодке водоизме-

щением до 60 т должны были крепиться крылья, и она буксировалась самолетом в район патрулирования, как планер. После выполнения задания лодка возвращалась на базу своим ходом. Несмотря на то, что ожидания авторов проекта на появление в 30-х годах самолетов с необходимой грузоподъемностью не оправдались, проект 60-тонной подлодки был разработан и реализован, правда, без крыльев. Для данного вида подводных лодок была создана система акустического наведения лодки на цель, которая позднее получила широкое применение в более современных подводных лодках обычного типа.

Головной образец опытной авиаподлодки был спущен на воду весной 1936 г. С мая по октябрь 1936 г. авиационная ПЛ проходила ходовые испытания на Черном море. В период практической эксплуатации были выявлены значительные конструктивные недоработки, которые помешали принять ее в состав флота. Флот не получил данный вид техники отчасти из-за конструктивных ошибок, отчасти из-за объективных сложностей в решении принципиально новых технических вопросов.

Большое значение, в связи с ведомственной разобщенностью фундаментальной, прикладной, вузовской и производственной научно-технической деятельности, играет обмен научной информацией по проводимым исследованиям и их координация. Иногда оригинальные идеи и разработки (например, такие, о которых говорилось выше) могут представлять собой тупиковые направления. И хотя в процессе любых разработок могут появиться полезные изобретения, финансовые затраты проекта в целом не всегда окупают какой-либо полезный частичный результат.

С целью координации работ, обобщения результатов и обмена информацией и опытом, начиная со второй половины 30-х годов, стали регулярно проводиться научные съезды и конференции, сыгравшие крупную роль в развитии советской науки. Только в области физики за последние предвоенные годы было проведено несколько конференций. Большое значение для укрепления связи науки с производственной деятельностью имела организация различных научно-технических обществ. Начало им было положено созданием в 1927 г. Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству. В ее состав входили общества различных направлений науки и техники. Почти во всех крупнейших научных учреждениях СССР, в том числе и работавших над исследованиями по оборонной тематике, имелись секции этой ассоциации. Академик А. Н. Бах так охарактеризовал причины, вызвавшие создание научно-технических об-

ществ: «*Работая каждый по своей специальности мы пришли к глубокому убеждению, что для успеха нашего социалистического строительства, укрепления обороны страны, абсолютно необходимо тесное единение науки и труда. Необходимо, чтобы работники науки приобщились к тому творческому энтузиазму, который пролетариат и передовое крестьянство вносит в дело строительства новой жизни. Вне этого единения есть только в лучшем случае формальное, казенное отношение к делу, полное пренебрежение к успеху строительства*».[37]

Особое значение при этом стало уделяться пропаганде научно-технических достижений. В 1926 г. родилось движение ударников, а в 1935 г. – стахановское движение. Данные инициативы нашли свое отражение и в научной деятельности. Академик А. Е. Ферсман разработал принципы ударничества в науке. Они включали: а) актуализацию планов исследований, в которых отражался строгий учет научными работниками своих реальных возможностей; б) определялись временные границы работы над проблемой; в) намечались сроки апробации исследований; г) разрабатывались способы ознакомления с ними научной общественности; д) намечались пути совершенствования оценок результатов исследования; е) определялись условия труда и его оплаты.

Перечисленные мероприятия, проведенные с началом 30-х годов, значительно улучшили ситуацию с разработкой новейших образцов оружия и снаряжения, но они не решили окончательно вопрос с своевременным созданием промышленных образцов вооружения, быстрым испытанием их в полевых условиях и на основе испытаний – устранения выявленных недостатков. Усложнение проектируемой боевой техники показало, что даже крупнейшие научные учреждения не в состоянии самостоятельно, без кооперации с промышленными предприятиями, НИИ и вузами создавать новейшую боевую технику на уровне мировых стандартов. Так, Ленинградский судостроительный институт в 1933 г. имел кооперацию работ по различным оборонным темам с 14 НИИ города и 6 НИИ Союза, с 10 предприятиями Ленинграда и 7 предприятиями Советского Союза.

Научно-технический прогресс в военной области, в силу своей специфики, всегда требовал наиболее высокой научной и промышленной кооперации. Прогресс науки, развитие промышленности способствовали, в свою очередь, постоянному усложнению оружия и военной техники. Военное производство уже в начале XX

[37] Советская наука. 1938. № 3. С. 42-43.

века представляло собой наиболее сложную в техническом отношении отрасль экономики. Не все вопросы военной экономики решались в предвоенные годы достаточно оперативно. Так, докладывая инспекции Наркомтяжпрома о причинах задержки внедрения разработок электрофизического института в промышленные образцы по планам оборонной тематики за 1935 г., его директор, П. С. Чернышев, указывал следующее: «... связь токами высокой частоты должна быть поставлена на заводах слаботочной промышленности, в частности, на заводе "Красное знамя". Требования Красной Армии на надежную связь очень большие.

• задержка в отсутствии производственной базы;

• разработанные институтом методы защиты радиоприемных установок от помех дали исключительно ценные результаты. Задержка — недостаточное внимание к этим работам со стороны промышленности и Наркомата обороны;

• способ обнаружения аэропланов, разработанный в институте и давший положительные результаты, не финансируется в достаточном размере по неизвестным институту причинам;

• разработанный профессором Папалекси новый тип электрических машин очень медленно осваивается на заводе "Электросила", что влечет за собой недостаточно быструю проработку вопроса об их применении в электрометалургии, специальных производствах и для нужд обороны».[38]

Подобные случаи были не единичны, и они отражают в какой-то мере кризис, проявлявшийся в сфере внедрения в производство результатов, достигнутых фундаментальными науками. Он носил системный характер. Наиболее острыми оставались проблемы планирования научно-исследовательских работ, разрыв между развитием науки и техники, и производством, финансовым и материально-техническим обеспечением капитального строительства, планами социального развития. Эта разобщенность объективно вела к большим потерям времени и ресурсов при прохождении научно-технических разработок по всем стадиям цикла «наука-техника — производство — использование», к потере потенциального социально-экономического эффекта научно-технического прогресса.

В 30-е годы возникло движение за кооперацию научных учреждений и промышленных предприятий, занятых производством опытных образцов. Инициатива пришла «снизу». Так, в 1932 г. завод № 103 по спецпрограмме судостроения обеспечивался, согласно плановым заданиям, судостроительным металлом на 31% — Ижор-

[38] ЦГА РФ. Ф. 1957. Оп. 6. Д. 486. Л. 25.

ским заводом и на 69% — Южными заводами. По профилю металлическому — 41% поставлял Кировский завод и 59% — Магнитогорский металлургический комбинат.[39]

Несвоевременность поставок металла вызывала срывы выполнения судостроительной программы, а несоблюдение заводами других регионов сроков выполнения заказов ленинградских НИИ и конструкторских бюро требовало дополнительных согласований, постоянных обращений к руководящим органам и т. д. Так, сроки изготовления коленчатых валов для подводных лодок, заказ на изготовление которых был размещен на московских заводах, срывались трижды, несмотря на непосредственные обращения начальника Остехбюро Бекаури к Л. М. Кагановичу, который в то время был заместителем Народного комиссара тяжелой промышленности.

Такое положение дел заставляло руководителей НИИ и конструкторских бюро самостоятельно изыскивать способы и возможности соблюдения требуемых сроков. Заключались прямые договоры с руководителями предприятий, шел поиск взаимных интересов с установлением «неформальных контактов». В 1934 г. Ленинградскому институту пластмасс для монтажа опытной установки потребовался спецкабель. Институту было отказано в нем Цветметсбытом за отсутствием у него фондов. Директор института, изыскивая пути решения проблемы, по собственной инициативе заключил договор с «Севкабелем» на снабжение его кабельной пластмассой, которой можно было заменить дефицитную свинцовую оболочку. В свою очередь, «Севкабель» согласился из отходов собрать для института необходимое количество кабеля. А когда сроки выполнения заказа на коленчатые валы для подводных лодок были сорваны в очередной раз, начальник «Остехбюро» Бекаури обратился к Л. М. Кагановичу со следующим письмом: «*Заместителю Народного Комиссара тяжелой промышленности — тов. Кагановичу Л. М. Касается изготовления 2-х двигателей по 24 л/с. Ввиду постоянных срывов сроков заказа изготовления коленчатых валов прошу Вашей помощи в размещении этого заказа на Спецстали. 10 августа 1934 г.*»[40]

Второе направление «движения снизу» за кооперацию военной науки и промышленности инициировалось уже не научными учреждениями, а предприятиями военной промышленности, которые столкнулись с тем, что сложность освоения разработанных НИИ и конструкторскими бюро новейших образцов вооружения и боевой техники достигла такого уровня, что собственная научная база

[39]ЦГА РФ. Ф. 1957. Оп. 6. Д. 486. Л. 25.
[40]ЦГА РФ. Ф. 4530. Оп. 14. Д. 383. Л. 88.

на каждом предприятии стала просто необходимой. Предприятиям приходилось, не нарушая планов производственных заданий, осваивать новые технологии, производство новых материалов и способы их обработки.

Нарушения технологии процесса производства из-за отсутствия на предприятиях необходимой научной базы, приводили к большому количеству брака, длительным срокам выявления причин их возникновения и устранения, большим материальным и финансовым затратам. Так, брак 8-мм броневого листа, выпускаемого Ижорским заводом в 1935 г., достигал 46%, а 9-мм листа — 48%. Вследствие этого завод на 15 июля 1935 г. вместо 312 корпусов для танков Т-28 выпустил только 201. Еще хуже обстояли дела на другом крупнейшем заводе — Кировском. Брак завода по шестерням и валам для танков достигал 90%. Завод три месяца не мог определить причины брака, а когда установил, то оказалось, что валы двигателей изготавливались не из той марки стали. На Аккумуляторном заводе имени лейтенанта Шмидта из-за некомпетентности технического персонала был полностью нарушен весь технологический процесс, что привело к полной остановке завода.

Требование создания непосредственно на предприятиях военной промышленности собственных научных подразделений актуализировалось еще и тем, что НИИ и конструкторские бюро допускали при проектировании довольно большое количество ошибок, которые необходимо было в кратчайшие сроки выявлять и устранять.

В первом полугодии 1935 г. Наркомтяжпромом была проведена проверка работы предприятий военного судостроения. В результате было установлено, что большое количество недостатков в производстве происходит по вине инженеров-проектировщиков. Так, из-за ошибок, допущенных конструкторским бюро, неправильно были установлены носовые горизонтальные рули на подводных лодках «Треска» и «Пикша». На подводных лодках IV серии было неправильно сконструировано торпедопогрузочное устройство. Все это приходилось переделывать на ходу, причем неоднократно.

В результате анализа выявленных недостатков был сделан вывод о том, что конструкторские бюро слишком оторваны от заводов и не подчинены им. Чтобы исправить положение, необходимо было создать на военных предприятиях собственные КБ. Официально вопрос об этом ставился в сентябре 1935 г., при обсуждении перспектив развития военного судостроения на специально организованном по данному вопросу совещании под руководством А. А. Жданова. Научные лаборатории и конструкторские бюро стали создаваться непосредственно на военных заводах, производящих

наиболее сложные виды военной продукции. Например, на заводе №4 имени Калинина, производящем взрывные трубки и детонаторы, еще в 1926 г. была создана опытная мастерская, которая неплохо себя зарекомендовала. После 1935 г. подобные мастерские появились практически на всех крупных предприятиях военной промышленности. Значительное усложнение оружия и боевой техники привело к необходимости передачи заводским КБ и опытным мастерским тех функций, которые в начале 30-х годов выполняли вузы и втузы. Наряду с этим были реорганизованы в НИИ специализированные конструкторские бюро и лаборатории. В первую очередь реорганизации подвергались такие НИИ, которые показали высокую эффективность исследовательской и опытно-конструкторской работы, занимались актуальными темами. И наоборот, ликвидированы те, которые, по мнению органов управления, оказались неэффективны. В 1936 г. было ликвидировано, в частности, Остехбюро, в этом же году было расформировано известное КБ Пономарева по деревянному катеростроению.

Дальнейшее развитие научных подразделений на предприятиях вызвало их укрупнение. На наиболее крупных предприятиях конструкторские бюро получали статус «Центральных» и могли самостоятельно проводить научно-исследовательские и конструкторские работы по наиболее сложным видам военной продукции, вплоть до самостоятельной разработки новых образцов оружия и боевой техники. На Кировском заводе было создано знаменитое танковое СКБ-2 под руководством Ж. Я. Котина, самостоятельно разработавшее и запустившее в производство серию танков КВ. Кроме СКБ-2 на этом же заводе функционировала еще и центральная лаборатория, которая работала над проблемами получения литой двухслойной стали. Всего в 30-е годы в одном только Ленинграде работало восемь Центральных КБ и лабораторий. На Брянском заводе тяжелого и транспортного машиностроения было создано конструкторское бюро М. И. Кошкина, А. А. Морозова и Н. А. Кучеренко, которое разработало легкие танки БТ-2, БТ-5, БТ-7, а также самый распространенный средний танк Великой Отечественной войны Т-34, который по праву считается лучшим танком Второй мировой войны. В различных модификациях он выпускался вплоть до 50–60-х годов. Процессы дальнейшей специализации научно-производственных подразделений не только по направлениям теоретических и прикладных исследований, но и по видам изготавливаемого вооружения, привели к концентрации военно-научных специалистов непосредственно на предприятиях. Формировалась знаменитая советская «оборонка».

Проблемами фундаментальных исследований, вопросами применения в военном деле новых материалов, изучением новых физических принципов и химических процессов в основном стали заниматься вузы и втузы, НИИ, специализированные Центральные КБ и лаборатории. Часть из них были самостоятельными, часть работала в структуре предприятий, выпускающих военную продукцию. Заводские КБ разрабатывали на основе результатов фундаментальных исследований конкретные образцы оружия и боевой техники, основы технологии их производства, координировали деятельность КБ и лабораторий различных предприятий, работающих по сходным проблемам. Научные подразделения предприятий разрабатывали и внедряли технологию производства разработанного образца непосредственно на предприятии, с учетом его специфики, при необходимости готовили предложения и необходимую проектную документацию по реконструкции заводского производства и развитию новых производственно-технологических линий.

В свою очередь, процессы развития военной экономики предъявляли новые качественные требования к персоналу, работающему в системе оборонного производства. Среди них можно, на наш взгляд, выделить следующие направления, требующие в межвоенный период неотложного решения:

• обеспечение целостности и органического единства системы кадрового обеспечения НТП в военной сфере, предусматривающего сбалансированную подготовку профессионально-технических групп работников по всем стадиям научно-производственного цикла, а также по каждому направлению НТП в военном производстве, гарантирующему достижение позитивного конечного результата;

• непрерывность подготовки кадров и обеспечение ими всех направлений НТП в науке и военном производстве, предусматривающая систематическую переподготовку кадров, расширение границ системы переподготовки вплоть до охвата всех желающих повысить свой образовательный уровень, своевременная обработка и распространение научно-технической информации, направленной на выработку у каждого работника морально-психологической потребности в постоянной учебе;

• дифференциация и преемственность усилий всех структурных звеньев системы кадрового обеспечения военного производства, предполагающие четкое разграничение форм и методов обучения на каждом этапе подготовки;

• целенаправленность и комплексность подготовки и переподготовки кадров для всех стадий научного и производственного цикла;

• развитие сети высших учебных заведений нового типа, прин-

цип обучения в которых был бы основан на синтезе фундаменталь-ной и естественно-технической подготовки выпускников, способных трудиться на перспективных направлениях военного производства;

• придание системе кадрового обеспечения НТП в военной сфере большей гибкости и подвижности, возможность оперативно реагировать на новые тенденции в развитии науки и техники, особенно в военно-технической области;

• идеологизация системы кадрового обеспечения НТП, применение в процессе подготовки и переподготовки кадров в основном политико-идеологических и морально-психологических форм и методов стимулирования научного и производственного процессов;

• формирование у кадрового состава, занятого военно-научной деятельностью и на военном производстве, соответствующих политических, идеологических и морально-нравственных качеств.

После проведения реформ 1929–1933 гг. и разрешения вышеназванных задач по обеспечению НТП в военной сфере радикальным образом изменилось вооружение Красной Армии, причем скачок произошел не только в количественном, но и в качественном отношении (см. табл. 9).

Таблица 9. **Изменение состава вооружения стрелковой дивизии Красной Армии кадрированного состава после реформ 1929–1933 гг.**

Годы	Численность л/с, вооруж. стрелковым оружием	Число танков	Число арт. орудий	Число станковых пулеметов	Число ручных пулеметов	Число зенитных пулеметов
1925	12 800	—	54	189	81	—
1929	12 800	8	67	186	120	—
1935	12 800	57	100	180	350	18

Источник: Архив МО РФ. Ф. 6598. Оп. 725109. Д. 529. Л. 16.

В армию стало поступать новое стрелковое вооружение, в частности, можно назвать автоматическую винтовку С. Г. Симонова (образца 1936 г.), карабин Симонова (образца 1938 г.), модернизированную винтовку капитана Мосина, которая до сих пор используется снайперами, станковый пулемет системы В. А. Дегтярева (образца 1938 г.), крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина (образца 1937 г.) и другое современное оружие для стрелковых дивизий. Поставки винтовок и карабинов выросли с 174 тыс. штук в 1930 г. до 1175 тыс. штук в 1938 г. Поставки пулеметов выросли, соответственно, с 41 тыс. штук до 77 тыс. штук. Вырос также выпуск танков с 740 в 1930 г. до 2271 штук в 1938 г.[41]

[41] Архив МО РФ. Ф. 7. Оп. 21 536. Д. 5. Лл. 54–55.

Вместе с тем в зарубежной и отечественной литературе, посвященной начальному периоду Великой Отечественной войны, как правило, отмечается, что советские стрелковые дивизии были плохо вооружены, красноармейцам не хватало современных видов вооружения и патронов, что воевать приходилось чуть ли не голыми руками. Такие случаи действительно имели место. Но следует иметь в виду следующее. С 1933 по 1937 г. количество кадровых дивизий Красной Армии выросло в десять раз. В 1933 г. в составе вооруженных сил насчитывалось всего 885 тыс. человек. К 1939 г., когда был окончательно завершен переход к кадровой системе комплектования командного состава и всеобщей воинской обязанности рядового состава, в вооруженных силах насчитывалось уже более 1,5 млн человек.

К началу войны численность Вооруженных Сил была доведена до 5 млн человек. Промышленность не могла их в одночасье обеспечить оружием нового образца. Приходилось пользоваться ранее накопленными резервами и запасами. Кроме того, такое резкое увеличение численности кадрового состава не означает, что количество войск автоматически перешло в их качество. До введения всеобщей воинской повинности в СССР практически не готовился хорошо обученный контингент запаса. Призванные в связи с началом войны люди, хоть и назывались солдатами, но по своей подготовленности к боевым действиям они ничем не отличались от народного ополчения. Большие людские потери сопровождались потерей личного и штатного батальонного, полкового и дивизионного вооружения. Огромное количество запасов вооружения было потеряно на прифронтовых складах и складах второго и третьего эшелонов обороны, оказавшихся в зоне боевых действий.

Все боевые и складские потери вооружения должна была возместить оборонная промышленность, большая часть которой также оказалась в зоне оккупации. Исходя именно из такого развития событий строились немецкие планы победы в войне. План «блицкрига» — это не только план быстрых побед на фронте, но и план, обеспечивающий невозможность для советской военной экономики оправиться от внезапно нанесенного ей ущерба. Производственный маховик, как известно, раскручивается достаточно медленно, а остановить его можно одним ударом. Современная российская военная и «полурыночная» гражданская экономика все еще не могут прийти в себя после горбачевских реформ и гайдаро-чубайсовской «шоковой терапии», а ведь реформы — это все-таки не война...

Восстановление военной экономики СССР после неудачного первого года войны произошло буквально за год-полтора. Основ-

ную роль в этом «чуде» сыграло то, что за годы предвоенных пятилеток в Советском Союзе был создан мощный промышленный потенциал. Только за три с половиной года третьей пятилетки было введено в действие 2900 новых заводов, фабрик, шахт, рудников и других промышленных предприятий. Многие из них имели крупное оборонное значение, в особенности те из них, которые были созданы на востоке страны.

Решающую роль для производства вооружений и объектов оборонного значения играет прокат сортовой стали и в особенности, его потребление в автомобильной и тракторной промышленности (которые наиболее быстро перепрофилируются на производство военной техники). К началу войны наша страна еще отставала от Германии в данном виде производства (см. табл. 10).

Таблица 10. **Производство проката сортовой стали в СССР, США и Германии в 1937 г.**

Сталь	СССР		США		Германия	
	тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%
Всего	11 386	100	36 766	100	14 179	100
В том числе: сортовой металл	4381	38,4	6031	16,4	5368	37,8
листовой прокат	2625	23.0	16 932	46.1	3719	26,2
рельсы	12 66.3	11.1	Нет сведений	—	870,1	6,1
полосы для скреплений	421.9	3,7	450,9	1,2	Нет сведений	—
проволока катаная	452.1	4,0	3009	8,1	1234	8,7
балки и швеллера	550,5	4,8	3276	8,9	1222	8,6

Источник: *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 734.

Как видно из представленной выше таблицы, соотношение между двумя главными видами проката, между сортовой и листовой сталью в СССР и Германии отличалось на 2 млн, но значительно отставало от листового проката в США, что объяснялось развитым там автомобилестроением (в значительной степени — легковых автомобилей и производством тракторов и малых грузовиков для фермерских хозяйств). В то же время производство проката для автомобилей и тракторов легко перепрофилируется в годы войны для массового производства бронетехники и кораблестроения (в особенности сторожевых кораблей, торпедных катеров, морских охотников, тральщиков и тому подобное, т. е. кораблей без мощного броневого покрытия).

В СССР среди отраслей промышленности, потребляющих прокат, в 1937–1938 гг. на первом месте находился железнодорожный

Таблица 11. **Динамика потребления проката металла (тыс. т) отраслями промышленности, работающими на укрепление военно-экономического потенциала СССР в 1928–1937 гг.**

Отрасль промышленности	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Транспортное машиностроение	438,4	536,6	606,8	554,0	556,1	786,2	961,1	1190,0	1562,4	1579,8
Машиностроение и металлообработка	962,2	1320,1	1941,1	2511,1	2339,1	2446,1	3168,4	3989,0	4865,0	4646,2
Железнодорожное строительство	112,2	321,0	498,6	566,0	513,4	514,2	602,9	1139,7	1501,5	1190,7
Строительство объектов черной металлургии	561,3	997,1	1052,4	1322,2	1076,7	957,6	1181,2	1411,5	1810,3	2003,7
Автотракторное машиностроение	164,5	200,2	241,1	295,7	347,2	394,6	478,0	1066,1	1191,8	947,4
Химическая промышленность	27,1	30,6	43,9	62,5	36,7	52,1	65,1	100,6	97,7	84,1
Нефтяная промышленность	40,7	45,2	47,7	42,5	20,2	11,6	75,2	42,1	69,9	76,0
Водный транспорт	28,4	31,6	33,5	36,8	24,6	26,3	42,7	47,1	52,7	61,6
Цветная и золотоплатиновая промышленность	30,6	26,3	28,4	35,0	51,5	67,0	68,5	90,2	92,2	117,1

Источник: *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 798–799.

транспорт. В указанные годы в США и Германии, в отличие от Советского Союза, практически не велось нового железнодорожного строительства. Металл потребляли в основном вагоностроительные компании. СССР в эти годы вел активное строительство железных дорог в Восточном промышленном районе, строил метро и обновлял железнодорожное полотно в Европейской части России.

Но по темпам роста потребления проката и сортовой стали на первое место стала выходить ***автотракторная промышленность***. Еще в 1930 г. эта отрасль потребляла всего 1% производства проката и стояла далеко позади таких отраслей, как сельхозмашиностроение, транспортное, тяжелое машиностроение. К 1936 г. удельный вес этой отрасли в общем потреблении проката вырос до 8,4%. Кроме того, автотракторная промышленность потребляла значительное количество литейного чугуна, необходимого для производства танков. В 1937 г. отрасль потребляла 1044,6 тыс. т черных металлов. Автотранспортная промышленность СССР в годы войны, как известно, была полностью перепрофилирована на производство танков и орудийных тягачей. Тракторы, произведенные ею в предшествующий период, также были мобилизованы на военные нужды. Динамику потребления металла отраслями промышленности, связанными с военным производством, можно видеть из табл. 11.

И, наконец, синтетическим показателем, характеризующим непосредственную подготовку Вооруженных Сил к войне, являются расходы на оборону, поскольку военное производство работает не на потребительский рынок, а на оборонный заказ. Чтобы военные заводы работали, необходимо, чтобы государство производило закупку военной техники у них. Динамика государственных расходов на оборону представлена в табл. 12.

Таблица 12. **Расходы на оборону в 1921/1922–1932 гг., млн руб.**

1921 1922	1922 1923	1923 1924	1924 1925	1925 1926	1926/ 1927	1927/ 1928	1928/ 1929	1929/ 1930	Особ. кварт. 1930	1931	1932
223,4	329,3	398,6	477,5	569,0	651,1	765,0	880,2	1045,9	434,0	1288,0	1296,2

Источник: РГАЭ Ф. 4372. ОП. 14 (бюджетно-финансовая секция). Д. 134. Л. 69–81 (об.)

Однако чтобы оценить усилия Советского правительства по укреплению обороны страны в межвоенный период, следует, очевидно, рассмотреть военно-экономическую подготовку к войне тех стран, которые являлись потенциальными агрессорами и потенциальными союзниками.

Глава 3

Экономическое противоборство великих держав после первой мировой войны и накопление военно-политического потенциала в противостоящих группировках к началу Второй мировой войны

1. Военная экономика США, Великобритании и Франции в период между двумя мировыми войнами

Соединенные Штаты Америки

Первая мировая война стала для США «большим бизнесом». Из страны, импортирующей капитал, Соединенные Штаты превратились в его экспортера, из государства-должника — в государство-кредитора. До войны внешняя задолженность Штатов равнялась приблизительно 5,5 млрд долл.; в годы войны они ссудили союзникам 10 млрд долл. и к ее окончанию сосредоточили в своих руках более трети мирового запаса золота.

Чистые прибыли американских промышленных корпораций в 1914 г. равнялись 3940 млн долл., а в 1918 г. — уже 8362 млн. В связи с выполнением огромных военных заказов (в которых в значительной мере заказчиком выступала царская Россия) капиталовложения в фабрично-заводскую промышленность возросли с 22,8 млрд долл. в 1914 г. до 44,5 млрд долл. в 1919 г. Общая стоимость промышленной продукции за годы войны увеличилась с 23,9 до 62 млрд долл. Особенно расширились отрасли промышленности, которые непосредственно обслуживали государственный оборонный заказ. Так, если в 1919 г. было выплавлено стали 31,8 млн т, то в 1918 г. — уже 45,1 млн т. За тот же период выплавка чугуна поднялась с 31,4 до 39 млн т. Значительное развитие получила химическая промышленность, связанная с производством взрывчатых веществ: стоимость ее продукции выросла за время войны с 2658 до 4356 млн долл.[1]

В период с 1913 по 1919 г. объем внешней торговли США с европейскими странами вырос более чем в два раза: с 1813 млн долл. до 3904 млн. Общий объем экспорта за это же время вырос с 2466 до 7920 млн долл. В связи с увеличением внешнеторговых перевозок значительные заказы получила судостроительная промышленность. Если до войны тоннаж торгового флота США составлял 4,3 млн т, то к 1920 г. — 14,6 млн т. Морская торговля Англии стала отставать от торговых перевозок США.

[1] Всемирная история: В 24 т. Т. 21. Минск, 1997. С. 142.

Сокращение военных заказов и конверсия части предприятий, работающих на военные нужды, вызвали резкую недогрузку промышленных и перерабатывающих предприятий. Послевоенная демобилизация увеличила армию безработных. К 1921 г. производственный аппарат промышленности США был недогружен более чем на 40%. Резко сократился объем внешней торговли: импорт с 5278 млн долл. упал в 1920 г. до 2509 млн долл. В 1921 г. экспорт с 8228 млн долл. сократился до 4485 млн. Произошло резкое снижение цен на сельскохозяйственное сырье и продукты сельского хозяйства, что вызвало массовое разорение фермеров. В июле 1921 г. число безработных в США составило 5735 тыс. человек. Резко упал спрос на кредит. Банковская система США испытывала затруднения, которые можно охарактеризовать как кризис перепроизводства, сопровождавшийся депрессивным состоянием экономики, падением ставки банковского процента при отсутствии спроса на займы.

План восстановления европейской экономики, известный более как «план Дауэса», оживил американские банки. Германии был представлен заем (совместно с синдикатом ряда банкирских домов Европы) в размере 800 млн золотых марок для укрепления ее финансов и развития промышленности. Всего за шесть лет, с 1924 по 1929 г. Германия получила от американо-английского банковского синдиката более 21 млрд марок в виде долгосрочных и краткосрочных займов. Германия, в свою очередь, должна была вносить «переходные» платежи по репарационному займу в размере 1 млрд марок ежегодно до 1929 г. и по 2,5 млрд марок ежегодно, после 1929 г. Общий объем выплат задолженности Германией по «плану Дауэса» был рассчитан на 11 лет (впоследствии долг был реструктурирован на 49 лет).

Правительству Муссолини банкирский дом Моргана предоставил в 1925 г. стабилизационный займ в сумме 100 млн долл. для проведения денежной реформы. Для целей стабилизации европейских валют другими банкирскими домами США были предоставлены кредиты вновь образовавшимся государствам Европы: Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польше, Финляндии и «старым» государствам, пострадавшим от военных действий, — Голландии, Бельгии, Франции и Великобритании. В 1914 г. рокфеллеровский «Нэйшнл сити бэнк» имел за рубежом только одно отделение, к 1924 г. их стало 112. Банк Моргана «Гаранти траст компани» к 1924 г. имел свои отделения во всех европейских странах и активно скупал отделения кредитопроводящей сети разорившихся европейских банков в Индии, Малайе, Бирме, Австралии, Новой Зеландии и других колони-

ях европейских стран. Во время иностранной военной интервенции в России, филиал «Гаранти траст компани» под названием «Эйша бэнкинг корпорейшн» вел свои операции в Иркутске, Владивостоке и Находке.

Осенью 1929 г. нью-йоркскую биржу охватила невиданная паника, все бросились продавать акции. Только за один день, 24 октября, было продано 12 800 тыс. акций. Спустя пять дней, 29 октября, было продано уже 16 млн акций, стоимость которых понизилась более чем наполовину. Такого биржевого краха история США еще не знала. Существуют сотни объяснений подобного рода «черных понедельников и вторников», но все они в конечном итоге упираются в слова «паника», «фиктивный капитал», «биржевые махинации». Советская экономическая наука относила такие кризисы к неотъемлемым свойствам капитализма. Западноевропейская — к ошибкам и случайностям, непрофессионализму менеджеров и участников биржевой игры.

Соединенные Штаты были одним из наиболее ярких партнеров коммунистической России. В 1931 г., в момент сильнейшей экономической депрессии, они признали СССР в дипломатическом отношении и стали развивать с нашей страной торговлю. В эти годы США придерживались британского принципа равновесия сил в Европе, поддерживая то Великобританию, то Францию, то Германию и Италию, то СССР. «Новый курс» Рузвельта, направленный на усиление регулирующей роли государства в экономике путем составления общенациональных программ и планов поддержания тех или иных отраслей за счет бюджетного финансирования, американская пресса поспешила объявить «социалистическим», а Рузвельта называли «красным президентом». Однако США, несмотря на веру в мессианское призвание Америки распространить гражданские добродетели по всему миру, стремились к национальному эгоизму. Помогая тому, кто был в данный момент слабее и заявляя о защите прав и свобод национальных меньшинств, они принимали все меры к ослаблению сильнейшего государства.

С 1925 по 1931 г. США вели торговую войну с Великобританией, вытесняя ее из Латинской Америки и подрывая финансовое могущество лондонского Сити. Если в 1914 г. английские капиталовложения в Латинской Америке составляли 3682 млн долл., а американские — 1649 млн, то в 1930 г. капиталовложения США составили 5244 млн долл., а Великобритании — 3364 млн.[2] С данного момента негласная политическая договоренность об отказе Велико-

[2] Мировая экономика. М.: Международные отношения, 1965. С. 445.

британии осуществлять имперскую роль в обеих Америках, существовавшая с принятия доктрины Монро, получила экономические гарантии. США уже не видели угрозы со стороны Великобритании в атлантическом направлении и стремились ее тайно «добить» на тихоокеанском театре, где у Британии оставались Сингапур, Австралия, Новая Зеландия и «особые отношения» с Китаем и Японией.

Система американских политических ценностей и приоритетов по отношению к континентальной Европе в 30-е годы не была четко определена. Она в основном диктовалась защитой интересов американских банков и американских монополий. Усиление фашизма в Германии, Италии, Испании, Венгрии и Румынии, попытка Франции в противовес Германии сколотить «Восточный пакт» из новых восточноевропейских государств, рассматривались в Америке как «европейские интриги». Американских политиков, которых условно делили на «вильсонианцев» и «джексонианцев» (сторонников активной политики Америки в отношении Европы и сторонников изоляционистского эгоизма) *«не слишком беспокоило поведение Германии против Франции или Японии против Англии в этот период — более того, они сообща выступали против намерений Франклина Рузвельта ввязаться в войну в Европе. Но после нападения на Перл-Харбор и возникновения прямой угрозы безопасности Америки обе политические партии максимально сблизили свои позиции»*. Америка приняла сторону «демократии».[3]

Великобритания

В результате первой мировой войны Британия приобрела новые колониальные владения. Самый опасный ее европейский конкурент — Германия — лежал в руинах. Однако за годы войны государственный долг Великобритании вырос с 650 млн фунтов стерлингов в 1914 г. до 7829 млн в 1919 г. Несмотря на все усилия по его погашению, к 1938 г. Англия все еще должна была 6994 млн фунтов стерлингов. Особенно ее беспокоил долг американским банкирам за военные поставки на 850 млн фунтов стерлингов, производимые под гарантии казначейства, а также новые послевоенные взаимоотношения с доминионами: Канадой, Австралией, Южно-Африканским Союзом и Новой Зеландией, все более и более попадающими в орбиту экономической политики, проводимой США.

[3] *Генри Киссинджер.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М.: Ладомир, 2002. С. 275.

Давление американских банков привело к падению курса английского фунта до 79% его золотого паритета. Английская промышленность и, прежде всего, импортеры сырья настаивали на золотовалютных интервенциях в целях восстановления золотого паритета фунта. Но золотовалютные резервы Англии (включая доллары США и канадские доллары) составляли всего 4141 млн фунтов стерлингов. С учетом внешнего долга и золотовалютных резервов США, вступать с ними в игру на повышение курса фунта по отношению к доллару было опасно. «*При современном распределении мирового золотого запаса*, — отмечал в 1922 г. советник государственного королевского казначейства Дж. М. Кейнс, — *восстановление золотого стандарта нашей валюты неизбежно означает, что мы предоставляем регулирование нашего уровня цен и нашей процентной ставки федеральной резервной системе Соединенных Штатов*».[4]

До первой мировой войны фунт стерлингов обслуживал до 80% расчетов в мировой торговле, он пользовался безграничным признанием и был самой устойчивой валютой. Для оплаты военных поставок и других целей Англия вынуждена была уступить часть своих заграничных инвестиций американским банкам. За годы между первой и Второй мировыми войнами заграничные английские инвестиции сократились примерно на одну четверть. Лондонский Сити как центр международных расчетов, сместился на второе место после нью-йоркского Уолл-Стрита.

Несмотря на то, что по Версальскому договору к Великобритании и ее доминионам отошли ближневосточные владения Турции и колонии Германии общей площадью 2600 тыс. км^2 и с населением 13 млн человек, она вынуждена была отказаться от протектората над Египтом (1922 г.), предоставить независимость Ирландии (1923 г.), отказаться от мандата на Ирак (1930 г.) и признать независимость Афганистана (1921 г.). Канада начала самостоятельно вести торговые переговоры с США и Францией. На территорию Австралии стали проникать иностранные монополии и создавать предприятия, успешно конкурирующие с ввозом английских товаров. Правящие круги Южно-Африканского Союза стремились получить максимум выгоды от принадлежности к Британской империи при минимальной зависимости от Англии.

Наряду с понятием «доминион» и «империя» все чаще и чаще употреблялось понятие «содружество». Доминионы, в которых значительную часть населения составляли потомки выходцев из Ан-

[4] *Кейнс Дж. М.* Трактат о денежной реформе / Пер. с англ. М.: Изд-во НКФ. 1925. С. 11.

глии (англосаксы), требовали себе права самостоятельно решать вопросы внешнеэкономических сношений и защиты своих «национальных» интересов силой оружия. В 1922–1923 гг. один британский доминион – Южно-Африканский Союз – самовольно начал военные действия, чтобы захватить другой доминион – Южную Родезию. Не последнюю роль в этом конфликте сыграл международный картель «Де Бирс». Англия вынуждена была признать «независимость» Южной Родезии, чтобы уберечь ее от оккупации своим доминионом. Был создан прецедент распада Британской империи.

На имперской конференции 1926 г. было принято определение «Британского содружества наций», как ***добровольной ассоциации*** независимых стран в составе британской империи, имеющих одинаковые права и никоим образом не подчиненных одна другой в любом аспекте внешних сношений, но объединенных лишь идеалами верности британской короне.[5]

США не ратифицировали подготовленные Лондоном и Парижем решения Версальской конференции и не вступили в Лигу наций, созданную европейскими державами-победительницами. Тем самым они оставляли себе свободу действий на европейском континенте. В то же время они созвали Вашингтонскую конференцию, чтобы ограничить сферу влияния Англии в зоне Тихого океана. Как известно, в 1919 г. конгресс США утвердил принятую еще в годы войны программу строительства океанского военно-морского флота, согласно которой американский крейсерско-линейный флот должен быть самым мощным в мире. Это означало прямой вызов английскому господству на море. Англия уже не могла соперничать в продолжительной гонке вооружений из-за нестабильности своего экономического положения. По этой же причине она не могла обострять свои политические отношения с США. Она заняла по отношению к Штатам политику «сдерживания», проводимую в рамках «большой стратегии».

На Вашингтонской конференции (декабрь 1921 г.) США предложили Англии, Франции и Италии:

а) отказаться от строительства линейных кораблей водоизмещением свыше 35 тыс. т (максимальная пропускная способность Панамского канала);

б) значительно сократить сухопутные войска, количество тяжелой артиллерии и танков;

в) установить следующие пропорции количества линейных ко-

[5]Мировая экономика. М.: Международные отношения, 1965. С. 212.

раблей для США, Англии, Японии, Франции и Италии — 10 : 10 : 7 : 5 : 4.[6]

Континентальные державы отказались сокращать сухопутные силы. Япония требовала паритета по линкорам с США. Италия — с Францией. Англия отказывалась пускать на металлолом уже заложенные в верфях новые линейные крейсеры и денонсировать англо-японский союз, которым, как ей казалось, она защищала Австралию и Новою Зеландию от японской экспансии. Франция настаивала на своем праве построить десять новых линкоров по 35 тыс. т каждый для защиты экономических коммуникаций и заморских «провинций».

Если бы в финансовом отношении Великобритания занимала в 20-х годах такое положение, в каком она была в 1913 г., т. е. если бы она оставалась мировым банкиром, отход от политики коллективной безопасности и возвращение к политике равновесия сил создали бы для нее сильные позиции. Великобритания могла бы позволить Германии перевооружаться, всегда зная, что если Германия станет слишком сильной, англичане начнут субсидировать Францию, а также наращивать мощь своего линейного флота, увеличивать средства доставки авиации и экспедиционных войск (авианесущие соединения и средства морского десантирования). Но Лондон перестал быть финансовым центром мира, этот центр переместился в Нью-Йорк.

Попытка Лондона вернуть себе былое значение введением в 1925 г. золотого стандарта закончилась поражением в торговой войне с Америкой. Доля Англии с 2/5 всего промышленного производства мира в XIX столетии упала к 1938 г. до 14,8%. Американский доллар вытеснял фунт стерлингов с мирового рынка в стерлинговую зону, где его курс поддерживался системой преференций — преимуществ и льгот в обложении таможенными пошлинами английских товаров и товаров стран Содружества во взаимной торговле. В 1937 г. система преференций распространялась на 56% стоимости английского экспорта в страны-доминионы и в метрополию. В свою очередь Англия предоставляла преференции на 61% импортных товаров из своих владений и стран Содружества. Пошлины на товары во внутриимперской торговле были в среднем на 10–12% ниже пошлин на соответствующие товары, импортируемые из стран, не входящих в Британское Содружество Наций. Система преференций, установившаяся в период между первой и Второй мировыми войнами, была направлена против США.

[6] В итоге было принято соотношение 1 : 10 : 6 : 3,5 : 3,5. (*Прим. ред.*)

На Оттавской конференции в августе 1932 г. страны, входящие в Британское содружество, и прежде всего Канада, Новая Зеландия и ЮАР, потребовали снизить уровень предпочтительных тарифов и сократить список товаров, на которые распространились преференции. Сфера действия преференций сужалась, поскольку, стремясь защитить свои позиции на внутреннем рынке от конкуренции английских товаров, национальные капиталы доминионов (куда все более и более проникал американский капитал), стали проводить согласованную между собой политику, которая не всегда соответствовала интересам британской короны.

В 30-е годы английский импорт в два раза превышал экспорт. Превышение стоимости импорта над экспортом не выплачивалось, а зачислялось на специальные счета в банках Англии (стерлинговые авуары) стран-экспортеров, входящих в стерлинговую зону. Кроме членов Содружества и английских колоний в стерлинговую зону входили Ирландия, Исландия, Иордания и Ливан. Страны стерлинговой зоны ориентировали свои денежные системы и международные расчеты на английский фунт стерлингов. Между ними существовало свободное обращение валют, что способствовало развитию торговли внутри зоны. Формально стерлинговые авуары представляли собой задолженность Англии другим странам, но она оставалась невостребованной, пока страны-экспортеры выигрывали в разнице курса между фунтом стерлингов и долларом. Поскольку страны Содружества сдавали всю долларовую выручку в лондонские банки («долларовый пух»), задолженность Англии росла (при отрицательном сальдо торгового баланса) не только за счет падения экспорта, но и за счет падения курса фунта стерлингов относительно доллара.

К концу 30-х годов в Великобритании были накоплены запасы золота на сумму в 4144 млн долл. и примерно столько же составили долларовые запасы, сконцентрированные в ценных бумагах американских фирм и федерального казначейства США. Однако стерлинговые авуары, накопившиеся вследствие превышения импорта над экспортом, значительно превышали данные золотовалютные резервы. В сложившихся условиях Англия не могла участвовать в гонке вооружений, хотя будущая война могла бы помочь ей упростить долговые расчеты со странами стерлинговой зоны, выступающими пока что в роли кредиторов английской экономики. *«Чтобы выиграть время и скрыть истинное положение вещей, британские государственные деятели начали активную пропаганду за разоружение. Они заявляли, что новая война разрушит цивилизацию, и единственное средство предотвратить печальный ис-*

год – коллективная безопасность», — так определял цели Англии в будущей войне Джон Фуллер, автор английского бестселлера о Второй мировой войне, написанного по свежим следам английской внешней политики.[7]

Забегая вперед, следует отметить, что политика коллективной безопасности, проводимая Великобританией, позволила ей втянуть в орбиту Второй мировой войны не только индийских сипаев и непальских сикхов, но и Австралию, Новою Зеландию, ЮАР, Канаду и другие формально независимые государства Британского содружества. В знаменитом сражении при Эль-Аламейне (единственном крупном сражении, в котором британские сухопутные силы участвовали не в коалиции с другими великими державами), участвовали 9-я австралийская дивизия, 1-я южноафриканская дивизия, 2-я новозеландская дивизия, 5-я индийская дивизия, а также греческая бригада и бригада «Сражающейся Франция». Собственно английские войска составляли менее половины армии Монтгомери и держались они во втором эшелоне, выступая своего рода заградотрядами, преграждающими путь к отступлению австралийцам, новозеландцам, южноафриканцам, грекам и индусам.

Вместе с тем, своей главной цели во Второй мировой войне Англии достичь не удалось. Она не вернула себе положение мирового финансового центра, не стала доминирующей экономикой на Европейском континенте и «не списала астрономическую задолженность странам Содружества как вклад стран стерлинговой зоны в дело разгрома общего противника во Второй мировой войне».[8]

Пацифистская пропаганда, под флагом которой британскими политиками сколачивалась «коллективная безопасность» Европы и стран Содружества, обернулась против самой Англии. «*К тому времени,* — отмечал Дж. Фуллер, — *когда Гитлер пришел к власти, англичане были настолько загипнотизированы пацифистской пропагандой, что если бы британское правительство затеяло перевооружение своей армии и флота, его устранили бы от власти. Даже когда разразилась война, правительство побоялось провозгласить свои истинные военные цели, а именно — поскольку германская политика силы, германский образ жизни, германская финансовая система, германские методы торговли были противоположны британским и поскольку их дальнейшее существование привело бы к германской гегемонии в Европе — нужно было положить конец их дальнейшему развитию, ибо от этого зависело*

[7] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2004. С. 20–21.

[8] Мировая экономика. М.: Международные отношения, 1965. С. 216.

самосохранение Британии как великой державы... вместо изложенных военно-экономических целей была провозглашена другая цель войны – моральная.

Конфликт принял характер крестового похода, стал идеологической, а не политической войной, войной, в которой стремились уничтожить Гитлера и гитлеризм, как Святой Георгий (символ Британии – А. М.) уничтожил дракона.... Черчилль (ставленник лондонского Сити) заявил: „Речь не идет о войне из-за Польши или из-за Данцига. Мы сражаемся за то, чтобы спасти мир от чумы нацистской тирании, защищаем все то, что есть святого у людей". Эта эмоциональная цель привела к такому исходу войны на Европейском континенте, который Британия старалась на протяжении 400 лет предотвратить, т. е. к установлению в Европе гегемонии одной великой державы, а именно азиатской России».[9]

Франция

В 1937 г. доля США, Великобритании и Франции вместе взятых составляла в мировом экономическом потенциале 56,1%. Доля стран фашистской «оси» (Германии, Японии и Италии) значительно меньше – 20,4%. Во время войны это соотношение вначале изменилось в пользу агрессоров, поскольку из воюющих государств, по крайней мере, до 1944 г., выбыла Франция. Ее экономический потенциал по соглашению с вишистским правительством Франции работал на Германию и Италию. Вследствие этого обстоятельства мы приводим данные по экономическому потенциалу отдельно Франции, и отдельно по США и Великобритании (табл. 13 и табл. 14).

Таблица 13. **Основные показатели экономического потенциала Франции за 1938 г.**

Отрасли производства	Собственное производство	Ввоз из колоний и импорт	Всего
Электроэнергия (млрд квт)	20,7	—	20,7
Уголь (млн т)	46,5	14,2	60,7
Нефть и нефтепродукты (млн т)	0,1	56,9	57,0
Сталь (млн т)	6,1	0,8	6,9
Зерновые (млн т)	14,3	6,1	20,4

Источник: Экономика стран мира. Справочник / Сост. Ю. Н. Покотаева. М., 1968. С. 100-101.

[9] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2004. С. 21-23.

Таблица 14. **Основные показатели экономического потенциала США и Великобритании за 1939–1945 гг.**

Страна	Собственное производство	Ввоз из колоний и импорт	Всего
Электроэнергия (млрд квт)			
США	1678,3	—	1678,3
Великобритания	315,1	—	315,1
Всего: 1993,4			
Уголь (млн т)			
США	3754,6	3,9	3758,5
Великобритания	1464,4	—	1461,1
Всего: 5222,9			
Нефть и нефтепродукты (млн т)			
США	1392,6	73,5	1466,1
Великобритания	—	93,5	93,5
ВСЕГО: 1559,6			
Сталь (млн т)			
США	511,7	—	511,7
Великобритания	89,7	9,5	99,2
ВСЕГО: 610,9			
Зерновые (млн т)			
США	837,0	—	837,0
Великобритания	51,1	38,3	89,4

Источник: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. С. 236.

Французская экономика, как видно из представленных данных, сильно зависела от ввоза энергоносителей, значительную долю которых она получала из своих колоний в Северной Африке. Франция ввозила нефть, уголь, кокс, цветные металлы, лесоматериалы, станки, хлопок, шерсть, продовольственные товары. В то же время Франция являлась крупнейшим в Европе производителем сельскохозяйственной продукции. На душу населения она занимала первое место в Европе по производству зерна, мяса, молока, яиц, сахарной свеклы, виноградного вина. Сильно было развито животноводство, дававшие более 60% стоимости сельхозпродукции. Франция традиционно экспортировала химические изделия, текстиль, изделия парфюмерной промышленности, продовольственные товары, машины и оборудование для легкой и пищевой промышленности.

В годы первой мировой войны страна понесла материальные потери и затраты на сумму 200 млрд франков. Было разрушено и повреждено около 10 тыс. предприятий, затоплено 200 шахт, уничтожено 900 тыс. жилых сооружений. В то же время промышленность Франции выполняла военные заказы не только собственного

правительства, но и заказы союзников — царской России, Румынии и Италии. После окончания войны она явилась инициатором создания Малой Антанты, куда кроме нее входили Чехословакия, Польша, Сербско-хорватско-словенское королевство и Румыния.

В 1920 г. французские войска оккупировали Франкфурт-на-Майне, а в 1921 г., совместно с бельгийскими войсками, — Рурскую область и города Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурорт, мотивируя свои действия нарушением графика репарационных выплат Германией. Из 20 млрд золотых марок, которые Германия должна была выплатить за 1920 г. и за четыре месяца 1921 г., Франция получила только 3 млрд марок, а из 66 млн т угля было отправлено лишь 45 млн т.

Франция имела большие финансовые претензии к Советской России, что выдвинуло ее в главные инициаторы военной интервенции в 1919–1920 гг. Она играла одну из главных ролей в устройстве послевоенной Европы, в решении проблем, стоявших в повестке дня на Генуэзской, Гаагской и Лозаннской конференциях, обсуждавших, помимо прочего, финансовое устройство старых и вновь возникших стран: Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Югославии, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Проект Лиги наций был разработан французскими правящими кругами.

В 1924–1926 гг. Франция вела войну в Марокко против самопровозглашенной республики Риф. В ней отличился маршал Петэн, подписавший впоследствии акт о капитуляции с фашистской Германией и ставший правителем вишистской Франции в 1940–1944 гг. Он же «уступил» в 1941 г. Японии французский Индокитай, позволив ей тем самым усилить свои позиции против американских войск. Вишистская Франция активно работала на усиление военно-экономического потенциала фашистского блока, поставляя бывшим врагам до 40–60% своей продукции.

Централизованные поставки облегчались тем обстоятельством, что все отрасли экономики Франции, производившие и потребляющие сырьевые ресурсы, руководились министерствами. Непосредственным распределением особо важных в стратегическом отношении материалов занимались полугосударственные компании, куда входили представители министерств и заинтересованных фирм. При муниципалитетах и префектурах существовали смешанные комиссии производителей и потребителей. Эта система существовала как в оккупированной фашистами зоне, так и на юге Франции, где было создано союзное Германии государство.

2. Милитаризация экономики стран фашистской «оси» до начала Второй мировой войны

Германия

Основой экономического развития Германии с конца XIX века до начала первой мировой войны была тяжелая индустрия и металлургическая промышленность. В 1913 г. три страны: США, Германия и Англия производили металла в 5,6 раза больше, чем Франция, Россия, Австро-Венгрия и Бельгия вместе взятые. Удачное сочетание залежей железных руд и угля в Рурском бассейне, бум железнодорожного строительства и значительный рост международных морских перевозок позволили Германии создать предприятия, потребляющие значительное количество продукции металлургической промышленности.

Однако, в отличие от Великобритании, имеющей рынки сбыта в колониях, превышающих размеры метрополии в сотни раз, и США, активно колонизирующими свой Запад и страны Латинской Америки, Германия не имела колоний, и основную долю металла использовала в кораблестроении и производстве тяжелой артиллерии. Экспорт данного вида продукции, естественно, не мог осуществляться в страны, которые рассматривали Германию в качестве главного конкурента за мировое господство в индустриальной экономике наступившего XX столетия. «*Группировка держав, которую мы наблюдаем накануне первой мировой войны, в значительной степени определяется группировкой индустриально-промышленной и финансирующей их группировкой межнациональных банковских синдикатов. Англо-французский капитал и капитал германский явились двумя антагонистическими полюсами, к которым тяготели, в зависимости от разных причин, но прежде всего причин финансовых и промышленных, отдельные государства. Это были настолько мощные конкурирующие группы, что конфликт между ними неизбежно вел к крупномасштабной войне за новый передел мирового рынка*».[10]

Первая мировая война и поражение Германии способствовали появлению в США новой группировки финансового капитала, которая стала теснить нью-йоркский Уолл-Стрит и лондонский Сити. Средний Запад Америки с центром в Чикаго получил бурное развитие в виде сталелитейных компаний и мясоконсервной промышленности. Военные поставки способствовали образованию чикагской

[10] *Павлович М. П.* Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего: В 2 т. Т. 2. Пг., 1919. С. 295.

финансовой группировки, кредитовавшей страны Антанты под во-
енные и продовольственные закупки в США. Из 132 млрд золотых
марок контрибуций и репараций, возложенных на Германию стра-
нами Антанты, львиную долю должны были передать союзники
за военные кредиты чикагским банкирам, среди которых ведущую
роль занимали Ч. Дауэс, М. Эвери, Ч. Маккормик и другие.

План Дауэса по восстановления экономики Германии не был ра-
ботой кабинетного ученого-экономиста. Это был замысел заинтере-
сованного лица. Новые займы и картельные соглашения установили
тесную личную унию между финансовыми магнатами Германии и
ее сталелитейной, электротехнической, химической и военной про-
мышленностью, немецкими банками. «Дженерал электрик» вла-
дел 30% акций «Всеобщей электрической компании», «Вестингауз
мэнюфекчуринг компани» заключил картельное соглашение с «Си-
менс, Шукерет унд Гальске» о разделе мирового рынка электроап-
паратуры, «Интернейшенл телеграф энд телефон компани» факти-
чески владел контрольным пакетом акций «Телефункен». «Дже-
нерал моторс» купил автомобильную компанию «Опель» и т. д. Зна-
чительные вливания американского капитала были произведены в
сталелитейную и угольную промышленность.

Над финансами Германии был установлен иностранный кон-
троль. Прибыль железных дорог, таможен и промышленных пред-
приятий не контролировалась налоговым ведомством Веймарской
республики. Предприятия Германии при помощи заинтересованных
американских «коллег» активно осваивали международный рынок,
выполняя заказы Италии, Испании, Голландии, Венгрии, Балкан-
ских стран, но заработанные капиталы не возвращались на родину.
За 1922–1928 гг. Германия потеряла золотого запаса на сумму, вдвое
превышающую выделенные ей «стабилизационные кредиты». Вели-
кобритания и Франция, также участвующие в кредитовании «ре-
парационного плана», практически не получали выплат, поскольку
все золото «утекало» в США.

В 1922 г. «план Дауэса» был заменен «планом Юнга», нося-
щим имя нового председателя Международного совета экспертов,
президента электротехнического треста, принадлежащего предста-
вителю уолл-стритского объединения финансистов У. Моргану. Но-
вый план «помощи» ограничивал общий объем репараций, сужая
число источников их поступлений бюджетом и прибылью от желез-
ных дорог и упраздняя отчисления в репарационный фонд от при-
былей промышленности, что освобождало прибыль корпораций от
международного финансового контроля. Данная мера способство-
вала росту вложений капиталов финансовых магнатов Германии в

международные картели и объединения. Фирмы «Юнкерс», «Дорнье», «Фоккер» и другие сумели развернуть производство военных самолетов в Голландии, Швейцарии, Швеции и других странах. Капиталы германского происхождения по сути дела стали контролировать военную промышленность Голландии, Испании, Швеции, Финляндии, Турции, Болгарии. В Голландии и Испании немецкие фирмы строили подводные лодки. Ряд заказов в области самолетостроения и судостроения был выполнен в 20–30-х годах для СССР.

В 1928–1933 гг. министром финансов Германии стал главный теоретик международной социал-демократии, один из лидеров II Интернационала и автор теории «организованного капитализма» Рудольф Гильфердинг. Основной смысл привлечения международным финансовым капиталом теоретика, чьи произведения были революционно-актуальны в годы первой мировой войны и начале 20-х годов, в качестве главного финансиста страны, заключался в создании условий для концентрации немецкого капитала в руках ограниченного количества лиц. Гильфердинг считал, что монополии могут осуществлять плановое руководство экономикой страны, координировать свои действия на международном рынке и не подрывать финансовой устойчивости друг друга стихийно-рыночной конкуренцией на внутреннем рынке.

На деле это означало контроль за ценообразованием, планирование прожиточного минимума населения, увеличение прибыли корпораций и гарантии выплат международным банкирам ***реструктурированного на 49 лет и одновременно растущего репарационного долга***. Другими словами, по плану Юнга Германия должна была рассчитываться с собственными банкирами, а также — банкирами США, Англии и Франции до 1978 г., обеспечивая им гарантированные поступления от «организованного» Гильфердингом и правыми социал-демократами немецкого хозяйства.

Основным органом военно-экономического управления и регулирования производства в интересах военной экономики Германии стало ***Министерство вооружения и боеприпасов***. При нем был создан Совет вооружения, куда входили генеральные директора концернов и представители высшего военного руководства. В государственном секторе экономики решения Совета имели директивный характер. В монополистическом – планово-рекомендательный. Но даже на завершающем этапе войны, когда поражение стало очевидным, монополии продолжали выполнять утвержденные Советом планы, принимали активное участие в наращивании во-

енного потенциала и реализации долгосрочных экстраординарных военных программ.[11]

В соответствии с четырехлетним планом подготовки экономики Германии к войне, принятым в сентябре 1936 г., был осуществлен комплекс мероприятий по расширению сырьевой базы военной экономики и развертыванию современного военного производства, прежде всего самолетов, танков и подводных лодок.

Был предпринят ряд мер по развитию мобильного транспорта: увеличению парка грузовых автомобилей и расширению сети автострад, увеличению производства дизельного топлива и бензина. За годы, предшествующие войне, производство всех видов жидкого топлива возросло почти в три раза, в том числе синтетического бензина — в восемь раз. Были заложены основы для технической разработки и промышленного производства ракетного топлива. Создавались стратегические и неприкосновенные запасы по черным, цветным металлам, ферросплавам, углю, нефти, бензину и ряду других видов военно-сырьевых резервов, которые должны были обеспечить ритмичную работу военной экономики, как минимум, на один-два года непрерывных военных действий. В дальнейшем к пополнению резервов были привлечены военно-экономические запасы оккупированных Германией стран. Специально созданные подразделения Министерства вооружения и боеприпасов реквизировали и секвестировали тыловые и армейские резервы, запасы предприятий государственного сектора и частных предприятий, не работающих на военную экономику стран «оси». К лету 1941 г. производственные мощности гитлеровской Германии увеличились за счет вышеуказанных мероприятий: по железной руде — более чем в 7 раз, по стали — в 2,2 раза, по алюминию — в 1,7 раза, по нефти и нефтепродуктам — в 8 раз, по углю — в 1,5 раза, по зерновым — в 1,3 раза.[12]

С началом войны против Советского Союза, а в особенности с весны 1942 г., управление военной экономикой Германии подвергалось все большей и большей централизации. Имперское Министерство вооружения и боеприпасов усилило руководство планированием и производством военной техники для всех видов вооруженных сил. Если ранее в оккупированных странах, согласно директивам Министерства, реквизиции подлежали военная техника и боеприпасы, захваченные в качестве военных трофеев, отдельные виды стратегического сырья и промышленного оборудования, то по мере

[11] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. Berlin, 1969. Bd 1. S. 228.

[12] *Носкова А.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией в 1939–1944 гг. (Территория генерал-губернаторства). М., 1971. С. 203–208.

эскалации военных действий и нарастания экономических трудностей предприятия оккупированных стран стали поглощаться германскими военными концернами. Для них составлялись «военно-мобилизационные» планы, использовались принудительные методы привлечения к труду мирного населения, специалисты нужных для военного производства профессий угонялись на работу в Германию.

С 1939 по 1941 г. Министерство вооружения и боеприпасов реквизировало в качестве трофеев военную технику, артиллерийско-стрелковое вооружение, боеприпасы, средства тылового обеспечения 30 чехословацких дивизий. После поражения Франции были разоружены 92 французских дивизии, в том числе Германии было передано около 5 тыс. танков (включая транспортеры для боеприпасов) и 3 тыс. самолетов (включая самолеты транспортной авиации). Вооружение 22 бельгийских, 18 голландских, 6 норвежских и 12 английских (воевавших на Западном фронте) дивизий также поступило в распоряжение Имперского Министерства вооружения и боеприпасов. Только за счет трофейных автомобилей германское командование оснастило транспортными средствами более 90 своих дивизий.[13]

В разряд военных трофеев было зачислено промышленное оборудование, транспортные средства и необходимое для военного производства сырье. Из Северной Франции, оккупированной Германией, было угнано 5 тыс. паровозов и 250 тыс. вагонов, вывезено 4,9 млн т чугуна и стали (73% годового производства Франции), 0,8 млн т стратегических запасов цветных металлов, 80% стратегического запаса автомобильного и авиационного топлива, продовольственных и неприкосновенных армейских запасов. Общая стоимость сырьевых и топливных ресурсов, вывезенных с территории Франции составила 80 млрд франков. Стратегические резервы и запасы, которые государства Западной Европы накапливали на случай войны, были полностью вывезены с территории Бельгии, Нидерландов, Дании, Норвегии, Польши и других стран.

В дальнейшем реквизиции в качестве «военных трофеев» подлежала готовая промышленная продукция, находившаяся на складах и не учтенная оккупационными властями. За два года оккупации из Франции было вывезено в Германию готовой промышленной продукции более чем на 184 млрд франков. Из Чехословакии — на сумму 200 млрд чешских крон. Из Польши — на 3 млрд злотых (для сравнения: годовая товарная продукция Польши в период оккупа-

[13] Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. С. 253.

ции составляла около 4 млрд злотых). Мотивируя свои действия нераспространением норм международного права на территорию СССР, поскольку, дескать, Гаагская конвенция 1907 г. «О законах и обычаях войны» не была подписана СССР, германские оккупационные власти подвергли территорию Советского Союза, оккупированную в 1941–1944 гг., самому беззастенчивому грабежу. К апрелю 1944 г. в Германию было отправлено 239 тыс. электромоторов, 175 тыс. металлорежущих и обрабатывающих станков, свыше 1 млн т железной руды, десятки тыс. т хлопка и шерсти, 9,2 млн т зерна, 3,2 млн т картофеля, свыше 1 млрд штук яиц, 2 млн т грубых кормов, 622 тыс. т мяса и мясных продуктов, 420 тыс. т сахара и огромное количество других сельскохозяйственных продуктов.[14]

Министерство вооружений и боеприпасов через посредство военно-промышленных концернов, кооперирование производства стран «оси» и входящих в фашистский блок государств-сателлитов, фактически распоряжалось нефтяными месторождениями и нефтеперерабатывающими предприятиями Румынии и Венгрии, бокситовыми залежами Венгрии и Галиции, лесом, медными и полиметаллическими рудами Финляндии. В 1941 г. к выполнению военных заказов Германии было привлечено около 5 тыс. заводов западноевропейских стран. Только в вишистской Франции на рейх работало свыше 80% предприятий самолетостроения, 40% — черной металлургии, 70% — металлообрабатывающей промышленности. В 1942 г. промышленность Западной Европы произвела в интересах вермахта *военной продукции* более чем на 4 млрд марок. Вся она была использована в основном на советско-германском фронте. Таким образом, факты говорят о том, что фашистская Германия располагала почти неограниченным военно-экономическим потенциалом, основанном на высоком для того времени научно-техническом уровне.

Италия

Италия в большей степени зависит от импорта сырья и энергоносителей. В стране практически не осталось неосвоенных запасов угля, нефти и гидроэнергии. Из полезных ископаемых добываются сера, ртуть, мрамор, метан. Их добыча и на 10% не восполняет затрат на ввоз необходимых для ритмичного функционирования итальянской промышленности сырых материалов.

[14] Нюрнбергский процесс: *Сборник материалов*. В 2 т. Т. 1, М., 1965. С. 60.

Второй особенностью итальянской экономики периода между первой и Второй мировыми войнами являлся разрыв между промышленным Севером Италии и ее аграрным Югом. Сельское население пополняло ряды безработных и эмигрантов в странах Европы и в США.

Множество политических партий и общественных движений привели к нестабильности политического руководства страной. Король и правительство являлись символами власти, реальная власть принадлежала финансовой олигархии, состоявшей из 30 семейств, возглавлявших или же имевших преобладающее влияние в крупнейших компаниях. К числу таких семейств относились семьи: Пирелли («Чентрале» и «Бастоджи»), Аньели («ИФИ — Фиат»), Мадзини («Монтекатини»), Пезенти («Италчементи»), Вольпи и Креспи («Эдисон»), Сиода («Банко ди Рома»), Фальк («Кредито Итальяно») и другие. Внутри финансовой олигархии имелось много отдельных групп, объединяющих ряд самостоятельных компаний, которые, проводя единую финансовую политику «семьи», стремились заполучить выгодные муниципальные и государственные заказы. Подкуп чиновничества служил основой коррупции.

После первой мировой войны наблюдался бум акционерного учредительства, возникали и исчезали финансовые пирамиды, росло количество обманутых вкладчиков. Движение фашизма, возникшее в начале 20-х годов, было поддержано вышеназванными семьями, объединенными в совещательный орган — Конфедерацию промышленников (конфиндустрия) и крупными землевладельцами Юга, объединенными в Конфедерацию аграриев (конфагрикультура). Фашисты объявили, что после прихода к власти они осуществят следующие меры экономического и социального характера:

а) расследуют деятельность спекулянтов и мошенников, нажившихся во время войны и не рассчитавшихся с поставщиками;

б) примут «прозрачные» законы, в силу которых впредь акции и ценные бумаги, эмитированные анонимными учредителями, будут именными, либо будут подлежать регистрации в министерстве финансов;

в) ликвидируют анонимность акционерных обществ, позволяющих мошенникам безнаказанно обманывать граждан;

г) введут прогрессивный налог на прибыль;

д) введут 85-процентный налог на прибыль корпораций, производящих военную продукцию на экспорт;

е) введут 25-процентный налог на наследование крупных состояний и на покупку предметов роскоши;

ж) введут восьмичасовой рабочий день;

з) учредят на заводах и фабриках заводские комитеты, которые будут заключать коллективные договоры с предпринимателями и объявлять бессрочные забастовки в случае их нарушения и т. д.

Вооруженные силы Италии состояли из сухопутных войск, военно-морского флота, военно-воздушных сил и войск «национальной безопасности». Комплектование войск осуществлялось на основе воинской повинности (сил «национальной безопасности» — на основе милиционной системы). Накануне Второй мировой войны вооруженные силы насчитывали 2,3 млн человек. За годы войны их численность возросла почти в два раза. В сухопутных войсках числилось 82–87% военнослужащих, но их техническое оснащение, маневренность и огневая мощь значительно уступали армиям стран «оси».

Основным войсковым соединением сухопутных сил была дивизия. Большинство дивизий были пехотными. Оперативно-стратегическим объединением являлась группа армий, состоящая из двух-трех армий. В состав армий включались бронетанковые дивизии. На их вооружении в начале войны имелись только танкетки и легкие танки с 20-мм пушкой. Позднее появились танки с 47-мм пушкой, но с конца 1942 г. из-за больших потерь танков их количество стало сокращаться. Увеличилось количество артиллерии, переведенной с конной на механическую тягу.

Италия располагала сильным военно-морским флотом, который по количеству надводных кораблей занимал третье место в Европе (после Англии и Франции). Однако его боевые возможности были ограниченными из-за слабого прикрытия с воздуха и отсутствия развитого подводного флота. Надводный флот во время Второй мировой войны нес большие потери, которые не восполнялись строительством новых крейсеров. Основную защиту мест стоянок флота несли малые подводные лодки и подводные пловцы, выполнявшие как противодиверсионные, так и диверсионные функции.

В строительстве итальянских ВВС первоначально делался упор на создание крупных соединений бомбардировочной авиации (к середине 1940 г. бомбардировщики составляли 44% всех боевых самолетов). В последующие годы основное внимание уделялось развитию истребительной и разведывательной авиации. Увеличилось количество авиационных частей и соединений, приданных армейским соединениям для непосредственной поддержки сухопутных сил на поле боя. Авиация берегового базирования была развита слабо, имела низкую боеготовность и техническую оснащенность.

Именно данное обстоятельство предопределило успех десантных операций союзных армий при высадке на Сицилии и на юге Ита-

лии, поскольку действия значительных сил итальянского надводного флота были скованы, а затем полностью подавлены авиацией США и Великобритании. В целом итальянская армия по причине своей низкой дисциплины, невысокой технической оснащенности и боевой обученности могла играть в составе фашистского блока лишь вспомогательную роль.

Япония

Япония — островное государство бассейна Тихого океана, где в 1936 г. проживало 70 млн человек, ежегодный прирост населения составлял 1 млн человек. Площадь Японской империи (без Манчжоу-Го) составила 675 тыс.км^2, из которых собственно Япония (о-ва Хонсю, Хоккайдо, Сикоку и Кюсю), составляла 57%, Корея — 33%, Формоза (Тайвань) — 5% и японская часть Сахалина — 5%. В Японии обрабатывалось 5,8 млн га земли, что занимало 16% от общей площади собственно японских островов. Другими словами, Япония имела населения всего лишь в 1,7 раза меньше, чем в Соединенных Штатах Америки, но должна была прокормить его с сельскохозяйственной площади меньшей, чем самый маленький сельскохозяйственный штат США — Южная Каролина (равный примерно по площади Японии).

Проблема избыточной плотности населения разрешается миграцией (если население желает эмигрировать) и колониальной политикой государства (при отсутствии естественной тяги к эмиграции). Продовольственная проблема разрешается индустриальным развитием и увеличением внешнего торгового обмена. Индустриализация требует сырья и рынков сбыта в целях экспорта промышленной продукции. Япония ввозила 100% потребного для промышленности хлопка, шерсти, резины и никеля, более 90% леса, свинца и сахара, 78% олова, 68% продуктов для химической промышленности, 57% чугуна и 45% кожи.[15] 26% производимой продукции Япония вывозила в США, 14% — в Европу и Северную Африку, 4% — в Канаду, Центральную и Южную Америку, 4% — в Австралию и Новую Зеландию. Более половины японского экспорта приходилось на Китай, Голландскую Ост-Индию и Юго-Восточную Азию (см. табл. 15).

Как островное государство Япония обречена на морскую торговлю, но у нее отсутствуют собственные залежи нефти, а незначительные запасы угля (низкого качества) не позволяют использовать его в качестве корабельного и промышленного топлива. Около

[15] *Деннингер С., Гери С. В.* Война на Тихом океане / Пер. с англ. М.; Л.: Военмориздат, 1939. С. 142.

Таблица 15. **Внешняя торговля Японии накануне Второй мировой войны (1938 г., млн долл. США)**

	США	Западная Европа[1]	Латинская Америка	Ближний Восток	Наиболее значительные торговые партнеры											
					В Европе				В Латинской Америке				На Ближнем Востоке			
					Великобритания[2]	Германия	Франция	Италия	Бразилия	Аргентина	Мексика	Перу	Египет	Ирак	Иран	Саудов. Аравия
Импорт	162,5	104,3	27,9	15,3	38,4	16,4	3,8	1,6	13,1	6,9	1,3	0.5	10,3	1,7	0,1	38,6
Экспорт	101,7	72,7	25,4	23,0	18,0	20,5	10,1	0,9	2,9	5,5	1,5	1,6	3,9	4,8	1,3	1,4

Источник: *Михайлов Г., Степанов М.* Японо-китайская война (военные действия 1937–1940 гг.). М.: Воениздат, 1941. С. 138–140.

Примечания: [1] с включением колоний европейских государств в бассейне Тихого и Индийского океанов и на Африканском континенте; [2] без включения доминионов — Канады и Австралии, но с учетом грузопотоков, идущих через Сингапур.

6 млн т нефти (включая 1,5 млн т авиационного бензина) Япония ежегодно закупала у США и 4 млн т в Голландской Вест-Индии. Стратегический резерв запасов топлива поддерживался на уровне полутора-двухлетней потребности. Очень важное значение играла плановость поставок топлива — каждый месяц равное количество тонн, поскольку годовая собственная добыча нефти в Японии (Южный Сахалин и Манчжоу-Го) составляла примерно однодневную норму добычи в США.

После первой мировой войны Японии достались германские колонии в Юго-Восточной Азии и на Тихоокеанских островах. В 1931 г. Япония начала войну против Китая, захватила Манчжурию и создала там марионеточное государство Манчжоу-Го. Ее вложения в Манчжоу-Го как источник сырья для своей промышленности составили к 1936 г. 1400 млн долл. Соединенные Штаты вложили в Китай 230 млн долл. и видели в нем дальнейший объект своих инвестиций. В 1940 г. Япония заключила с вишистским правительством Франции договор о разрешении на оккупацию ею части французских колониальных владений в Юго-Восточной Азии и начала осуществлять «ползучую интервенцию» в отношении голландских и английских владений в бассейне Тихого океана. 26 июля 1941 г. японские фонды в международных банках, принадлежащих банкирам США, Великобритании и Голландии были заморожены.

«*Это решающее событие*, — говорил на заседании Международного военного трибунала для Дальнего Востока премьер, военный министр и министр внутренних дел Японии в октябре 1941 — июле 1944 гг. генерал Хидэки Тодзио, — *заставило нас принять срочные меры, обеспечивающие в будущем безопасность нашей страны и ее существование как нации... Смертельный удар был нанесен японской экономике и программе национальной обороны... Мы были вынуждены рассчитывать целиком на ресурсы внутри империи, на источники сырья в Манчжоу-Го, Китае, Французском Индокитае и Сиаме, будучи полностью изолированы от остального мира. Что касается основных видов сырья, то мы вынуждены были ограничиться лишь запасами, находившимися внутри страны... В этой обстановке наша национальная мощь слабела с каждым днем. По истечении двух лет наш торговый, вспомогательный и военный флот был бы полностью скован, а это значит — гибель Японии...*»[16]

Американская политика «сдерживания» Японии и «баланса сил» на Дальнем Востоке имеет давнюю историю. В 1882–1893 гг.

[16] Цит. по: *Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. М.: Воениздат, 1980. С. 382.

Япония, действуя по образцу европейских договоров с Китаем, проводила политику «мирного вползания» в Корею, зависимую от Китая. В 1894–1895 гг., в результате японо-китайской войны ей удалось добиться признания Китаем независимости Кореи (без упоминания признания независимости Кореи со стороны Японии). В 1904–1905 гг. в результате русско-японской войны Япония получила Ляодунский полуостров и окончательно закрепила свой протекторат над Кореей.

Русско-японская война имела особые последствия для национального самосознания населения азиатской части тихоокеанского побережья: победителем в этой войне, впервые в истории колонизации европейцами Азии, оказалась азиатская страна — Япония. Отныне японцы могли действовать под лозунгом «Азия для азиатов» и предлагать другим азиатским странам свой вариант экономического развития и опыт борьбы с европейским колониализмом. В Японии стали вынашиваться планы создания под ее эгидой «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», куда должны были войти Китай, Бирма, Индокитай, Таиланд, Филиппины и Малайя.

Однако Китай, Филиппины и Бирма входили в зону американских интересов. В 1898 г. произошла испано-американская война, в результате которой США захватили Филиппины. Официально аннексия Филиппин была облечена в форму торговой сделки. США уплатили Испании за острова 20 млн долл. Соединенные Штаты, как известно, не имели «собственного» порта на побережье Китая. Вся военно-экономическая помощь китайскому правительству во время национально-освободительной войны Китая с Японией 1937–1945 гг. осуществлялась ими через территорию Бирмы.

До начала Второй мировой войны «равновесие» в бассейне Тихого океана поддерживалось США с участием Великобритании, контролировавшей Сингапур и Малайю, Франции, контролировавшей Индокитай и Голландии, контролировавшей Индонезию и Таиланд (Голландскую Вест-Индию). С поражением Франции и Голландии в войне с фашистской Германией и отвлечением Великобританией своих сил на Индию, Ближний Восток и Атлантику, вышеперечисленные территории стали рассматриваться Японией как страны, «освободившиеся» от европейской колонизации.

США тоже были поборниками демократии в Азии, но не за счет усиления Японии. Япония — единственная страна в бассейне Тихого океана, которая могла нести потенциальную военную угрозу Соединенным Штатам со стороны тихоокеанского побережья. При уходе из Юго-Восточной Азии Великобритании, Франции и Голлан-

Таблица 16. **Основные показатели экономического потенциала стран «оси» (совместно с сателлитами) и антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны**

Страна	Собств. производство	Вывоз из окуп. стран и импорт у союзников	Всего	Страна	Собств. производство	Вывоз из окуп. стран и импорт у союзников	Всего
Электроэнергия (млрд руб.)							
Германия	414,1	—	414,1	СССР	286,6	—	286,6
Япония	242,9	—	242,9	США	1678,3	—	1678,3
Италия	123,1	—	123,1	Великобритания	315,1	—	315,1
Итого			780,1	Итого			2280,0
Уголь (млн т)							
Германия	2504,9	950,1	3455,0	СССР	917,8	—	917,8
Япония	365,0	46,5	411,5	США	3754,6	3,9	3758,5
Италия	22,6	58,4	81,0	Великобритания	1464,4	—	1464,4
Итого			3947,5	Итого			6140,7
Нефть и нефтепродукты (млн т)							
Германия	5,4	40,8	46,2	СССР	171,8	—	171,8
Япония	1,7	18,7	20,4	США	1392,6	73,5	1466,1
Италия	0,07	6,4	6,47	Великобритания	—	93,5	93,5
Итого			73,07	Итого			1731,4
Сталь (млн т)							
Германия	122,2	65,5	187,7	СССР	91,0	-	91,0
Япония	43,1	4,9	48,0	США	511,7	-	511,7
Италия	11,7	1,7	13,4	Великобритания	89,7	9,5	99,2
Итого			249,1	Итого			701,9
Зерновые (млн т)							
Германия	129,1	40,4	169,5	СССР	106,2	—	106,2
Япония	100,1	11,0	111,1	США	837,0	—	837,0
Италия	72,5	—	72,5	Великобритания	51,1	38,3	98,4
Итого			353,1	Итого			1332,6

Источники: Вторая мировая война: Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. С. 236; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1970. С. 263.

дии Япония становилась единственным экономическим конкурентом США на китайском рынке с его полумиллиардным населением. Таким образом, с нарушением «баланса сил» в начале Второй мировой войны, США были вынуждены усилить политику «сдерживания» в отношении Японии, что рассматривалось последней как проявление агрессивных намерений, которые рано или поздно приведут к военному конфликту.

США, конечно же, не ожидали, что Япония нанесет по ним удар первой. Мнение экспертов из госдепартамента было единым: вся история Японии свидетельствует, что она склонна наносить удары не сильнейшим, а слабейшим. Главный советник госсекретаря Хэлла по вопросам Дальнего Востока С. Хорнбек 29 октября 1941 г. (за несколько недель до нападения японцев на Перл-Харбор) заявил: «*Япония не будет склонна предпринимать новые военные авантюры в тех районах, где она имеет основание ожидать, что встретит энергичное сопротивление, а нанесет удары по слабым районам, которые легко захватить*».[17]

За пять месяцев до нападения Японии на Перл-Харбор США начали против нее необъявленную экономическую войну, которая, учитывая положение Японии, неизбежно должна была привести к вооруженному конфликту. Американское руководство искало повода объявить ей войну. Однако «*если бы президент Рузвельт объявил войну Японии, американский народ мог бы истолковать его решение только как готовность таскать каштаны из огня для Британии, т. е. спасать Британскую империю. Но такая война, как бы тщательно ее ни маскировали, едва ли пользовалась бы популярностью у американского народа. Начав без объявления войну с Соединенными Штатами, Япония одним ударом разрешила все трудности, стоявшие перед Рузвельтом и обеспечила ему поддержку всех американцев*»[18].

Из шести основных участников Второй мировой войны США имели подавляющее экономическое превосходство над остальными (см. табл. 16), что обеспечивало им возможность вести сколь угодно длительную оборонительную войну в случае, если бы какая-либо из стран фашистской «оси» попыталась осуществить нападение на их континентальную территорию. Однако такой возможности не существовало даже гипотетически. Возможно, американцам в одиночку не удалось бы завоевать европейский континент, — но и Америку завоевать было невозможно. США вступили в 1941 г. в беспроигрышную войну.

[17] Цит. по: *Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. С. 344.

[18] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война. Смоленск: Русич, 2004. С. 161.

Раздел II

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Глава 1

Изменения военно-экономического потенциала СССР в условиях предвоенной мобилизации экономики и оккупации части советской территории

Экономический потенциал страны определяется уровнем возможностей общественного хозяйства удовлетворить материальные и социальные потребности общества теми институтами и структурами, которые были созданы государством в конкретно-исторических условиях для целей бесперебойного функционирования общественного воспроизводства. Эти возможности ограничены эффективностью государственного воздействия на социально-экономические процессы, количеством людских трудовых ресурсов и степенью их профессиональной подготовленности, уровнем развития промышленности и наличием сырьевой базы, развитием сельского хозяйства, транспорта и связи, материальными запасами и резервами, мобилизационными возможностями экономики, науки, техники и организационно-управленческими технологиями. В стоимостном выражении экономический потенциал чаще всего выражается в объеме национального богатства или совокупного общественного продукта; объеме, приросте, темпах и возможностях роста промышленного производства; в возможностях мобилизации и перераспределения денежных и других ресурсов в интересах задач, стоящих перед обществом и государством. Военно-экономический потенциал государства является составной частью экономического потенциала.

Военно-экономический потенциал — это возможности общества, экономики и государства по удовлетворению материальных потребностей вооруженной борьбы. В более узком смысле под военно-экономическим потенциалом зачастую понимается военная экономика, состоящая из оборонной промышленности и расходов на содержание армии. Мировые войны XX столетия, в которых участвовала

Россия (СССР), потребовали от государства и общества максимальной концентрации усилий в достижении целей обороны (войны), что привело отечественную экономическую мысль к расширительному толкованию военной экономики и практическому отождествлению данного понятия с военно-экономическим потенциалом.

Крылатое выражение: «Все для фронта, все для победы» стало не только лозунгом литературной публицистики военной поры, но и методологическим подходом к теоретическому исследованию отечественной военной экономики. Термин «военная экономика» имеет два значения. В первом данное понятие используется для обозначения экономики страны, находящейся в состоянии крупномасштабной войны. Второе значение используется для обозначения теории, исследующей военную экономику.[1]

В современной отечественной экономической литературе не существует четкого разделения военной экономики и военно-экономического потенциала. *«В структурном плане к военной экономике относятся военные (оборонные) отрасли промышленности; базовые отрасли народного хозяйства в той части, в которой они обеспечивают военные (оборонные) отрасли промышленности средствами производства, а трудовые ресурсы военных отраслей и личный состав вооруженных сил — предметами потребления; транспорт, связь, система материально-технического снабжения и финансового обеспечения, а также наука, здравоохранение, просвещение и культура — в части обслуживания производства военной продукции и функционирования вооруженных сил. Военная экономика существует в мирное и военное время. Она тесно связана с гражданской экономикой и базируется на экономическом потенциале страны и экономической мощи государства».*[2]

Вышеприведенное определение «военной экономики», процитированное нами из справочной литературы перестроечной поры, как мы видим, не ограничивается рамками «оборонки» и бюджетными расходами на содержание армии. Две мировые войны, в которых участвовала Россия, показали, что оборонная промышленность, нацеленная на достижение победы в войне, не может существовать без базовых для нее отраслей и, в частности, без наличия собственной строительной индустрии, позволяющей проектировать и создавать сложные технологические сооружения, которыми являются, в первую очередь, металлургические и химические комбинаты, энергетические комплексы, машиностроительные производства и собственно оборонные предприятия, выпускающие сложную воен-

[1] См.: Военно-энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986. С. 828.
[2] Там же. С. 829.

ную технику. Предприятия оборонного комплекса — это всего лишь «предприятия-сборщики», на которые работают тысячи «предприятий-поставщиков» гражданских отраслей экономики.

Прежде чем самостоятельно произвести конечный продукт, которым является боевая техника, в стране необходимо иметь в наличии, как минимум, семь исходных производств, к которым относятся: черная и цветная металлургия, электроэнергетика, машиностроение, топливная, химическая, легкая и пищевая промышленность. Данное деление базовых производств, необходимых для функционирования «оборонки», произведенное в отраслевом разрезе, не раскрывает полностью экономики военного производства как целостного механизма хозяйствования. Подчеркнем лишь некоторые его приоритеты.

Военная техника производится из металла. Металл должен быть отечественного производства, поскольку история не знает случаев, чтобы производство собственной военной техники долгое время базировалось на импортном металле. XX век был веком электричества и передал это наследие веку XXI. Электроэнергией приводятся в движение механизмы и машины всего производственного цикла, начиная от горнорудных карьеров и угольных шахт и заканчивая конвейерами сборочных производств.

Производство электроэнергии определяется, в свою очередь, уровнем развития машиностроительного комплекса. Конвейер, где собираются боеприпасы и боевые машины, сам изготовляется машинами. Машины — это прежде всего станки для изготовления машин, но первичные «умные» станки невозможно создать в условиях малого бизнеса и кустарного производства. Машиностроение — одна из самых сложных и разветвленных отраслей народного хозяйства с высокой степенью специализации, кооперации, стандартизации и концентрации производств. Она не может успешно развиваться без единой государственной научно-технической политики, определяющей приоритеты в ее рамках (в ее динамике).

Вторая мировая война была своего рода «войной моторов». Как промышленное производство невозможно в современных условиях без электроэнергии, так невозможно привести в движение современную боевую технику без топлива, где главную роль играют нефтепродукты. Баланс энергоресурсов страны определяется наличием нефти, угля и газа. Существуют технологии по производству синтетического топлива, но их реализация на практике пока что невозможна без добычи в стране природного сырья вышеуказанной «триады».

Изготовление взрывчатых веществ основано, как известно, на

химическом производстве. Страна, не производящая азотную и серную кислоту, хлор, аммиак и соду в миллионах тонн в год, не может самостоятельно производить боеприпасы, а это значит, что время ее участия в боевых действиях ограничено количеством заранее накопленных выстрелов. Химическая промышленность развивается как сопутствующее производство черной металлургии, угольной, нефтяной, газовой отраслей и собственно органической и неорганической химии. Бронестекло и пластмассы — продукты химического производства. Они получили в годы Второй мировой войны широкое распространение, и их роль в военном производстве все более и более увеличивается.

Вещевое довольствие военнослужащих обеспечивает легкая промышленность. Продовольственное — сельское хозяйство и пищевая промышленность. Сельское хозяйство является основным поставщиком сырья для химической, легкой и пищевой промышленности. В соответствии с представленными выше приоритетами и определениями, рассмотрим изменения в военно-экономическом потенциале СССР в предвоенные годы, а также на первом этапе Великой Отечественной войны, когда противнику удалось в течение года оккупировать значительную часть экономически эффективной территории нашей страны.

СССР унаследовал от дореволюционной экономики ее территориальную структуру. В конце XIX — начале XX столетия в России существовали четыре четко выраженных промышленных района: Северо-западный, с центром в Петрограде (Ленинграде), Центральный — с центром в Москве, Южный — с центрами в Донецке и Запорожье, Уральский — с центрами в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге (Свердловске). Вокруг данных районов сформировалась соответствующая инфраструктура с высокоразвитым сельским хозяйством, ориентированным на выращивание технических культур и мясо-молочным животноводством, густая транспортная сеть, высокая плотность индустриального населения.

Значительную роль в металлургическом производстве СССР играл Криворожский железорудный бассейн. К 1937 г. помимо старых реконструированных шахт было введено в строй семь новых шахт, 45 доменных печей, 13 из которых были построены в годы первых пятилеток. Были запущены в строй старые металлургические заводы в Донбассе и Приднепровье и построены три крупных современных металлургических комбината — «Запорожсталь», «Азовсталь» и Криворожский металлургический комбинат.

Данные производства снабжались дешевой электроэнергией Днепрогэса, которая, наряду с Зуевской ГРЭС, Штеровской ГРЭС,

Дзержинской ГРЭС была включена в единую Донецко-Днепровскую энергетическую систему, не имеющую себе равных в Европе. Руда, уголь, электроэнергия, чугун, сталь, прокат, — все это добывалось и производилось в довольно компактном по территории районе, что существенно сокращало себестоимость производимой продукции и расходы по ее транспортировке.

На основе металла, производимого в Криворожском бассейне, в Южном промышленном районе был создан целый ряд крупных заводов машиностроения. Среди них Харьковский тракторный завод, Краматорский завод тяжелого машиностроения, Горловский завод врубовых машин, Луганский паровозостроительный завод, заводы по производству станков для машиностроительных отраслей, заводы по производству инструментальной стали и метизов, реконструированы заводы по производству сельскохозяйственных машин и освоено новое производство зерноуборочных комбайнов.

На криворожской руде работало четыре металлургических завода Центрального района: Новотульский, Косогорский, Новолипецкий и Свободный Сокол, которые обеспечивались местной и привозной рудой только на две трети (табл. 17).

Таблица 17. **Потребление металлических руд металлургическими комбинатами Центрального промышленного района (1938 г., тыс. т)**

Завод	Потребление криворожской руды	Потребление местной и привозной руды	Общее потребление металлических руд
Новотульский	249,8	480,5	730,3
Новолипецкий	368,0	717,0	1085,0
Косогорский	48,1	335,7	383,8
«Свободный Сокол»	1,0	229,8	230,8
Всего	666,9	1751,2	2418,1

Источник: *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е годы XX века) М.: ИЭ РАН, 1994. С. 671.

Таблица 17 показывает, что, несмотря на рост добычи железных руд в Тульском и Липецком бассейнах Центрального района, доля криворожской руды в металлургическом производстве Центра составляла 38%. С 1928 по 1937 г. процент криворожской руды, используемой в металлургии СССР упал с 76,6% до 59,2%. Однако снижение в конце 30-х годов происходило на фоне общего роста доменного производства, возросшего в 3,7 раза по отношению к периоду конца 20-х годов. Порайонная добыча руд в СССР с конца 20-х годов и к моменту начала войны и оккупации части территории СССР распределялась следующим образом (табл. 18).

Таблица 18. **Рост добычи железных руд в СССР, тыс. т**

Районы	Годы по пятилеткам		
	1928	1932	1937
Районы, полностью или частично оккупированные в 1941–1942 гг.			
Южный промышленный район	4722,1	8441,3	17 185,2
Центральный промышленный район	296,8	502,2	1387,4
Районы и области, снабжавшие рудой и металлом оборонную промышленность в годы Великой Отечественной войны			
Челябинская обл.	1094,4	3054,6	7152,0
Свердловская обл.	1092,1	3521,4	1247,0
Новосибирская обл.	—	54,7	509,4
Чкаловская обл.	1231,3	3261,4	85,6
Башкирия	1114,2	3054,6	176,4

Источник: *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е годы XX века). М.: ИЭ РАН. 1994. С. 683.

Согласно вышеприведенным данным, доля добычи руды на «старом» Урале и в новых сибирских месторождениях интенсивно росла до 1932 г. К 1937 г. доля Урала резко снизилась, что объяснялось возросшими трудностями по перевозке руды и ее переработке. Сибирские и уральские руды были бедны железом, а их переработка осложнялась наличием пылеватой руды. «*Наличие такого большого количества пылеватой руды предъявляет новые и более сложные требования к подготовке руды для плавки и к самому ведению технологического процесса*».[3] Гигантские стройки первой и второй пятилеток требовали все более и более качественного металла, а это не способствовало опережающему росту Уральской металлургии по сравнению с Донецкой.

Однако несмотря на удорожание производства металла на Востоке по сравнению с Южным бассейном, советское правительство приняло меры к созданию мощной металлургической базы на «старом» Урале. Данные действия диктовались не коммерческими соображениями, а стремлением создать военно-промышленный район, недоступный для дальней бомбардировочной авиации противника и его диверсионным группам. Противодействие будущей экономической войне сопровождалось полным автономным обеспечением данного района углем, рудой, электроэнергией, чугуном, сталью, прокатом, агломератами, марганцем, металлодобавками и ферросплавами для изготовления броневого металла, орудийной стали и необходимых компонентов для военной техники.

На Востоке было построено два новых металлургических гиганта — Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбина-

[3] Там же. С. 671.

ты, которые выплавляли и перерабатывали стали больше, чем весь «старый» Урал в составе Надеждинского, Нижнесалдинского, Нижнетагильского, Саткинского, Нижнесергинского, Ашинского, Алапаевского и Чусовского заводов.

Особенно большое внимание уделялось с конца 30-х годов строительству новых промышленных объектов, имеющих оборонное значение в районах Урала, Сибири и Дальнего Востока. На Дальнем Востоке была создана новая промышленная база для собственного, местного судостроения, производства моторов и других комплектующих частей для авиационной техники. Проводились изыскательные работы по поиску залежей угля и нефти, алюминиевого сырья, марганцевых руд. Для военного машиностроения в первую очередь требовались металлургическое, электротехническое и химическое производства. В конце 30-х годов был сдан в эксплуатацию металлургический комбинат в Комсомольске-на-Амуре. Этот город был построен практически на новом месте. На базе металлургического комбината в Комсомольске-на-Амуре был создан один из крупнейших в Союзе завод морского судостроения. На нем строились броненатера для Амурской флотилии, подводные лодки, тральщики и сторожевые корабли для Тихоокеанского флота. В Благовещенске и Хабаровске заработали заводы речного судостроения. Старый судостроительный завод во Владивостоке был практически перестроен заново под строительство кораблей морского и океанского класса. В годы войны в Комсомольск-на-Амуре был эвакуирован авиационный завод истребительной авиации. Там строились знаменитые «Яки» и «Лавочкины». Уже к середине 1939 г. в районах, отдаленных от западных границ, центральных и южных промышленных областях была создана вторая промышленная база СССР. За короткое время в эксплуатацию было сдано более 180 новых объектов. По видам отраслей производства, имеющих оборонное значение, они распределились следующим образом (см. табл. 19).

Такие масштабы строительства были бы невозможными в условиях рыночной экономики, поскольку объекты создавались за счет средств бюджета государства, не преследующего целей коммерческой выгоды. Он аккумулировал в себе средства путем планово-директивного ценообразования, государственной кредитно-банковской системы и планово-централизованной инвестиционной политики. Частным фирмам было бы не под силу построить такого рода дорогостоящие объекты за счет собственных средств. Зарубежные инвестиции, в преддверии Второй мировой войны, были дефицитны, политизированы и естественно, что СССР никогда бы их не получил.

Таблица 19. **Размещение и количество новых объектов оборонного значения, построенных в СССР к середине 1939 г.**

Отрасли	Урал	Сибирь	Дальний Восток	Казахстан и Средняя Азия	Поволжье	Другие районы Востока	Всего
Черная металлургия	7	4	1	—	2	4	18
Цветная металлургия	2	2	—	7	—	5	16
Гидроэлектростанции	1	—	1	5	1	12	20
Тепловые электростанции	1	4	4	8	10	10	37
Машиностроение	6	18	6	6	8	13	57
Нефтепереработка	6	2	1	3	1	—	13
Химическая промышленность	3	5	—	4	1	8	21
Всего	26	35	13	33	23	52	182

Источник: История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5. М.: Наука. С. 29.

В связи с ростом военной опасности с 1937 г. Советское правительство стало уделять исключительное внимание росту ***государственных резервов***. В плане третьей пятилетки ставилась задача увеличить долю отчисления резервов в народном доходе страны с 1,9% в 1937 г. до 6,3% в 1942 г. Государственные резервы создавались по топливу, электроэнергии, оборонным производствам и транспорту. «*Важнейшее значение имеет обеспечение правильного размещения этих резервов по соответствующим районам страны, устранив непроизводительные и дальние перевозки и обеспечив на месте основные экономические очаги страны максимальным количеством ресурсов*»[4].

Скорректированы были в 1937–1940 гг. и планы строительства новых промышленных объектов и реконструкции старых. Создание новых крупных производственных баз страны ускоренными темпами шло в районе «Второго Баку», между Волгой и Уралом, где строились новые нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие комплексы. На Дальнем Востоке, как уже было сказано, создавалась новая угольная, металлургическая и машиностроительная база. Была поставлена задача построить новые или перепрофилировать имеющиеся предприятия таким образом, чтобы по всей стране

[4] Развитие советской экономики / Под ред. А. А. Арутюняна и Л. Б. Маркуса. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1940. С. 639.

существовали *предприятия-дублеры* по машиностроению, нефтепереработке и химии. Они должны были работать в первую очередь на основе местных или же недалеко расположенных сырьевых баз. С 1939 г. было запрещено новое строительство в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Горьком и Свердловске. Местное производство, добыча топлива, производство цемента, алебастра, химических удобрений, стекла, массовое производство легкой и пищевой промышленности планировалось увеличить до размеров, удовлетворяющих потребности каждого из основных экономических районов страны.

В каждой республике, крае и области должен был производиться в достаточном количестве ряд продуктов питания и промышленных изделий народного потребления, как то: картофель, овощи, молочные и мясные продукты, мука, кондитерские изделия, галантерея, бакалея, изделия швейной промышленности, мебель, кирпич, известь и т. д. Большое внимание, которое уделялось развитию местного производства, возможно, не увеличивало рентабельность советской экономики в условиях развитой крупной промышленности и довольно развитых товарно-денежных отношений. Оно преследовало другую цель — максимально сократить транспортные перевозки на большие расстояния. На военном языке это называется «рассредоточение сил и техники в условиях ожидаемого нанесения удара авиацией противника», поскольку в условиях активных действий дальней бомбардировочной авиации наиболее уязвимы именно транспортные артерии, железнодорожные узлы, склады и пакгаузы, где сосредоточиваются большие объемы перевозимых грузов, которые легко можно уничтожить одним налетом нескольких бомбардировщиков.

В данной связи к 1939 г. была поставлена задача: создать вокруг всех крупных городов, и в первую очередь, вокруг Москвы, Ленинграда, Баку, Харькова, Киева картофельно-овощные и животноводческие базы, которые могли бы полностью удовлетворить население этих городов овощами, картофелем, а также в значительной мере молоком и мясом. Временно разрешалось использовать в этих целях земельные площади садово-паркового хозяйства городов.[5] В годы войны предвидение ситуации советским руководством и своевременно разработанные нормативные документы, реконструированная производственная база хранения и переработки продуктов местного производства, спасло жизни миллионам советских граждан в условиях, когда все резервы и запасы городского и

[5] Развитие советской экономики / Под ред. А. А. Арутюняна и Л. Б. Маркуса. С. 643.

областного значения были мобилизованы на нужды армии и флота.

В марте 1940 г. пленум ЦК ВКП(б) изменил порядок исчисления обязательных поставок сельскохозяйственной продукции колхозами. Согласно ранее существовавшему порядку обязательные поставки государству зерна, риса, подсолнечника и картофеля начислялись колхозам ***по посевной площади***, а поставки мяса, шерсти и молока — ***по наличному поголовью скота***. Новая система вводила обязательные поставки ***по закрепленной*** за колхозами земле. Это означало, прежде всего, повышение норм обязательных поставок, поскольку они теперь начислялись в том числе и на землю, отведенную под огороды и дворовые постройки колхозников, землю, не находящуюся в сельскохозяйственном обороте (болота, овраги, песчаники, кустарниковые заросли и т. д.), целинные и залежные земли. Расширялся также ассортимент обязательных поставок.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР, принятом на основе решений мартовского (1940 г.) пленума ЦК ВКП(б) говорилось: *«начиная с урожая 1940 года, колхозы привлекаются к обязательным поставкам государству зерна, риса, картофеля, овощей (капуста, столовая свекла, морковь, лук, огурцы и помидоры), семян масличных культур (подсолнух, лен-кудряш, клещевина, соя, горчица, рапс, кунжут) и семян трав (люцерна, клевер, тимофеевка, житняк, эспарцет и вика) — с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозами.*

В размер пашни, по которой исчисляются поставки перечисленных выше культур, включаются огороды, а также новые земли, подлежащие по государственному плану освоению. Из пашни, по которой исчисляются поставки по перечисленным выше культурам, исключаются площади, занятые под посевом хлопка, сахарной свеклы, льна, конопли, цикория, табака, махорки, эфиро-масляничных, новолубяных и лекарственных культур, кользы, сафлора, кориандра, аниса, мака, рыжика, арахиса, ляллеманции, периллы, каучуконосов, тутовых, фруктовых, ягодных, виноградных насаждений и субтропических культур, продукция с которых сдается государству в действующем ныне порядке».[6]

Погектарный принцип обязательных поставок государству был введен не только по земледельческим культурам, но и по продуктам животноводства, пчеловодства, птицеводства, коневодства и т. д. Каждый колхоз должен был выполнить так называемый мини-

[6] «Об изменениях в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» // Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Правда, 7 апреля 1940 года.

мум обобществления скота. Если за два предвоенных года — 1937-й и 1938-й — колхозами было создано 15 тыс. новых животноводческих ферм, то за один 1940 г. — 194,5 тыс. С 1941 г. вводится для нужд обороны обязательная поставка лошадей высокого качества, по нормам, установленным в соответствии с обязательным минимумом конского поголовья. Ранее существовавший гарнцевый сбор (поставка молодых лошадей в армию от единоличных хозяйств, имеющих гужевой транспорт или выездных лошадей), был отменен.

Погектарный принцип поставок был распространен на сено, брынзу, яйца, сырые и выделанные кожи и ряд других сырьевых продуктов, которые ранее закупались на основе контрактации, заборных книжек (членства в потребительской кооперации) и децентрализованными заготовителями. Основная масса дополнительной сельскохозяйственной продукции, полученной за счет повышения нормативных поставок колхозами, направлялась в государственный резерв, распределялась в соответствии с планами подготовки страны к отражению агрессии.

В обстановке возрастающей угрозы войны правительство вынуждено было пойти на сокращение ресурсов, выделяемых на мирное строительство, чтобы полнее обеспечить снабжение армии. В 1940 г. МТС и совхозы получили сельскохозяйственной техники в три раза меньше, чем ежегодно производилось в 1934–1939 гг. Многие гражданские предприятия перепрофилировались под выпуск военной продукции. Резко сократились поступления в торговую сеть радиоприемников, фотоаппаратов, швейных машин, велосипедов, наручных часов. Ряд автомобильных заводов стали производить моторы для самолетов. Значительно сократилось поступление автомобильного транспорта для нужд народного хозяйства. Существующие автомобили подлежали учету и мобилизации на нужды обороны в случае войны.

Конвейеры тракторных заводов перепрофилировались на производство танков. На стапелях судостроительных заводов ранее заложенные грузовые суда переоборудовались под военные транспорты и минные заградители.

Ранее, в годы мирного строительства, при проведении новой экономической политики, значительно снизилась роль Совета труда и обороны, который после В. И. Ленина возглавлял А. Н. Рыков. В декабре 1930 г. он был освобожден от обязанностей председателя СНК и СТО. С 1930 по 1941 г. председателем СНК являлся В. М. Молотов. Однако из его ведения были выделены наркомы так называемого «силового блока». Большую самостоятельную роль иг-

рал Наркомтяжпром, возглавляемый С. Орджоникидзе. Реформы, проведенные в 1929–1933 гг., коренным образом изменили структуру управления промышленностью в стране.

ВСНХ был преобразован в наркомат тяжелой промышленности и управлялся не коллегиальными методами, как ранее, а методами единоначалия. В 1936 г. из ведения Наркомата тяжелой промышленности был выведен Наркомат оборонной промышленности. Перестройка наркоматов затронула НКПС, который также был выведен из подчинения СНК и управлялся методами единоначалия, а не коллегиально-совещательным способом. В условиях изменения структуры подчиненности СТО перестал выполнять контрольно-распорядительные функции, поскольку его построение более не соответствовало системе, при которой существовал Высший Совет Народного хозяйства. Созданный взамен ВСНХ Экономсовет при СНК СССР имел чисто совещательные функции и не мог оказывать существенного влияния на проведение экономической и оборонной политики.

В апреле 1937 г. СТО был упразднен и вместо него был создан Комитет Обороны при СНК. Вместо Экономсовета были созданы советы по оборонной промышленности, по металлургии, по топливу, по машиностроению и т. д. Председатели данных советов в ранге заместителей наркомов входили в военно-промышленную комиссию, которая являлась хозяйственным органом Комитета Обороны, куда, кроме вышеназванных должностных лиц, входили наркомы «силового блока». В необходимых случаях заседания Комитета Обороны посещал И. В. Сталин.

В задачу военно-промышленной комиссии входило обеспечение планов и заданий Комитета Обороны по производству и поставкам вооружения армии и флоту. Конкретное обсуждение поставок вооружения, боеприпасов, а также проблем авиации, судостроения, танкостроения и т. д., способствовало укреплению специализации и кооперации производства. В 1937 г. машиностроение и смежные с ним отрасли были выделены из Наркомтяжпрома в Наркоммаш (Народный Комиссариат машиностроения). В начале 1939 г. Наркомат тяжелой промышленности был разделен на шесть наркоматов: черной металлургии, цветной металлургии, угольной промышленности, нефтяной промышленности, электростанций и электропромышленности, промышленности стройматериалов и химической промышленности.

Некоторое время спустя Наркомат машиностроения был разделен на три наркомата — тяжелого, среднего и общего машиностроения. Наркомат оборонной промышленности — на четыре наркома-

та: авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения, судостроительной промышленности. «Дробление» наркоматов, несомненно, увеличивало административно-бюрократический аппарат. Зачастую в введении того или иного наркома находилось всего лишь три-четыре крупных завода. Однако в условиях, когда заводам была поставлена задача спроектировать и создать новую военную технику, а не модернизировать или усовершенствовать старую, подобного рода задачи без прямого финансирования Центра и одобрения верховным главнокомандованием тех или иных образцов новой техники и вооружения решались бы гораздо сложнее. В крупные наркоматы входили слишком разные подразделения, согласований и различного рода комиссий было гораздо больше, не было уверенности также и в том, что члены комиссий крупного наркомата способны вникнуть в детали и мелочи, которые оказываются жизненно важными в условиях боевых действий.

Сказанное вовсе не означает, что меры по разукрупнению наркоматов имеют универсальный характер, годный на все случаи жизни. Речь идет о конкретно-исторических условиях подготовки страны к обороне, когда у нее на вооружении оказалась техника, уступающая военной мощи вероятного противника по своим тактико-техническим характеристикам. Разукрупнение наркоматов привело к обновлению руководства — к управлению ими пришли руководители заводов и производств, знающие свое дело не по учебникам и инструкциям, а по работе в заводских КБ и производственных цехах.

Специалисты, пришедшие к руководству «мини-наркоматами» в 1938–1940 гг., вошли в историю как люди, создавшие военную экономику в годы войны из того, что осталось после оккупации трех промышленных районов из четырех, имевшихся в наличии. Военная экономика СССР превзошла в годы войны экономику «единого европейского военного хозяйства», чего Советскому Союзу не удалось достичь в предвоенные годы в масштабах всей территории страны — полной, а не частично оккупированной фашистами в 1941–1944 гг.

В первый год войны, как известно, было выведено из строя три экономических района из четырех: Северо-западный, Центральный и Южный. Кольцом блокады был окружен осенью 1941 г. Ленинград — главный машиностроительный центр Северо-Запада. Вслед за ним был частично оккупирован Центральный промышленный район. Он лишился поставок металлургических предприятий, работающих на сырье из различных месторождений Курской магнитной аномалии (Железногорский рудник и Липецкий металлургиче-

ский комбинат). Оборонные и промышленные предприятия Центра были в основном эвакуированы на восток. Главная железорудная база южной металлургии — Кривой Рог и Донецкий угольный бассейн (основная топливная база СССР) были оккупированы весной летом 1942 г. За период с июля 1941 г. по июль 1942 г. прекратили работу 61 доменная и 225 мартеновских печей, 174 прокатных стана, 131 коксовая батарея. Основная нагрузка по экономическому обеспечению военного производства металлом легла на Уральский промышленный район, который, как известно, считался в дореволюционной России менее перспективным, чем Южный (табл. 20):

Таблица 20. **Производство чугуна, стали и проката в основных промышленных центрах СССР в 1940–1945 гг. (тыс. т)**

Регион	Центр		Северо-Запад		Юг		Урал		Всего	
	1940	1945	1940	1945	1940	1945	1940	1945	1940	1945
Чугун	1010	476	—	—	9642	1647	4250	6680	14 902	8803
Сталь	1485	1129	588	168	11079	2143	5165	8812	18 317	12 252
Прокат	944	673	516	104	7445	1345	4208	6363	13113	8485

Источники: Промышленность СССР. М., 1957. С. 112–114; *Лившиц Р. С.* Очерки по размещению промышленности СССР. Госполитиздат, 1954. С. 118.

Как видно из представленных в таблице 20 данных, Урал производил перед началом войны 28,5% чугуна, 28,2% стали, 32% проката. Ко времени окончания войны эти показатели выросли соответственно до 75,8%; 71,9%; 74,9%. Однако, с учетом восстановления промышленных предприятий, расположенных на освобожденных от оккупации территориях, уровень производства металла, существующий к началу войны, не был восстановлен. В конце войны производство чугуна, стали и проката составляло соответственно 59% 66,8% и 64,7% по отношению к 1940 г. Страна не смогла за счет одного уральского промышленного района выйти на довоенный уровень производства металла.

Данное обстоятельство, хотя и не относится к числу новых фактов в оценке экономических потенциалов Германии и СССР, не является до настоящей поры дискуссионной темой. СССР перед войной, а в особенности в период войны, «заметно уступал Германии по своему экономическому потенциалу».[7] Хотя на Западе не опубликовано ни одного монографического исследования, специально рассматривающего проблему соотношения экономических потенциалов воевавших сторон, в исторической литературе, посвященной

[7] *Дроздов В. В.* Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 12.

экономическому развитию СССР, обращается внимание, что в хо-
де перестройки советской экономики на военный лад были достиг-
нуты поразительные результаты. *«Перевес в производстве воору-*
жений выглядит еще более удивительным, — отмечал, например,
итальянский историк Дж. Боффа, — *если вспомнить, что он был*
достигнут Советским Союзом при относительно меньшем про-
мышленном потенциале».[8]

Внимание обращается также и на то, что по производству
вооружений на каждый миллион тонн стали, на каждый мил-
лиард киловатт-часов электроэнергии, на каждую тысячу стан-
ков *«советские показатели во много раз превосходят аналогич-*
ные цифры в других странах».[9] Как считает Дж. Боффа, СССР
смог обеспечить высокую эффективность военной экономики за
счет концентрации промышленных ресурсов на узком направле-
нии: *«за счет такой степени концентрации всех своих ресурсов*
для нужд военного производства, какой не знала ни одна из воюю-
щих сторон. Никакое другое государство не достигло в годы Вто-
рой мировой войны столь высокой степени милитаризации эконо-
мики».[10]

Перевод экономики на военные рельсы произошел не только
в СССР. Все воюющие страны резко сократили производство то-
варов широкого потребления, задействовав освободившиеся произ-
водственные мощности для производства вооружений. Но из всех
воюющих сторон только СССР испытал на себе в начальный во-
енный период полномасштабное воздействие экономической войны,
развернутой противником:

а) оккупацию промышленных районов;

б) бомбардировку промышленных объектов, не подвергшихся оккупации;

в) уничтожение военно-экономических резервов и запасов, на-
копленных в прифронтовой полосе, на аэродромах и в военно-мор-
ских базах (резервы I и II эшелона обороны);

г) вывод из строя крупных железнодорожных узлов, мостов и
транспортного полотна в местах интенсивного перемещения воен-
ных и промышленных грузов;

д) вывод из строя средств связи и массовых коммуникаций в
целях дезинформации и порождения паники в тылу и на прифрон-
товых территориях и другие мероприятия, получившие в мемуа-

[8] *Боффа Дж.* История Советского Союза: В 2 т. Т. 2./ Пер. с итал. М., 1994.
С 120.

[9] Там же. С. 122.

[10] Там же. С. 123.

рах немецких генштабистов название «экономический блицкриг».[11]

В первые месяцы войны Вооруженные Силы СССР потеряли не только большое количество танков, самолетов и артиллерии, но и практически все стратегические и оперативные резервы, сосредоточенные в 300-километровой полосе, прилегающей к предполагаемым затяжным боевым действиям. Практически с первых дней войны Ставке Верховного Главнокомандования пришлось ввести в действие неприкосновенные государственные запасы. Несмотря на их непрерывное пополнение, к 1943 г. не удалось довести их до того уровня, которым СССР располагал к началу войны (табл. 21).

Таблица 21. **Расход государственных резервов и стратегических запасов, созданных в СССР к началу войны**

Наименование резервов	На 1 июня 1941 г.	На 1 июня 1943 г.
Черные металлы (тыс. т)	914	145
Цветные металлы (тыс. т)	119	121,5
Ферросплавы и концентраты (тыс. т)	69,2	14,7
Нефтепродукты (тыс. т)	3721	858
Уголь (тыс. т)	9143	3891
Авторезина (тыс. комплектов)	232	307,5
Каучук (тыс. т)	1,5	19,0

Источник: *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 117.

Стратегия «блицкрига» фашистского командования строилась на массированном применении бомбардировочной авиации, прорыве танковых «клиньев» и окружении советских войск в местах их сосредоточения, в обход оборонительных рубежей и укрепленных районов (УРов). Промышленные объекты не подвергались на начальном этапе войны таким же интенсивным бомбардировкам, как крупные железнодорожные узлы, транспортные коммуникации, мосты и разъезды. Заводы и фабрики зачастую эвакуировались на восток, когда уже справа и слева от них шли оборонительные бои.

В эвакуации участвовали все виды транспорта: железнодорожный, речной, морской, автомобильный. Однако основные эвакоперевозки осуществлялись по железным дорогам, которым пришлось ежесуточно пропускать до 200 поездов с эвакуированным оборудованием, рабочими, специалистами и их семьями. В июле 1941 г. под эвакуированными грузами было занято более 300 тыс. вагонов, т. е. половина вагонного парка страны, в августе — 185 тыс., в сентябре — 140 тыс., в октябре — 175 тыс.

[11] *Рендулич Л.* Управление войсками / Пер. с нем. М.: Воениздат, 1957. С. 42.

С огромным напряжением работали железные дороги в важнейших промышленных районах, которые обслуживали Приднепровская, Октябрьская, Московско-Киевская, Московско-Рязанская дороги. Только одна Приднепровская железная дорога вывезла в тыл 100 тыс. вагонов промышленного оборудования. Во второй половине 1941 г. объем работы Московского железнодорожного узла увеличился по сравнению с довоенным уровнем в пять раз. За две недели октября 1941 г. через этот узел было пропущено 200 эвакопоездов, которые вывезли оборудование 498 предприятий и 210 тыс. приписанных к ним рабочих и специалистов. В эвакуации предприятий Москвы и Московской области было задействовано 70 тыс. вагонов. С 29 июня по 29 августа 1941 г. по Октябрьской дороге из Ленинграда было вывезено в тыл 60 тыс. вагонов с оборудованием и ценными грузами. До того, как немецкие войска замкнули кольцо блокады, из Ленинграда успели вывезти на восток 133 крупных промышленных предприятия.[12]

Перебазирование заводов и фабрик за несколько тысяч километров от места их постройки и промышленного функционирования не было произведено в годы Второй мировой войны ни одним из воюющих государств. Во-первых, такое масштабное мероприятие невозможно осуществить в условиях частной собственности на промышленные и оборонные объекты. В годы первой мировой войны верховные власти России пытались провести эвакуацию части промышленности из Польши, Прибалтики, Киевской губернии и Бессарабии. Особое совещание по обороне направляло своих представителей, наделенных соответствующими чрезвычайными полномочиями, выделяло из бюджета средства на демонтаж и вывоз оборудования, имеющего оборонное значение. Командующие фронтами выделяли рабочие команды и вооруженные отряды для обеспечения эвакуации. Однако собственники заводов и фабрик всячески саботировали приказы и распоряжения верховной власти и военного командования, рассматривая эвакуационные мероприятия как нарушение их прав собственности и произвол власти. В конечном итоге великий князь Николай Николаевич был освобожден от верховного главнокомандования по требованию союзников России по «сердечному согласию», поскольку проводимые им меры противоречили представлениям «цивилизованного» мира о правилах войны, правах собственности и правах капиталиста.

Капиталист не является бестелесным существом, порхающим лишь в мире прибыли и товарно-денежного обращения. Он име-

[12]Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1970. С. 323.

ет национальность и свои представления об отечестве. Польские, прибалтийские, бессарабские и еврейские предприниматели вовсе не желали отправляться на Урал или же в Сибирь вместе со своими предприятиями. Они стремились оставаться в зоне немецкой оккупации и тем самым, не трогаясь с места, оказаться в «цивилизованной» Европе. Николай Николаевич, активно занимавшийся эвакуацией собственности «российских подданных», заслужил ярлык «антисемита» и был отправлен командовать Закавказским фронтом — благо наступающие турки, в отличие от немцев, не являлись европейцами и не могли оккупацией Закавказья «цивилизовать» армян, грузин и азербайджанцев.

Во-вторых, сами железные дороги, паровозы и подвижной состав в дореволюционной России являлись объектами частной собственности. Их реквизиция, арест, мобилизация и национализация не решали проблемы перевозок, поскольку малая пропускная способность одноколейных железных дорог осложнялась отсутствием соответствующей отлаженной организации среди диспетчерского состава, не существовало планирования перевозок с учетом разъездов и запасных путей на железнодорожных станциях. Именно саботаж железнодорожного чиновничества, выполняющего требования своих хозяев или какой-либо политической организации, привел к тому, что царь Николай II не смог добраться в Петроград из ставки верховного главнокомандования в Могилеве по железной дороге и был арестован в Пскове железнодорожной охраной, выполняющей приказы еще не легитимного на тот момент Временного правительства. Данный пример иллюстрирует дисциплину, существовавшую на железных дорогах России, имевших смешанно-акционерную форму собственности. Нет ничего удивительного в том, что Министерство путей сообщения не справлялось даже с теми железнодорожными перевозками, которые дороги могли бы осуществить по своей технической и материальной оснащенности.

Антисоветская критика подвергла сомнению необходимость установления на железных дорогах СССР полувоенной организации в мирное предвоенное время. Однако без данной организации, которая была отлажена заранее, вряд ли могла быть осуществлена грандиозная по своим масштабам переброска советской промышленности на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, поскольку существовало встречное, не менее интенсивное движение из-за переброски войск, техники, боеприпасов и вооружения в западном направлении, одновременно формировалась линия фронта, и войска перебрасывались как с севера на юг, так и с юга на север. Все выше-

описанные мероприятия осуществлялись в условиях непрерывных бомбежек вражеской авиации, а данный фактор, осложняющий деятельность железнодорожников, как известно, отсутствовал в годы первой мировой войны.

Масштабы эвакуации, погрузки, разгрузки, демонтажа и установки оборудования заводов и фабрик на новом месте невозможно выразить сухими показателями статистики. Именно поэтому они достаточно поверхностно истолковываются людьми, чье воображение способно воспринимать лишь голливудские картинки подвигов героев-одиночек. За перебазированием советской военной экономики на Восток стоит отлаженная организация и четкое взаимодействие тысяч и сотен тысяч людей, учреждений, организаций, действующих по планам, в деталях продуманным в центральных управленческих органах — в ГКО, в Госплане, в Оперативном бюро ГКО, в Комитете по эвакуации и Комитете по распределению рабочей силы. Уполномоченные ГКО встречали на местах не паникующую толпу, которую надо было приводить в чувство митингами и размахиванием маузера над головой, а плановую работу учреждений и организаций, каждой из которых было известно, что и как размещать, где брать технику и людей, куда вывозить демонтированное оборудование и что с ним делать на новом месте. Советская система экономической организации общества продемонстрировала в годы Великой Отечественной войны такую высокую эффективность, мобильность и трудоотдачу, которой никогда не было в истории России.

Загрузка эвакуированным оборудованием железных дорог была настолько велика, что поезда зачастую двигались непрерывным потоком. Случалось, что они находились друг от друга на расстоянии тормозного пути[13]. В течение второго полугодия 1941 г. было эвакуировано промышленное оборудование 2593 предприятий, а также сырье, топливо, ресурсы сельского хозяйства, материальные и культурные ценности, на что потребовалось в общей сложности свыше 30 тыс. поездов, 1,5 млн вагонов. Из прифронтовой полосы организованным порядком было вывезено более 10 млн рабочих, специалистов и членов их семей.

По неполным данным НКПС, с начала эвакуации по 20 ноября 1941 г. в тыл было вывезено оборудования для авиационной промышленности суммарным весом 1540 тыс. т, для заводов по производству боеприпасов — 800 тыс. т, для Наркомата вооружений — 751 тыс. т, для Наркомата танковой промышленности — 616 тыс. т,

[13] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1985. С. 375.

для Наркомата тяжелой промышленности — 604 тыс. т, для Наркомата горной металлургии — 882 тыс. т.[14] Оборудование, которое не подлежало эвакуации (например, доменные печи, крупногабаритные портовые и другие сооружения) приводились в состояние, исключающее их эксплуатацию противником. С доменных печей, например, снимались обшивочные листы и механизмы, без которых становился невозможным их запуск.

Как известно, Германия не рассчитывала победить антифашистски настроенный мир только за счет собственных военно-экономических ресурсов и ресурсов союзных ей государств Европы. Планы эскалации военных действий были напрямую связаны с военно-экономическими планами по усилению военного и экономического потенциала Германии за счет оккупированных территорий и вовлечения в экономический оборот их ресурсов. Существовали специальные экономические органы, которые вели баланс «расхода» и «прихода» ресурсов, израсходованных в ходе боевых действий и приобретенных в ходе оккупации. Если «приход» превышал «расход», то чем больше воевала Германия, тем мощнее становился ее военно-экономический потенциал. В ходе западной кампании, проведенной Германией в 1939–1941 гг., данные военно-экономические расчеты полностью оправдались. К началу войны с Советским Союзом Германия превратилась в самую мощную в военном и экономическом отношении страну мира. В 1939 г. она не имела такого уровня военно-экономического потенциала. В результате удачной военной кампании на Западе значительно возросли государственные стратегические резервы и запасы Германии (табл. 22).

Генерал-майор Мюллер-Гиллебранд, с 1928 по 1945 г. служивший на военно-экономических должностях в штабе Рейхсвера и Вермахта, отмечал: «*Количество полученного в 1940 году сырья из оккупированных западных областей, в частности цветных металлов и топлива, было большим относительно возможностей самой Германии; благодаря чему во многих отраслях военной экономики положение, бывшее до сих пор напряженным, решающим образом улучшилось*».[15] В дальнейшем европейские страны, оккупированные войсками Вермахта, производили для нужд военной экономики Германии военной продукции на сумму более 5000 млн рейхсмарок в год (данные на 1942 г.), не считая поставок союзных Германии государств.

[14] Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производственных сил СССР в 1941–1942 годах. М.: Наука, 1968. С. 135.

[15] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. С. 247.

Таблица 22. **Увеличение военно-экономического потенциала Германии за счет оккупации Европы в 1940 г. (по данным Министерства хозяйства и управления военной экономики и промышленности Германии)**

Наименование стратегических материалов, включенных в гос. резерв	Государственные резервы и запасы Германии на конец 1940 г., т	Увеличение в 1940 г. резервов и запасов за счет оккупации европейских стран, т	Собственное производство Германии в I квартале 1940 г., т
Бензин	500 000	363 000	Нет св.
Дизельное топливо	300 000	65 000	Нет св.
Авиационное топливо	600 000	22 000	Нет св.
Жидкое топливо	550 000	150 000	Нет св.
Медь	88 000	135 000	22 200
Свинец	56 000	20 000	17 600
Олово	2820	9500	712
Никель	2450	9000	510
Алюминий	74 000	9000	21000

Источник: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. М.: ЭКСМО, 2003. С. 247.

Примечание: В 1940 г. Германия добывала 400 000 т нефти в год.

Эвакуация промышленных предприятий на восток, произведенная Советским Союзом не позволила Германии включить их в свое военно-экономическое производство. Германия, с точки зрения экономики, не получила никакого «прихода» в результате оккупации части советской территории. Она несла расходы по содержанию администрации, эксплуатации дорог, тыловых объектов и т. д., но даже продовольственное обеспечение своих войск из местных источников ей полностью организовать не удалось. Для сравнения: петеновская Франция ежедневно платила 20 млн франков имперской казне в качестве возмещения затрат, которые несла немецкая оккупационная администрация на поддержание порядка на севере Франции (где, кстати сказать, разгромленные на советско-германском фронте солдаты и офицеры немецких дивизий совершенно безвозмездно проводили доукомплектование, лечились от ран и набирались сил для очередных боев во французских санаториях).

Для экономической эксплуатации ресурсов оккупированной части СССР 9 июня 1941 г. в Германии был создан военно-экономических штаб «Восток». Штаб подчинялся Генеральному уполномоченному по военной экономике и промышленности, члену Государственного Совета обороны Германии. Основной задачей штаба «Восток» являлась организация военного производства и тылового обеспечения германских войск на оккупированной терри-

тории СССР. Однако за все годы оккупации немцам не удалось наладить производство военной продукции и производственно-ремонтную базу тыла своих войск на территории СССР. «В Донецком бассейне благодаря созданию специальной хозяйственной инспекции удалось пустить в производство большую часть рудных предприятий, были восстановлены экономическая организация и дорожная сеть, назначены немецкие директора, мастера, горняки, специалисты... На Кавказе была скомплектована специальная нефтедобывающая бригада для добычи нефти. Однако в связи с наступившим поражением на фронте работу экономических органов почти не удалось начать».[16] В немецких архивах не удалось найти данных о количестве добытой на территории СССР руды и нефти. Речь в оригинальных источниках идет лишь об организационных мероприятиях, которые, как известно, составляют «расходную», а не «доходную» часть любого баланса затраченных и полученных ресурсов.

Таким образом, переброска промышленных предприятий на восток, произведенная советским руководством, не только позволила СССР сохранить свой военно-экономический потенциал, но и не дала возможности Германии нарастить ее военно-экономический потенциал, который был бы использован для продолжения боевых действий и для дальнейшего продвижения немецких армий в глубь СССР. Германии пришлось растягивать свои тыловые коммуникации, поскольку фронтовые части получали довольствие из западной и центральной части Европы, а не из европейской части СССР, частично оккупированной Вермахтом.

Вместе с тем, военной экономике СССР был нанесен значительный ущерб в связи с отступлением Красной Армии до линии Ленинград — Москва — Волга — Кавказ. Это была, как уже говорилось, наиболее развитая в промышленном отношении территория СССР. Вывезенное оборудование, заводы, фабрики еще нужно было смонтировать на новом месте, построить производственные корпуса, создать соответствующую промышленно-транспортную инфраструктуру, построить электростанции, разработать сырьевые ресурсы, оборудовать подъемно-транспортными средствами шахты и рудники и т. д., и т. п. Поэтому, на начальном этапе войны, экономические потери СССР носили колоссальный характер. С августа по ноябрь 1941 г. из состава советской военной экономики выбыло 303 предприятия, изготовлявшего боеприпасы. За один месяц они производили 8,4 млн корпусов снарядов, 2,7 млн корпусов мин, 2 млн

[16] Там же. С. 366.

корпусов авиабомб, 7,9 млн взрывателей, 5,4 млн капсюлей (средств воспламенения), 5,1 млн снарядных гильз, 2,5 млн ручных гранат и 16,1 тыс. т аммиачной селитры (необходимый компонент пороха).[17] Кроме того, для производства военной техники требуются энергоресурсы (уголь, нефть), металл и руда (чугун, сталь, прокат, кокс, железная руда), ферросплавы и цветной металл (марганец, свинец, олово, алюминий, медь, никель и т. д.), металлорежущие станки, шарикоподшипники, подъемно-транспортное оборудование и многое другое.

На оккупированной противником территории находилось 28% основных производственных фондов, которыми располагал до начала боевых действий Советский Союз. Какую часть продукции они производили, показано в табл. 23.

Таблица 23. **Производство в СССР основных видов продукции, имеющей оборонное значение, (до начала оккупации и к моменту остановки продвижения немецких войск на восток)**

Наименование производства, имеющего оборонное значение	Производство на 1 января 1941 г.	Производство на 1 ноября 1941 г.
Сталь, тыс. т	22 600	9128
Чугун, тыс. т	18 200	5375
Прокат, тыс. т	16 800	7511
Трубы металлические, тыс. т	1100	410
Автомобили, тыс. шт.	145	84
Нефтепереработка, тыс. т	32 845	23 473
Электроэнергия, тыс. квт	6398	2650
Станки металлорежущие, шт.	32 328	12 506
Каменный уголь, тыс. т	240 722	89 152
Железная руда, тыс. т	34 000	12 000
Марганцевая руда, тыс. т	3100	1300
Синтетический каучук, тыс. т	127	37
Прядильные веретена, тыс. шт.	8126	3614
Кожаная обувь, млн пар	165	49
Консервы молочные, тыс. банок в смену	127	60
Макароны, т в сутки	1405	494
Сахар, тыс. ц свеклы в сутки	1514	135
Масло растительное, тыс. т семян в сут.	13	7

Источник: Подсчитано нами на основе архивных данных. См.: Российский Гос. архив экономики. Ф. 7964. Оп. 2. Д. 91(2). Л. 213– 215 (об.)

Возместить понесенные потери можно было лишь при наличии потенциальных возможностей, воли к победе и высокой организации хозяйства.

[17] Против фальсификации истории Второй мировой войны. М., 1964. С. 321–324.

Глава 2

Мобилизационные возможности централизованно-плановой экономики и укрепление военно-экономического потенциала в условиях боевых действий на территории СССР

Мобилизация (от лат. mobilis — подвижный) означает проведение комплекса мероприятий по переводу вооруженных сил, экономики и государственных институтов страны на военное положение, т. е. на режим деятельности, диктуемый условиями войны. Мобилизационные возможности государства и экономики определяются в первую очередь людскими и материальными ресурсами, которые могут быть использованы для обеспечения нужд фронта и тыла, а также степенью мобильности государственного и экономического управления, готовностью его в кратчайшие сроки принять меры к отражению агрессии, к перестройке хозяйства страны на военный лад, к развертыванию массового производства средств материально-технического обеспечения войск в условиях войны, к обеспечению в целом живучести и устойчивости хозяйственного механизма страны в условиях боевых действий на своей территории и территории противника.[1]

С первых дней войны в Советском Союзе были созданы ***чрезвычайные органы управления страной и военной экономикой***. Наряду с обычными конституционными органами руководства страной и хозяйством, в годы Отечественной войны функционировали временные военно-хозяйственные органы управления. Военная обстановка потребовала сосредоточить всю полноту высшей исполнительной власти в одном центре, способном объединить усилия фронта, транспорта, тылового обеспечения и оборонной промышленности. 30 июня 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП (б) и СНК СССР был образован Государственный Комитет Обороны СССР (ГКО).[2] Во главе его стоял секретарь ЦК ВКП (б), председатель СНК СССР, нарком обороны И. В. Сталин. ГКО был коллективным органом, и вся его деятельность направлялась Политбюро ЦК партии. За четыре с лишним года войны ГКО разработал 9971 директивный документ. Из них примерно три четверти постановлений, решений и приказов

[1] См.: Военно-энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1986. С. 451.

[2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29, № 32; 1942. № 13; 1944. № 37.

так или иначе относились к вопросам военной экономики и организации материального производства в условиях войны[3].

ГКО возглавил все военное и хозяйственное руководство в стране на период войны. Его компетенция была чрезвычайно обширна. Он назначал и смещал высшее военное командование, занимался подготовкой и концентрацией резервов для действующей армии, решал военно-стратегические и международно-политические вопросы. ГКО занимался перестройкой экономики на военный лад, налаживал работу нового промышленного производства и ставил задачи перепрофилирования существующего промышленного производства, решал транспортные проблемы, вопросы сельского хозяйства, организовывал материальное снабжение населения и армии, занимался подготовкой трудовых резервов и распределением рабочей силы по производственным объектам. Его постановления подлежали обязательному исполнению всеми учреждениями и гражданами. ГКО имел уполномоченных в союзных республиках, краях, областях, в их числе были крупные хозяйственные работники, секретари обкомов партии, известные в стране ученые.

В ряде городов в непосредственной близости к фронту (Севастополь, Сталинград, Тула, Ростов-на-Дону, Мурманск и др.) создавались городские комитеты обороны. Обороной Москвы и Ленинграда руководил непосредственно ГКО. Городские комитеты обороны существовали более чем в 60 городах (как правило, в составе председателя, заместителя, командующего фронтом, представителя НКВД). Они были наделены следующими полномочиями:

а) объявлять город на осадном положении;

б) производить эвакуацию жителей;

в) давать предприятиям специальные задания по выпуску различных видов вооружения, боеприпасов, специального снаряжения;

г) создавать народное ополчение и истребительные отряды;

д) организовывать строительство оборонительных рубежей;

е) производить мобилизацию населения и транспорта;

ж) эвакуировать, а в случае необходимости — уничтожать производственные мощности, чтобы они не использовались оккупантами в своих целях;

з) упразднять старые и создавать новые, более эффективные учреждения и организации.

Постановления городских комитетов обороны областного звена могли быть отменены только ГКО, а в части, касающейся военно-оборонительных вопросов, военными советами фронтов. Городские

[3] *Беликов А. М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М., 1989. С. 10.

комитеты обороны являлись военно-организационными и мобилизационными центрами, подчинялись местным государственным или советским органам. (ГКО был органом оперативного управления, он не создавал собственной, параллельной управленческой структуры прямого подчинения, а опирался в своей деятельности на существующие государственные, советские и хозяйственные органы управления). В рамках его ведения действовали:

а) Комитет по разгрузке транзитных грузов;

б) Комитет по эвакуации продовольственных запасов, текстильного оборудования, мануфактуры и других товаров широкого потребления;

в) Комиссия по эвакуации;

г) Транспортный комитет при ГКО;

д) Оперативное бюро ГКО (контролирующее выполнение военных заказов и текущую работу всех наркоматов).

Два вышеперечисленных комитета были созданы в 1941 г. Комиссия по эвакуации — в начале 1942 г. После выполнения своей прямой задачи они были расформированы. До середины 1944 г. функционировал Транспортный комитет при ГКО, созданный в феврале 1942 г., когда стратегические резервы и запасы, созданные в условиях мирного времени, были практически исчерпаны и требовалось организовать функционирование экономики в условиях тотальной войны. В процессе создания Транспортного комитета в марте 1942 г. Нарком путей сообщения Л. М. Каганович был освобожден от обязанностей наркома как «не сумевший справиться с работой в условиях военной обстановки»[4]. В феврале 1942 г. был осужден Особым совещанием при НКВД СССР и расстрелян начальник Управления военных сообщений Красной Армии генерал-лейтенант технических войск Н. И. Трубецкой[5].

Организация перевозок, которая была отработана в НКПС в мирное время, явно не соответствовала условиям войны. Тыл Вооруженных Сил, созданный в июле 1941 г., внес предложения в ГКО об отправке с одной бригадой поезда двух оперативных эшелонов и одного снабженческого от станции отправления до станции назначения. Данное предложение могло быть реализовано при условии единого общесетевого плана формирования поездов. Постановлением ГКО от 25 марта 1942 г. Наркомом путей сообщения был назначен начальник Тыла Красной Армии генерал-лейтенант технических войск А. В. Хрулев. Таким образом, совокупность

[4] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. М., 1970. С. 189.

[5] *Голушко И. М.* Штаб тыла Красной Армии в годы войны 1941–1945. М.: Экономика и информатика, 1998. С. 47.

различных иерархических структур, накладывающаяся на решение единой транспортной задачи в обеспечении военных и военно-экономических перевозок, была сведена к единому знаменателю, т. е. к управлению из одного Центра.

Вместе с тем военная экономика, как и экономика вообще, является не только функциональной структурой. Она управляется по «вертикали», т. е. в отраслевом разрезе и по «горизонтали» — в территориальном плане. Транспортный комитет при ГКО решал проблемы «увязки» перевозок в отраслевом и территориальных аспектах, оставляя оперативное руководство НКПС за Тылом Вооруженных Сил. Правильный выбор направления главного наступательного удара требует, как известно, большой концентрации войск и их перемещения вдоль линии фронта. Железная дорога не всегда может выполнить данную задачу, поскольку направление и плотность железнодорожного полотна могут не соответствовать конфигурации линии фронта. Уже в ходе битвы под Москвой целые дивизии перебрасывались с одного участка фронта на другой и из резерва Верховного Главнокомандования (РВГК) на автомобильном транспорте.

В мае 1942 г. ГКО принял решение сформировать Главное управление автотракторной и дорожной служб Красной Армии с подчинением начальнику Тыла Вооруженных сил. Если в начале войны автопарк Красной Армии составлял 272.6 тыс. единиц, то к 1 января 1942 г. он начитывал 318,5 тыс. машин, а к 1 января 1943 г. — 404,5 тыс. Более 23 тыс. автомобилей эксплуатировалось в тыловых частях по организации продовольственного снабжения, дорожно-строительных и мостостроительных частях фронтов.

Несмотря на то, что к концу 1942 г. в войсках появились автомобили, поставляемые по ленд-лизу, основную долю автотранспортных средств поставляла отечественная промышленность (табл. 24).

Большую роль в годы войны играли также речной, морской и трубопроводный транспорт. Их значение, в отличие от автомобильного транспорта, проявлялось в основном при перевозках военных грузов на большие расстояния (табл. 25).

Важную роль в организации военного хозяйства, как уже было сказано, играло Оперативное бюро ГКО. Через этот орган осуществлялись оперативное планирование и контроль за исполнением военных заказов. Структура, состав Оперативного бюро претерпевали изменения в зависимости от тех задач, которые решались на том или ином этапе войны. Решение ГКО об образовании Оперативного бюро было принято 8 декабря 1942 г., т. е. тогда, когда резервы и запасы сырья и материалов мирного времени, питавшие в значи-

Таблица 24 **Количество автотранспортных средств в частях тыла фронтов на 1 апреля 1943 г.**

Фронты	Марка автомашины			Итого
	ГАЗ-АА	ЗИС-5	Иномарки	
Карельский	263	325	—	588
Ленинградский	692	628	—	1320
Волховский	580	705	—	1285
Северо-Западный	1215	776	95	2086
Калининский	866	616	—	1482
Западный	1589	1144	—	2733
Брянский	710	140	—	850
Центральный	1534	549	463	2546
Воронежский	922	401	47	1370
Юго-Западный	1825	590	107	2522
Южный	923	503	150	1576
Северо-Кавказский	1168	772	363	2303
Закавказский	350	139	102	591
Забайкальский	216	1322	—	1538
7-я отд. армия	157	86	—	243
Итого	13010	8696	1327	23033

Источник: *Голушко И. М.* Штаб тыла Красной Армии в годы войны 1941–1945. М.: Экономика и информатика, 1998. С. 216.

Таблица 25. **Соотношение перевозок грузов военного, хозяйственного и тылового назначения различными видами транспортных средств**

Виды транспорта	Перевозки (млн т)		Грузооборот (млрд ткм)		
	1940 г.	1945 г.	1940 г.	1945 г.	1945 в% к 1940 г.
Железнодорожный	605,1	395,2	420,7	314,0	76
Автомобильный	858,6	420,0	8,9	5,0	56
Речной	73,9	36,9	36,1	18,8	52
Морской	32,9	20,2	24,9	34,2	144
Трубопроводный	7,9	5,6	3,8	2,7	71
Все виды транспорта, включая авиацию и гужевой транспорт	1563,5	878,0	494,4	374,8	77

Источник: *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 399.

тельной мере военное производство, были в основном исчерпаны и возникла необходимость поднять производство металла, увеличить добычу топлива, производство электроэнергии и т. д. Данная задача решалась в условиях потери более 30% производственного потенциала, существовавшего в мирное время на оккупированной во время войны территории. Теперь же требовалось:

а) возместить понесенные производственные потери;

б) увеличить объем производства сверх возмещенных потерь;

в) создать резервы и запасы на случай непредвиденных обстоятельств и в целях бесперебойного и устойчивого функционирования военной экономики.

На Оперативное бюро ГКО был возложен контроль за текущей работой всех Наркоматов оборонной промышленности, Наркомата путей сообщения, Наркомата черной металлургии, Наркомата цветной металлургии, Наркомата электростанций, Наркомата угольной промышленности, Наркомата нефтяной промышленности, Наркомата химической промышленности. Другими словами, все 13 общесоюзных Наркоматов подвергались контролю ГКО через Оперативное бюро. 18 союзно-республиканских наркоматов (см. ниже) отчитывались перед Оперативным бюро за исполнение планов производства и снабжения вышеуказанных отраслей промышленности, вооружения и транспорта всем необходимым.

Общесоюзные и союзно-республиканские наркоматы, функционировавшие в годы войны:

1. Тяжелого машиностроения
2. Среднего машиностроения
3. Общего машиностроения
4. Авиационной промышленности
5. Боеприпасов
6. Вооружения
7. Судостроительной промышленности
8. Угольной промышленности
9. Нефтяной промышленности
10. Электростанций и электропромышленности
11. Черной металлургии
12. Цветной металлургии
13. Химической промышленности
14. Промышленности строительных материалов
15. Лесной промышленности
16. Текстильной промышленности
17. Легкой промышленности
18. Пищевой промышленности
19. Мясной и молочной промышленности
20. Рыбной промышленности
21. Заготовок
22. Путей сообщения
23. Морского флота
24. [illegible]ого флота

26. Здравоохранения СССР

27. Финансов СССР

28. Комитет по делам кинематографии при СНК СССР

29. Наркоматы местной промышленности союзных республик

30. Наркоматы местной топливной промышленности союзных республик

31. Промысловая кооперация (Всекомпросвет, Всекомпромлессоюз и кооперация инвалидов)

Весной 1944 г. перед военной экономикой возникли новые задачи по восстановлению народного хозяйства территорий, освобожденных от оккупации и реэвакуации части производства на старые места. В связи с передачей большого количества вооружения частям и соединениям Югославской Народной Армии, польским, румынским, венгерским и чехословацким войскам, выступившим на стороне Красной Армии после ее вступления в пределы Европы, возникла необходимость расширить круг отраслей промышленности, деятельность которых подвергалась планированию и контролю со стороны ГКО через Оперативное бюро. В связи с вышесказанным, к его ведению были отнесены Наркоматы резиновой, бумажно-целлюлозной и электротехнической промышленности. В функции Оперативного бюро теперь входило также рассмотрение и внесение на утверждение Председателя ГКО решений по отдельным вопросам квартальных и месячных планов производства указанных наркоматов и квартальных планов снабжения народного хозяйства металлом, углем, нефтепродуктами, электроэнергией, а также осуществление контроля за исполнением этих планов и планов снабжения перечисленных наркоматов всеми материально-техническими средствами. Действовавший два года Транспортный комитет был упразднен, а его функции переданы Оперативному бюро.

Во все вышеперечисленные комитеты и комиссии, создававшиеся на различных этапах Великой Отечественной войны, входил в качестве непременного члена Председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский. Его личные качества как незаурядного экономиста и волевого человека следует рассматривать через призму деятельности органа, который он возглавлял — через функциональные задачи, выполняемые Государственной Плановой Комиссией при СНК СССР. Госплан, как известно, был реформирован в феврале 1938 г. В его составе было 11 постоянных членов и совет из 90 человек. В годы войны был введен институт уполномоченных Госплана, наделенных чрезвычайными полномочиями в отношении контроля за выполнением военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны. Реальность выполнения плана просчитывалась на осно-

ве балансового метода планирования. Н. А. Вознесенский называл планом военного хозяйства народнохозяйственный план, поставленный на службу обороны страны, а методы планирования военного времени методами советского планирования, поставленными на службу победе. «*Баланс военного хозяйства СССР является не чем иным, как балансом народного хозяйства, поставленного на службу Отечественной войне*».[6]

Согласно теории и практике советского планирования, сложившегося в предвоенные годы и выдержавшего проверку войной, баланс военной экономики достигается согласованием шести межотраслевых балансов:

а) балансом производства и распределения общественного продукта;

б) балансом производства и распределения основных фондов;

в) балансом воспроизводства и распределения рабочей силы;

г) балансом производства и распределения народного дохода;

д) балансом денежных доходов и расходов населения;

е) балансом распределения и потребления материальных фондов.[7]

Вследствие оккупации ряда промышленных районов страны существенно изменился ряд основных макроэкономических показателей общественного продукта:

а) производственное потребление общественного продукта в 1942 г. осталось на уровне довоенного 1940 г. — 43%;

б) народный доход, как личное потребление населения, сократилось с 42% в 1940 г. до 38% в 1942 г.;

в) внутрипромышленное накопление и, соответственно, доходы используемые на накопление, уменьшились с 11% в 1940 г. до 2% в 1942 г.;

г) военные расходы, не считая расходов на содержание личного состава Вооруженных Сил, увеличились с 4% в 1940 г. до 17% в 1942 г.;

д) основные производственные фонды в 1941 г. сократились на 215 млрд руб. по сравнению с 1940 г.;

е) воспроизводство основных фондов к концу 1942 г. лишь компенсировало их потерю в оккупированных областях;

ж) основные производственные фонды выросли в 1943 г. на 63 млрд руб. по отношению к 1942 г., но еще не достигли довоенного уровня;

---

[6] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1947. С. 65.

[7] Там же. С. 64–65.

в) существенно изменился баланс денежных доходов и расходов населения: в связи с сокращением розничного товарооборота значительно выросла «доходная» их часть, несмотря на падение уровня материального потребления, вызванного войной (табл. 26).

Таблица 26. **Основные показатели государственного бюджета СССР накануне и в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., млрд руб.**

Показатели	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Все доходы	180,2		165,0*	204,4	262,7	302,6
В том числе:						
налог с оборота	105,9		23,6	71,0	94,9	123,1
отчисления от прибыли	21,7		30,3	20,1	21,4	19,9
отчисления на соцстрах	8,6		1,8	6,7		9,0
налоги с населения	9,4		32,1	28,6	37,0	39,2
госзаймы и лотереи	11,5		24,1	28,9	37,6	29,4
в том числе подписка населения на облигации займа обороны	9,0		Нет сведений	21,3	31,3	23,4
2. Все расходы	174,4		176,0*	210,0	264,0	298,6
в том числе:						
народное хозяйство	58,3		37,3	33,1	53,7	74,4
наркоматы Обороны и ВМФ	56,8			125,0	137,8	128,2
социально-экономические и культурные мероприятия	40,9			37,7	51,3	62,7

Источник: История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5. М.: Наука, 1978. С. 492.

* Рассчитано нами по: Финансовая служба Вооруженных Сил СССР в период войны. М.: Воениздат, 1967. С. 27, 134, 201; *Зверев А. Г.* Государственные бюджеты Союза ССР на 1938–1945 гг. М.: Госфиниздат, 1969. С. 148, 153.

Война предъявляет особые требования к мобилизации финансовой системы страны. Накануне первой мировой войны все европейские государства, кроме Швейцарии, Нидерландов и Норвегии, осуществляли национальную кредитно-финансовую политику, направленную на поддержание отечественной промышленности в ущерб стабильности курса национальной валюты. Подобная политика впоследствии была названа обобщающим термином «кейнсианство» (по имени английского экономиста Дж. М. Кейнса, чьи рекомендации по субсидированию экспорта и контингентированию импорта использовало лейбористское правительство в 1933–1939 гг.).

Однако «кейнсианство» имело в каждой европейской стране свое национальное лицо. В частности, в Италии в январе 1933 г. были созданы Государственное учреждение текущего кредитования промышленности и Банк финансирования реконструкции ин-

дустрия, который стал своего рода государственным промышленным холдингом, финансирующим металлургию, судостроение, машиностроение и производство вооружений. Отказ ведущих банкирских домов мира предоставлять кредиты фашистскому правительству Муссолини заставил последнего искать источники финансирования войны у собственных промышленных корпораций. «Корпоративное государство» Муссолини использовало для финансирования войны налоги, внутренние займы, денежную эмиссию и временно свободные средства предприятий, аккумулированные на банковских счетах.

Германия в 40-х годах оказалась в более благоприятных условиях, чем Италия, поскольку оккупация континентальных европейских государств позволила ей использовать для финансирования войны «оккупационные» рейхсмарки. Забегая вперед, следует отметить, что данное изобретение использовали с окончанием Второй мировой войны и до настоящего времени Соединенные Штаты Америки. Печатая доллары как «мировые деньги», они имеют возможность 100-долларовую купюру (которая обходится Федеральной резервной системе США в 32 цента), обменивать «эквивалентно» на товар другой страны, стоящий 100 долларов. Несмотря на заниженный курс национальных европейских валют по отношению к рейхсмарке, государствам континентальной Европы ничего не оставалось делать, как торговать с Германией и между собой, используя в качестве «мировых денег» рейхсмарку, поскольку рынок атлантических государств и, в частности, Великобритании и США, был закрыт. При этом не только Германия, но и такие государства, как Румыния, Болгария, Испания, Португалия, Турция, Австрия, Чехословакия и Греция оказались в более выгодном финансовом положении, чем в мирные 30-е годы, когда ими использовались в качестве «мировых денег» фунты и доллары, по курсу которых им приходилось выплачивать репарационные платежи, текущие выплаты по коммерческим кредитам, производить выплату процентов по государственным иностранным займам и погашать коммерческую иностранную задолженность по основной сумме долга. Испания, например, впервые с начала гражданской войны в 1936 г. стабилизировала финансы, а в Португалии Салазар «довольно успешно разработал основы государственного хозяйственного планирования»,[8] что позволило на длительный срок стабилизировать экономику страны и избежать кризисов, периодически будоражащих Европу.

Говоря о системе планирования, которая установилась в госу-

[8] *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство... С. 283.

дарствах фашистской «оси» и ряде других европейских государств в предвоенные и военные годы, следует отметить, что сравнение «фашистского планирования» с советской системой планового хозяйства имеет явно провокационный и спекулятивный характер. Страны «оси» действительно, так же как и СССР, были отлучены от мирового ростовщического капитала и искали пути и средства развития национальной экономики всеми доступными и недоступными способами. Естественно, что у малых и больших государств арсенал политических и экономических средств для «маневра» был разный; в 30-х годах на европейском континенте доминирующей экономикой обладала Германия и именно она устанавливала правила игры. Но это вовсе не означает, что СССР контролировал Германию или же Германия контролировала СССР. Две враждебно настроенные державы использовали асимметричную экономическую политику.

В памятной записке по составлению второго четырехлетнего плана Гитлер достаточно ясно высказался об отличии германской системы планирования экономики от советской: *«Министерство экономики должно только определять задачи национальной экономики, а частное хозяйство должно их решать; социализация по советскому образцу представляется ненужной для того, чтобы обеспечить государственный контроль над экономикой».*[9] Таким образом, Гитлер проводил «кейнсианскую», а не советскую планово-экономическую политику. Гитлера поддерживали национальные олигархи и именно поэтому они, наравне с военными преступниками, оказались на скамье подсудимых после поражения Германии.

В СССР не существовало промышленной и финансовой олигархии. Госплан не должен был «утрясать» интересы различных групп магнатов, враждующих между собой, чем, например, занималась в Германии Имперская экономическая палата, состоящая из банкиров и собственников промышленных трестов. Министерство экономики Германии, которому формально подчинялась данная палата, было ее «карманным» министерством, поскольку инвестиционные потоки зависели не от его решений, а от доброй воли членов палаты. Фашистская экономика была капиталистической экономикой с элементами ее социальной ориентации на трудящиеся слои общества.

С первых дней войны в СССР были проведены мобилизационные мероприятия в области финансов, которые не могут быть осуществлены в условиях капитализма (если, конечно, правительством не принималось предварительного решения о ликвидации капита-

[9] Цит. по: *Вольфрам Фишер.* Указ. соч. С. 281.

листического строя). В первую очередь эти меры касаются собственных оборонных средств предприятий и организаций на банковских счетах, накопленных ими амортизационных отчислений, а также ранее выделенных бюджетных средств на капитальное развитие по планам мирного времени. Мобилизация этих резервов дала возможность государственному бюджету дополнительно выделить оборонным предприятиям 20 млрд руб., не прибегая к печатному станку. В условиях частной собственности данная мера имела бы характер реквизиции, а попросту говоря — грабежа государством частного лица, которое естественно, стало бы питать враждебные чувства к обществу, «залезшему» к нему в карман. Именно поэтому данная мера мобилизации финансов не применялась в капиталистических воюющих странах.

За годы войны в СССР было выпущено четыре военных государственных займа на общую сумму 72 млрд руб. Фактически от реализации военных займов государственный бюджет получил 76 млрд руб. Это было на 40 млрд руб. больше, чем дала подписка по всем 14 довоенным займам начиная с 1927 г. Кроме того, реализация среди населения билетов денежно-вещевой лотереи дала в бюджет страны 10 млрд руб.[10] С учетом добровольных взносов и пожертвований на нужды фронта, населением было перечислено в бюджет 118,2 млрд руб.[11]

Большая ответственность за состояние не расчетного, а фактического баланса военного хозяйства возлагалась на местные советские и партийные органы, которые вынуждены были брать на себя функции непосредственного хозяйственного руководства. Для усиления исполнительной дисциплины в сельском хозяйстве была вновь создана система политотделов МТС и совхозов. Президиум Верховного Совета СССР Указом от 22 июня 1941 г. «О военном положении в местностях, объявленных на военном положении», передал все функции государственной власти, связанные с организацией обороны, обеспечением общественного порядка и государственной безопасности военным советам и военному командованию войсковых соединений. Этим же Указом с 23 июня 1941 г. вводились в действие мобилизационные производственно-хозяйственные планы. В соответствии с этими планами на производстве вводилось полное единоначалие, разрешались сверхурочные работы, отменялись отпуска.

С 1 октября 1941 г. вводилось обязательное военное обучение

[10] *Зверев А.* О Государственном бюджете СССР на 1946 г. и исполнении бюджета за 1944 и 1945 гг. М., 1946. С. 19.
[11] Правда. 5 мая 1945 г.

граждан в возрасте от 16 до 50 лет, его организация возлагалась на Главное управление Всевобуча Наркомата обороны. Со 2 июля 1941 г. вводилась всеобщая обязательная подготовка к противовоздушной и противохимической обороне всего взрослого населения страны, руководство которой возлагалось на Осоавиахим. Были внесены изменения и в порядок деятельности органов военной юстиции. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. значительно расширялся перечень дел, подсудных военным трибуналам в районах, объявленных на военном положении и в районах военных действий: отменялось кассационное обжалование решений, принятых военными трибуналами.

28 июля 1941 г. постановлением ГКО, помимо Главного управления тыла Красной Армии, были созданы управления тыла во фронтах и армиях, а также учреждены должности начальников тыла фронтов и армий.

При Бюро Совнаркома СССР был создан специальный Комитет по распределению рабочей силы. Позже на него были возложены функции учета рабочей силы. Затем был образован Комитет продовольственного и вещевого снабжения, главное управление по снабжению отраслей народного хозяйства углем, нефтью, лесом.

Перестройка государственного аппарата управления сопровождалась резким сокращением штатов наркоматов различных учреждений и всего управленческого аппарата. Многие специалисты из учреждений направлялись на заводы и фабрики.

Во время войны в работе по плановому управлению экономикой военного времени Госплан, как уже было сказано, опирался на органы хозяйственного управления, приспособленные в условиях военного времени к обслуживанию нужд фронта, а также на Совет по эвакуации, Комитет по разгрузке транзитных грузов, Комитет по эвакуации продовольственных запасов, текстильного оборудования, мануфактуры, сырья и других товаров широкого потребления и Транспортный Комитет при ГКО, координирующий работу всех видов транспорта.

Оперативный контроль за выполнением планов военной хозяйственной деятельности Госплан осуществлял через институт уполномоченных и Оперативное бюро ГКО. Структура и состав Госплана претерпевали изменения в зависимости от тех хозяйственных задач, которые решались на том или ином этапе войны. Для быстрого рассмотрения и решения вопросов снабжения, а также для определения потребностей в продовольственных и промышленных товарах, для выявления дополнительных возможностей изыскания товарных ресурсов была создана дополнительная комиссия

Госплана при Оперативном бюро ГКО. С участием Госплана СССР в соответствующих наркоматах регулярно рассматривались итоги работы, обсуждались и решались очередные задачи военной экономики. В поле зрения Госплана находилась работа всех отраслей народного хозяйства, и особенно промышленности как главной, ведущей отрасли военной экономики, обеспечивающей нужды фронта и тыла. Госплан в годы войны стал экономическим штабом военной экономики.

Мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал 1941 г. заменил разработанный и принятый до войны план развития народного хозяйства на данный период. Это был, по сути дела, новый народнохозяйственный план, поскольку все его показатели были разработаны заново. В плане ставилась задача увеличения в третьем квартале года производства военной техники на 26% по сравнению с довоенным периодом. В области капитального строительства финансовые, материально-технические и трудовые ресурсы концентрировались на важнейших оборонных объектах, главным образом в районах Поволжья, Урала и Сибири. Предусматривалась частичная или полная консервация второстепенных строек. В утвержденный список титульного строительства вошли военные предприятия, электростанции, предприятия металлургической, химической и топливной промышленности, предусматривалось строительство железных дорог, мостов, шоссейных дорог.

Основные ресурсы перераспределялись в пользу военной промышленности и кооперированных с нею отраслей, однако в целом объем работ по капитальному строительству снизился по сравнению с довоенным периодом в связи с тем, что часть материальных ресурсов, главным образом металл, была направлена на удовлетворение нужд военного производства и строительства оборонных объектов. С целью экономии товарных ресурсов и транспортных средств план розничного товарооборота был снижен на 12%. Довоенный уровень железнодорожных перевозок сохранился только по перевозкам угля, нефтепродуктов, металла и зерна.

16 августа 1941 г. был принят Военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на весь 1942 г., охвативший хозяйство районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Центр тяжести военной экономики перемещался из Северо-западного, Центрального и Южного промышленно-экономических районов в районы Урала, Сибири и Юго-Востока страны. В плане ставилась задача в короткий срок создать в восточных районах СССР крупную базу военно-промышленного производства, которая смогла бы не только компенсировать мощности, потерянные

в результате оккупации ряда районов страны и находившиеся на прифронтовой полосе, но и способную обеспечить материально-технический перевес советской экономики над экономикой Германии и ее европейских сателлитов. Это были достаточно амбициозные планы, поскольку, как мы уже говорили, в мирные, предвоенные годы данная задача решена не была.

В Военно-хозяйственном плане были заложены конкретные задания по ускоренному развитию в восточных районах военно-промышленного производства, по резкому расширению топливной, энергетической и металлургической базы, а также по другим отраслям промышленности, сельскому хозяйству и транспорту. Планом было определено расширение на 6 млн га посевных площадей в колхозах Урала, Сибири, Юго-Востока, Средней Азии и Казахстана.

Для сравнения: в годы знаменитой целинной эпопеи 1954–1962 гг. в хозяйственный оборот было вовлечено 17 млн га. Конечно, это оказалось больше, чем в годы «военной целины», но освоение «мирной целины» заняло значительное время и по количеству привлеченной техники не шло ни в какое сравнение с военным временем. «Военная целина» распахивалась и осваивалась за счет средств уже существующих колхозов, отдавших мужчин призывного возраста в армию, а трактора на военные нужды, без материальной помощи со стороны центральных министерств. Об этом подвиге колхозного крестьянства мало известно, поскольку война устанавливает свою иерархию критериев победы.

Основную роль в экономическом обеспечении эффективной обороны и переходе советских войск к наступательным боевым действиям в 1942–1943 гг. сыграла оборонная промышленность. В ходе войны значительно возросла оперативность руководства всей военной экономикой. Госплан СССР совместно с наркоматами оборонной промышленности с 1943 г. ежемесячно планировал выпуск боевой техники и боеприпасов. Планы утверждались в ГКО и имели характер приказов военного времени. Основными отраслями военного производства ведали члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП (б). Наркоматы возглавляли хозяйственные работники, чьи имена навечно вошли в историю Великой Отечественной войны: Д. Ф. Устинов — наркомат вооружения; В. А. Малышев — наркомат танковой промышленности; А. И. Шахурин — наркомат авиационной промышленности; Б. Л. Ванников — наркомат боеприпасов; П. И. Паршин — наркомат минометной промышленности.

Успехи в развитии слаженного военного хозяйства позволили СССР создать к середине 1943 г. коренной перелом в соотношении

вооружения, поступающего Красной Армии и, соответственно, Вермахту от германской и европейской промышленности (см. табл. 27).

Таблица 27. **Соотношение вооружения, поступающего Красной Армии и Вермахту в декабре 1941 — июле 1943 гг. (в тыс. единиц)**

Период	Красная Армия			Вермахт		
	Танки и САУ	Орудия и минометы	Боевые самолеты	Танки и САУ	Орудия и минометы	Боевые самолеты
Декабрь 1941 г.	1,9	22,0	2,2	1,9	26,8	2,8
Ноябрь 1942 г.	7,3	77,8	4,5	5,1	51,7	3,5
Июль 1943 г.	10,2	105,0	10,2	5,9	54,3	3,0

Источник: *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1985. С. 218.

Превосходство СССР в производстве вооружений и техники, поставляемой в войска, перестало иметь лишь количественный характер, поскольку с 1943 г. промышленность приступила к перевооружению Красной Армии новейшей военной техникой, превосходящей по своим тактико-техническим характеристикам соответствующие аналоги германских образцов вооружения. Доля новой военной техники достигла в Красной Армии к концу 1943 г. 42,3% — в стрелковом оружии; 83% — в артиллерийском; 80% — в бронетанковом; 67% — в авиационном. Очевидным стало превосходство советской штурмовой авиации. Хотя на вооружении советских ВВС все еще находились самолеты старых конструкций (например, около тысячи учебных самолетов У- 2 и Р-5, используемых как ночные бомбардировщики), в авиаполки стало поступать значительное количество штурмовиков Ил-2, скоростных бомбардировщиков Ту-2 и Пе-2 (с бронированной кабиной летчиков), торпедоносцев Ил-4 и других новых типов самолетов.

За годы войны было освоено массовое производство 14 типов новых самолетов, в том числе пять типов истребителей, шесть типов бомбардировщиков, один тип самолета-штурмовика, два вида самолета-транспорта. Кроме того, в ходе войны указанные типы самолетов боевой авиации проходили неоднократную модернизацию. На них ставились новые, более мощные двигатели, крупнокалиберные, скорострельные пушки, повышались летные характеристики и увеличивалась бомбовая нагрузка. За 1943–1945 гг. было разработано и внедрено в производство десять типов новых авиационных двигателей. Скорость советских истребителей Як-3, Як-9, Ла-7 увеличилась в среднем на 100 км/час по сравнению с боевыми самолетами образца 1941 г.

Бронетанковые силы СССР в начале 1944 г. получили новый тяжелый танк ИС-2. Его броня имела толщину 120 мм, а башня была оснащена 122-мм пушкой, выстрел которой в полтора раза превышал кинетическую энергию снаряда тяжелых немецких танков T-V и T-VI. Советский танк ИС весил на 10 т меньше, чем немецкий «тигр», но по скорости хода, мощности брони и калибру вооружения превосходил его. Благодаря цельнолитой сферической башне, экономичности и простоте изготовления ходовой части, трудоемкость изготовления советских танков превосходила немецкие технологические аналоги по средним танкам в 2,4 раза, а по тяжелым — в 2,3 раза. Высокие конструкционные и производственные показатели были достигнуты благодаря мобилизационным возможностям централизованно-плановой экономики, позволившей сконцентрировать скудные материальные ресурсы 1941–1942 гг. на главных направлениях достижения победы над противником.

Прежде чем запустить в массовое производство шесть основных типов танков и самоходно-артиллерийских установок, показавших свое превосходство над немецкой бронетанковой техникой, советскими конструкторами был разработан, а промышленностью изготовлен 21 образец новых танков и САУ. К 1944 г. на поле боя было апробировано 25 видов новых танков и самоходно-артиллерийских установок. Технология их массового производства также была разработана оборонной промышленностью. На базе танков Т-34 и ИС были созданы такие САУ, как СУ-100, ИСУ-122, ИСУ-152. Последний тип САУ имел 152-мм пушку, а ее 50-килограммовый снаряд пробивал 190-мм броню «Королевского Тигра», весившего 68 т. Немецкая самоходная артиллерийская установка «Фердинанд», созданная специально для борьбы с советскими тяжелыми танками, весила 71 т, имела скорость хода 15 км/час и низкую скорострельность. Эффективность ее противостояния советским танкам была невысокой, а трудозатраты на производство подобной техники очень высокими. Немцам не удалось произвести большого количества бронетехники, в которой были бы учтены практические результаты боев под Сталинградом и на Курской дуге. К тому же все новые типы немецких танков T-V («Пантера»), T-VI («Тигр»), T-VIB («Королевский тигр») и САУ «Фердинанд», хотя и обладали мощной броней и улучшенным вооружением, уступали советским тяжелым танкам ИС по маневренности, скорости хода и скорострельности.

Глава 3

Военная экономика СССР на завершающем этапе Второй мировой войны

В годы Великой Отечественной войны Советский Союз продемонстрировал, что его военная экономика обладает не только высокими мобилизационными возможностями, но и способна осуществить расширенное воспроизводство в интересах мирного строительства. «*Если в восточных районах СССР происходил процесс расширенного воспроизводства военного времени, то в северо-западных, западных, центральных, юго-восточных и южных экономических районах происходил в ходе Отечественной войны процесс мирного воспроизводства, процесс восстановления хозяйства, разрушенного гитлеровской Германией*».[1]

В районах, освобожденных Красной Армией от оккупации, оставалось только 17% рабочих от их довоенной численности. Производственные фонды уменьшились в 7,7 раза. Тракторов, учтенных в эвакуационных документах, возвращенных по реэвакуации и сохраненных на местах, оставалось 50%, комбайнов — 58%. Техника, сохраненная в условиях оккупации, была, как правило, неисправна. Поголовье скота сократилось: лошадей — на 77%, крупного рогатого скота — на 60%, овец и коз — на 70%, свиней — на 90%.[2]

Восстановление хозяйства бывших в оккупации областей началось сразу же после их освобождения. 3 января 1942 г. ГКО принял постановление «О восстановлении железных дорог», 13 апреля 1942 г. — «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии», 23 января 1943 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов», 22 февраля 1943 г. постановление ГКО «О восстановлении угольных шахт Донбасса». Данные постановления касались в основном отраслевых наркоматов и местных органов власти. Они не имели характера общегосударственных мероприятий с плановыми заданиями для отраслевых контрагентов и поставщиков промышленной продукции, производимой непосредственно для освобожденных районов.

В 1943 г., когда Красная Армия освободила 2/3 захваченных территорий, в том числе левобережную Украину, Донбасс, Тамань, Орловщину, Смоленщину, вступила в Белоруссию, восстановитель-

[1] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1947. С. 55.

[2] Там же. С. 56.

ные работы, проводимые в рамках мирной экономики, были включены в общехозяйственный план военно-экономического развития СССР. 21 августа 1943 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[3].

Данным постановлением было предусмотрено возвращение скота, эвакуированного в восточные районы, колхозам Калининской, Смоленской, Курской, Орловской, Сталинградской, Ростовской и других освобожденных областей с указанием, из какой области должен быть получен скот. Предусмотрены были меры по увеличению поголовья скота методами закупки, контрактации, взаимообмена с восточными и центральными областями, восстановлению птицеводства и др. Для помощи колхозам и совхозам семенами для озимого сева 1943 г. был предусмотрен отпуск в порядке ссуды из государственных резервов 55 тыс. т зерна и 40 тыс. т из резервов Госсортфонда, Госстрахфонда и предприятий Заготзерно в порядке обмена на озимые культуры яровой пшеницы, проса, ячменя и т. д. Установлено было количество по областям МТС и МТМ, подлежащих восстановлению в 1943 г., количество сельхозмашин, подлежащих отгрузке в соответствующие области от конкретных поставщиков.

На восстановление железнодорожных вокзалов, станций, путевых казарм и жилых зданий государственного жилого фонда Наркоматом промышленности строительных материалов были предусмотрены соответствующие лимиты. Постройка нового жилья взамен разрушенного во время войны предусматривалась за счет местных стройматериалов. Восстановление крупных промышленных предприятий производилось по титульным спискам, либо за счет резервов соответствующих наркоматов. Бюджетом 1943 г. предусматривалось выделение 33,1 млрд руб. на финансирование капитальных вложений по народному хозяйству и 37,7 млрд руб. на социально-экономические и культурно-бытовые нужды. Для детей-сирот предусматривалась организация суворовских военных училищ, специальных ремесленных училищ, социальных детских домов и детских приемников-распределителей.

Объем жилищного строительства в годы Великой Отечественной войны в среднем за год был на 12% выше предвоенного уровня.[4] За 1941–1945 гг. капитальные вложения в хозяйства Москвы

[3] Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917– 1959. М.: Советская энциклопедия. 1961. С. 410.

[4] *Журавлев А. М.* и др. Архитектура Советской России. М.: Стройиздат. 1987. С. 179.

превысили 1 млрд руб. Они расходовались не только на поддержание инфраструктур города и его сооружений — продолжалось, например, и строительство московского метро. В 1943–1944 гг. была завершена его третья очередь, созданная на более высоком техническом уровне, чем две первые. О высоком уровне качества построек военного времени в какой-то мере свидетельствует оригинальное художественное исполнение станции «Электрозаводская», хотя в целом, конечно же, гражданское строительство велось в условиях предельной экономии средств. Использовались местные материалы, не хватало металла, ощущалась острая необходимость в цементе качественных марок. Не хватало мужской рабочей силы, особенно квалифицированной. Жилые постройки военной поры — это в основном малоэтажные здания с предельной плотностью застройки из-за экономии средств на инженерную инфраструктуру.

Предстояло восстановить 1710 разрушенных городов, более 70 тыс. сел и деревень, около 32 тыс. промышленных предприятий. Такие крупные города с историческим наследием старого русского зодчества, как Сталинград (Царицын), Псков, Смоленск и Новгород (Великий Новгород) были практически полностью уничтожены (Новгород сохранил 30% довоенных построек, Псков — 5,7%, Смоленск — 8%). Общий ущерб, нанесенный стране, был равен 14 годовым бюджетам предвоенных лет[5].

В ноябре 1945 г. было принято постановление правительства о восстановлении 15 древних русских городов, в их числе: Вязьма, Смоленск, Ростов-на-Дону, Новороссийск, Псков, Новгород, Воронеж, Тверь (Калинин), Курск и другие. Восстановление Сталинграда началось в 1943 г. Был разработан новый генеральный план, призванный радикально реконструировать его структуру, вытянувшуюся на 70 км вдоль Волги.

Архитекторы стремились отобразить величие Победы советского народа в Отечественной войне. Комплекс высотных зданий в Москве, «сталинские дома» в Московском и Приморском районах Ленинграда, вокзалы в Курске, Орле, Пушкине, здания театров в Калуге, Сталинграде, павильоны ВДНХ и многие другие капитальные здания проектировались и разрабатывались во время войны и в первые послевоенные годы. В целях обеспечения высококачественных работ по восстановлению городов и населенных пунктов архитектурными и планировочными специалистами. 29 сентября 1943 г. постановлением СНК СССР был образован Комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР. Руководство Комитета распро-

[5] Там же. С. 179.

странялось на всю строительную и планировочную деятельность независимо от ведомственной принадлежности. В Москве, Ленинграде, Киеве, столицах союзных и автономных республик были организованы управления по делам архитектуры, а в областных центрах — отделы по делам архитектуры.

Журнал «Архитектура» в своей передовой статье за октябрь 1943 г. отмечал, что *«в основу строительства новых жилых домов должен быть положен принцип удобства для живущих в них, чтобы эти дома были не только хороши снаружи, но внутри удобны для жилья, а общественные здания — практически пригодны для предназначенных целей. И при этом следует избегать всяческих выкрутасов. Строительство должно быть целеустремленным, красивым, радующим взгляд, но не вычурным и не претенциозным. Желательно распространение архитектурного влияния на нашу колхозную деревню, как в популяризации типовых домов, так и в планировке колхозных улиц».*[6]

Первоочередному восстановлению подлежали наименее разрушенные предприятия, электростанции, угольные шахты и предприятия черной металлургии. Оборонная промышленность Урала, Сибири и Поволжья с 1943 г. стала не только кузницей Победы, но и материальной базой восстановления хозяйства освобожденных районов. Перераспределение ресурсов происходило в условиях изменения капитальных вложений в пользу освобожденных районов:

Таблица 28. **Изменение удельного веса капиталовложений в промышленность по экономическим районам СССР в 1940–1944 гг. (в% к общим объемам)**

Экономические районы	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Дальний Восток и Восточная Сибирь	14,9	13,9	11,5	7,9
Урал и Западная Сибирь	13,1	38,7	39,5	22,1
Средняя Азия и Казахстан	5,2	9,2	10,5	6,7
Закавказье	5,2	3,4	2,5	2,9
Промышленный Юг	11,8	0,4	2,3	20,2
Промышленный Центр	23,6	14,2	18,3	23,3
Промышленный Юго-Восток	7,9	13,4	10,5	9,4
Север и Северо-Запад	15,2	6,8	4,7	5,6
Промышленный Запад	3,1			1,9
Всего	100%	100%	100%	100%
В том числе: — тыловые районы	23,2	61,0	60,0	37,0
— прифронтовые и пограничные районы	53,2	35,3	32,2	32,0
— территории, подвергшиеся оккупации	26,6	3,7	7,8	31,0

Источник: История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5. С. 352.

[6] Архитектура СССР. 1943. №6. С. 1.

Из вышеприведенных данных видно, что по мере освобождения территории страны от оккупации, в 1943 г. и особенно в 1944 г., в общем объеме капитальных вложений резко возрастает удельный вес районов, освобожденных от вражеских войск, и снижается с 60% в 1943 г. до 37% в 1944 г., доля тыловых районов СССР. К концу войны несколько сократилась доля Средней Азии и Казахстана и возрос удельный вес Центра, бывшего перед войной мощной базой отраслей тяжелой индустрии — и прежде всего машиностроения. О том, как интенсивно набирали мощь восстанавливаемые предприятия Центрального промышленного района, можно судить по примеру Подмосковного угольного бассейна, где уже в 1945 г. было добыто в два раза больше угля, чем до войны, и удельный вес которого в общем топливном балансе поднялся с 6,1% в 1940 г. до 13,6% в 1945 г. Особенно был заметен рост капиталовложений в Южный промышленный район — с 0,4% в 1942 г. до 20,2% в 1944 г., ибо восстановление его промышленности имело первостепенное значение для экономики всей страны.

В 1944 г. капитальные вложения в народное хозяйство всех освобожденных районов возросли по сравнению с 1943 г. в 4,6 раза. Государство выделяло крупные ассигнования на восстановление народного хозяйства по республиканским бюджетам Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии и Эстонии. Бюджеты этих республик увеличились с 6,7 млрд руб. в 1944 г. до 14,3 млрд руб. в 1945 г. Осенью 1943 г. СНК СССР выделил целевым порядком 429 млн рублей Белоруссии на восстановление хозяйства. В 1944 г. Белоруссия получила 491 млн руб. дотационных средств, что составило более 60% ее республиканского бюджета. В 1945 г. ассигнования из Центра в виде помощи бюджетам республик, пострадавшим в годы оккупации, выросли в 2,5 раза против 1944 г.[7]

Восстанавливать разрушенное оккупацией и боевыми действиями хозяйство пострадавших районов помогали также в порядке шефской помощи тыловые районы, промышленные предприятия, города, республики. Восстанавливать Днепрогэс приехали 25 тыс. молодых рабочих и колхозников. В восстановительных работах участвовали 120 промышленных предприятий из 53 городов. На возрождение экономики Донбасса в 1944 г. было выделено ассигнований в шесть раз больше, чем в 1943 г. При этом Донецкому бассейну было выделено 25% всех капиталовложений, направленных на восстановление энергетики бывших оккупированных районов, 43,2% капиталовложений по восстановлению тяжелого ма-

[7] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Наука, 1977. С. 575.

шиностроения, 63,2% — на восстановление черной металлургии и 90% — на подъем угольной промышленности.[8]

В восстановлении Донбасса, Приднепровья и Криворожья участвовали 37 промышленных предприятий Москвы. Из Челябинской области было доставлено 153 вагона с оборудованием, материалами и инструментами. Из Кемеровской области более 200 вагонов с оборудованием, станками и инструментами. Оборудование для шахт Донбасса досрочно было изготовлено в Караганде. Из Куйбышевской и Ярославской областей было доставлено оборудование для восстановления доменного производства и прокатных станов.

В целом по Южному промышленному району к концу 1945 г. было введено в действие 30% довоенной мощности на заводах черной металлургии, свыше 35% железнодорожной промышленности, 44% машиностроения, 56% шахт по добыче марганца. На заключительном этапе военных действий в годы Второй мировой войны, Южный промышленный район производил продукцию на 95 машиностроительных заводах (из 108 работавших до войны), на 35 мартеновских и 14 доменных печах, 38 прокатных станах и 2 бессемеровских конвертерах. Электроэнергией их обеспечивали 35 восстановленных электростанций.

Наряду с восстановлением и монтажом реэвакуированных предприятий в новых цехах на Украине уже во время войны было создано девять новых машиностроительных заводов. Кроме того, в конце 1944 г. было начато строительство еще четырех заводов, среди которых были достаточно крупные промышленные объекты — львовский и одесский автосборочные заводы. За два года после освобождения Донбасса было восстановлено 129 основных и 899 средних и мелких шахт. Его удельный вес в добыче угля в стране вырос с 4,8% в 1943 г. до 26,7% в 1945 г., и он снова стал основным угледобывающим бассейном СССР. К концу войны было восстановлено 8252 промышленных предприятия, однако по общему производству промышленной продукции Украина производила только 30% от довоенного объема. Представляется, что этот показатель наиболее точно характеризует степень разрушений, причиненных войной.

Вместе с тем, в экономической историографии не существует однозначных суждений о степени разработанности проблемы военной экономики СССР на завершающем этапе Великой Отечественной и Второй мировой войны. Например А. В. Митрофанова отмечает, что в научном освещении проблемы перевода народного хозяйства на военные рельсы и перестройки промышленности сделано нема-

[8] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. В 2 т. Т. 2. Киев: Политиздат Украины, 1975. С. 436.

до, но специальных исследований о развитии промышленности и сельского хозяйства в 1943–1945 гг. все еще недостаточно, особенно по узловым вопросам военной и гражданской экономики, и это серьезный пробел в экономической историографии Великой Отечественной войны[9].

Зарубежная историография традиционно рассматривает положение советской экономики указанного периода с точки зрения инвестиций. Поскольку война продолжалась, и в восточные районы страны в 1943–1944 гг. по-прежнему направлялось от 30% до 40% всех капиталовложений, то, например, М. Харрисон делает вывод, что основными источниками финансирования восстановительных работ стали многочисленные налоги, военные займы, лотереи, народные фонды обороны или помощи семьям фронтовиков и т. д. Подобную точку зрения разделяют немецкие исследователи В. Хаффнер и В. А. Бельке. «*Советский Союз и на завершающем этапе войны был поставлен в ужасно невыгодное положение, поскольку ему приходилось изыскивать ресурсы для ведения войны из быстро уменьшающейся общей численности ресурсов и, в то же время, отвлекать часть ресурсов на восстановление разрушенного производства. Финансовое дело в 1943–1945 гг. испытывало в СССР серьезные затруднения*»[10].

Советские исследователи придерживались в основном положений, высказанных Н. А. Вознесенским о том, что в восточных районах страны происходил процесс расширенного воспроизводства, что давало возможность поддерживать состояние военной экономики в набранном в 1943 г. темпе развития и в то же время перераспределять часть ресурсов из восточных районов страны на восстановление районов, освобожденных от оккупации. С 1944 г. большая часть совокупного общественного продукта, национального дохода СССР, отмечал Я. Е. Чадаев, наряду с обеспечением военных расходов направлялась на увеличение фонда накопления и фонда потребления, а затраты на социальные мероприятия вновь значительно увеличились и превысили довоенный уровень. Начиная с 1944 г. происходил процесс снижения удельного веса военных расходов и переключения более значительных материальных ресурсов на удовлетворение гражданских нужд[11].

Историки-экономисты Института экономики АН СССР в своем

---

[9] *Митрофанова А. В.* Освещение в советской историографии важнейших вопросов экономики и истории рабочего класса 1941–1945 гг. С. 113, 117.

[10] Цит. по: *Мерцалов А. Н.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1979. С. 126.

[11] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 118–119, 141, 144.

фундаментальном исследовании «Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг.»[12] отмечали, что большая работа, проведенная по реализации военного производства, поисковое развитие научной мысли, рабочая рационализация и изобретательство, общие усилия всех работников, начиная от инженера-конструктора и кончая слесарем и токарем, привели к значительному сокращению непроизводственных издержек и снижению себестоимости военной продукции на 30–35% при одновременном улучшении ее качества. Каждый выстрел из пушки крупного калибра стоил в 1943 г. на 30% меньше, чем в 1940 г., среднего калибра — на 45, минометный выстрел — на 50, авиабомбы и авиавыстрелы — на 60% меньше. Общая экономия от снижения себестоимости (и соответственно цен) на военную продукцию составила с конца 1942 г. до середины 1945 г. более 50 млрд руб. Именно данные средства составили источник инвестиций в восстановление разрушенного хозяйства в ходе войны и частично стали источником самофинансирования военного производства.[13]

В. Л. Пянкевич в книге «Восстановление экономики СССР (середина 1941 — середина 1950-х гг.)», справедливо указывает, что зарубежные историки-экономисты совершенно игнорируют рассмотрение такого аспекта, как коренное изменение технологии и организации военного производства, произошедшее в 1943–1945 гг. — массовый переход на поточные и конвейерные методы сборки, широкое внедрение штамповки, электросварки, непрерывного литья, внедренного впервые в истории металлургии благодаря оригинальным способам его оснастки и т. д. Вместо роста производительности труда зарубежными историками рассматривается лишь увеличение продолжительности рабочего дня в годы войны в СССР и «драконовские» меры по наведению трудовой дисциплины: вместо обработки статистических данных по снижению накладных расходов подсчитываются снижение покупательной способности рубля и падение реальной заработной платы. Наконец, полностью игнорируется такой вопрос, как экономия материалов, которая, как известно, позволила СССР при сокращении производства металлов в годы войны производить в два раза больше вооружений, чем производила Германия и ее европейские союзники.[14]

В современных условиях, когда критика сталинизма и команд-

[12] См.: История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5. М.: «Наука», 1978.

[13] Там же. С. 496.

[14] *Пянкевич В. Л.* Восстановление экономики СССР (середина 1941 — середина 1950-х гг.). СПб: Нестор, 2001. С. 68.

но-административной системы стала общим местом, несомненно, диссонансом будут звучать оптимистичные и ура-патриотические суждения о быстром и безболезненном восстановлении советской экономики в 1943–1945 гг. Подобного рода работы публиковались в советское время, и их было достаточно много. Бесспорно, что Вторая мировая война стала экономической катастрофой для всей Европы, в том числе и для СССР. Политические итоги войны и послевоенные расчеты между победителями и побежденными следует отделять от материального и экономического ущерба, нанесенного разрушительным характером войны. Это: уничтожение производственного потенциала, вывод из строя транспортной инфраструктуры, нарушение планового ритма хозяйственного механизма и всей ранее отлаженной экономической организации общества, имущественный материальный ущерб, нанесенный населению страны, демографические последствия войны, сокращение посевных площадей и массовый забой скота, отвлечение трудовых ресурсов от производственных целей, непроизводительное использование материальных ресурсов, резервов и запасов и многое другое.

Война для СССР не была «большим бизнесом» как, например, для США, поскольку она велась, как известно, не на территории Америки. Оккупированные области подверглись разрушительному воздействию средств уничтожения материальных, человеческих и экономических ресурсов, поскольку по ним дважды прокатился огненный вал войны. СССР не мог выйти из войны более окрепшим, чем Соединенные Штаты, поэтому не следует искать причины послевоенной бедности советских людей в «нерыночном» устройстве советской экономики и «недемократической» системе управления, как это делают американские экономисты.

В этой связи особенно острой критике сегодня подвергаются действия советского руководства по отношению к русскому крестьянству. В 1990-е годы ряд исследователей стали затрагивать проблему военного голода, поразившего не только блокадный Ленинград, но и колхозную деревню, существовавшую только за счет личного подсобного хозяйства, поскольку почти вся произведенная в колхозах продукция изымалась, как в годы продразверстки.

В советской научной литературе, основывавшейся на общесоюзных и региональных материалах, высказывались противоречивые суждения о состоянии сельскохозяйственного производства в годы войны. Несомненно, что резко возросший забой скота повлек ощутимое сокращение его поголовья. Несомненно, что резко ухудшились условия механизации труда в деревне военного времени. О том, что в 1943–1944 гг. на полях Курской, Воронежской, Орлов-

ской и Тамбовской областей в качестве тяговой силы использовалось около 400 тыс. коров, писали еще в советское время.[15] Где не было коров, пахали на себе. В 1943 г. свыше 70% всех сельскохозяйственных работ было выполнено живым тяглом и ручным трудом. Колхозники на своих плечах за десятки километров доставляли семенное зерно. Не всегда выделялся транспорт для уборки урожая.

По мнению М. Н. Денисевича, в 1943–1944 гг. деревня подошла к рубежу «катастрофы».[16] Автор, правда, не поясняет, что означает этот термин в экономическом смысле. По нашему мнению, «катастрофа» означает вымирание села — а это происходит сейчас, в мирное, отнюдь не военное время. Современная рыночная Россия стала экспортером зерна вовсе не потому, что деревня процветает экономически, а потому что практически полностью за время реформ было уничтожено животноводство и птицеводство. Поголовье скота в современной России в десятки раз меньше, чем было во время Великой Отечественной войны.

М. Н. Денисевич считает, что командно-административные перегибы, а не война подвели село к катастрофе. Но разве государственная экономическая политика проводится только командно-административными методами? Голод в дореволюционной российской деревне случался, как известно, раз в три года. Происходил он именно в рыночных условиях, в особенности его последствия стали принимать катастрофические размеры после аграрно-капиталистических реформ С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Это были условия мирного времени, но мы знаем, что случилось на продовольственном фронте во время войны, в 1917 г. Нам представляется, до подобного в 1943–1944 гг. не дошло ни в советской деревне, ни в советских городах.

Продовольственная проблема — одна из самых важных экономических проблем двух минувших мировых войн. В отличие от войн предыдущих столетий она приняла государственный масштаб, поскольку европейские страны и США стали странами промышленными, с подавляющим преобладанием городского населения. Продовольствием необходимо было снабжать не только армию, но и гражданское население. Отличительными чертами для всех воюющих стран в годы Второй мировой войны стали:

а) многомиллионная численность армий;

---

[15] См., напр.: *Лосев А. В.* Партийные организации центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства. 1945–1964. Воронеж, 1965. С. 15.

[16] *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства в политике Советского государства в 30-х — первой половине 80-х годов: Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1993. С. 26.

б) высокая маневренность войск и высокоскоростной характер их передвижения;

в) широкомасштабность боевых действий войск — как в пространственном измерении, так и по линии фронтов;

г) продолжительные сроки мировых войн (в отличие, например, от локальных и региональных конфликтов);

д) разрушительное воздействие на экономику боевых средств, применяемых авиацией и артиллерией, ракетного оружия и самой тактики ведения «тотальной войны»;

е) обширность территорий, попавших в зоны оккупации и ставших ареной изнурительных боев, в особенности на европейском континенте.

Недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве вследствие мобилизации в армию и военную промышленность, нехватка машин, горючего, минеральных удобрений в связи с резко возросшим потреблением армией материальных ресурсов страны, нарушение импорта продовольствия — все факторы вкупе с вышеперечисленными были вызваны особенностями мировых войн и привели к сокращению ресурсов продовольствия воюющих стран. Формирование военного хозяйства означало глубокое изменение производственной структуры народного хозяйства, новые пропорции в использовании материальных ресурсов и рабочей силы, перераспределении национального дохода, перестройку государственного аппарата управления, распределения, снабжения и т. д.

Сельское хозяйство Англии и США, как и в первую мировую войну, было в более благоприятном положении по сравнению со странами Европейского континента, поскольку их территории не являлись ареной боевых действий. Меньшие разрушения война принесла тем европейским странам, которые не сопротивлялись немецкой военной машине. Страны Британского Содружества и государства Американского континента располагали большими возможностями внешней торговли и импорта, в частности, импорта продовольствия, сельскохозяйственных машин и тракторов, минеральных удобрений и т. д. Низкий удельный вес сельскохозяйственного населения, незадействованные пахотные площади и наличие резервной армии труда позволили в годы Второй мировой войны островному населению Англии увеличить посевы зерновых культур на 57%, а сбор зерна — на 68% по сравнению со средними данными за предвоенное пятилетие (1934–1938 гг.).

По сути дела, две мировые войны возродили сельское хозяйство Англии, которое практически было сведено на нет промышленно-торговым и посреднически-ростовщическим развитием английской

экономики в предшествующее столетие. Однако несмотря на попытку обеспечить население собственным продовольствием, его недостаток восполнялся значительным импортом. Кроме того, в Великобритании также, как и в США, Канаде, Новой Зеландии, Австралии, Германии, Японии, Италии, Индии, Турции, Алжире, Тунисе и других странах, пришлось ввести государственное нормирование продуктов питания.

Оценивая эту акцию, английский экономический журнал «Business Week» отмечал в 1941 г., что *«английская общественность рассматривала введение нормирования как проявление слабости экономики и характерную особенность тоталитарных государств. Под влиянием этой догмы мы слишком долго не прибегали к нормированию, дольше, чем это было разумно. В действительности же, при правильном планировании, нормирование потребления является элементом реальной экономической мощи во время войны... запасы, которые были накоплены государством и торговыми фирмами на случай чрезвычайных обстоятельств, были исчерпаны вскоре после начала военных действий. Теперь же, чтобы создать эти запасы, приходится занимать под поставки продовольствия ценный тоннаж, необходимый для ведения войны»*[17].

Нормирование снабжения населения товарами народного потребления было введено в СССР постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей»[18]. Этим постановлением, помимо Москвы и Ленинграда, карточная система была установлена в 14 городах и 11 районах Московской и в 7 городах и 6 районах Ленинградской области. Она распространялась на реализацию хлеба, хлебобулочных изделий, муки, крупы, макарон, сахара и кондитерских изделий, жиров, мясных и рыбных продуктов.

В остальных районах Советского Союза карточная система вводилась в разные сроки, в первую очередь, на хлеб, сахар, кондитерские изделия, мясные и рыбные продукты. Так, с 15 августа 1941 г. карточки на хлеб были введены в городах, рабочих поселках и поселках городского типа приказом Наркомторга от 12 августа 1941 г.

---

[17] Цит. по: *Черняевский У. Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1964. С. 12.

[18] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 705.

для Свердловской, Челябинской, Пермской, Горьковской, Ярославской, Тульской и Ивановской областей, а также для Башкирской и Татарской АССР. К 10 ноября 1941 г. карточная система снабжения населения хлебом, сахаром, мясными и рыбными продуктами, жирами, крупами и макаронами охватила все без исключения города и рабочие поселки страны.

Введение карточной системы являлось необходимой мерой вследствие сокращения производства продуктов питания и отсутствия возможностей восполнить недостаток продовольственных товаров импортом. В годы войны производство продукции пищевой промышленности сократилось в целом по Союзу от 20 до 80% (табл. 29).

Таблица 29. **Продукция пищевой промышленности СССР в 1940 и 1945 годах (в млн цент.)**

№ п/п	Продукция	1940 г.	1945 г.	1945 г. к 1940 г.
1	Мука	287.9	145.3	51
2	Хлеб и хлебобулочные изделия	239.9	109.9	46
3	Крупа	16.6	10.5	63
4	Макаронные изделия	3.2	2.4	75
5	Сахар-песок	21.5	4.7	22
6	Кондитерские изделия	7.9	2.1	27
7	Растительное масло	8.0	2.9	37
8	Животное масло и др. молочные продукты в пересчете на молоко	65	29	45
9	Сливочное масло	2.3	1.1	55
10	Сыр	0.42	0.25	59
11	Мясо	15.0	6.6	44
12	Колбасы и копчености	3.9	1.4	36
13	Рыба (улов)	13.9	11.1	80
14	Консервы (млн условных банок)	1113	556	50

Источник: Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированию снабжения. М.: Госторгиздат. 1948. С. 19.

Нормирование потребления продуктов устанавливалось не только в целях его ограничения. Нормы потребления обеспечивались соответствующими постановлениями и своевременным подвозом продуктов, являясь, таким образом, ***гарантированной нормой питания*** для городского населения. Поскольку такого рода гарантии подрывают стимулы к труду, нормы снабжения обычно дифференцируются по производственному и социально-половому признаку. Людям, занятым тяжелым физическим трудом, устанавливаются повышенные нормы питания. Детям и кормящим матерям устанавливаются льготные нормы. Работникам важных оборонных от-

раслей устанавливаются нормы питания, приближенные к фронтовым.

Население, снабжающееся по карточкам, делилось в СССР на четыре категории: а) рабочие и приравненные к ним; б) служащие и приравненные к ним; в) иждивенцы и приравненные к ним; г) дети до 12 лет включительно. Карточная норма хлеба для рабочих и служащих расчленялась на две категории. По первой, более высокой категории, снабжались рабочие и служащие производственных предприятий оборонной, топливной, химической и некоторых других важных отраслей промышленности (металлургии, машиностроения и др.), а также работавшие на стройках, на железнодорожном и морском транспорте, на речном транспорте основных бассейнов и на отдельных предприятиях, отнесенных к первой категории специальными решениями правительства.

Рабочие и служащие отдельных отраслей промышленности и народного хозяйства, а также работавшие в указанных выше отраслях, но не непосредственно на самом производстве, а в управленческом аппарате или обслуживающие предприятия, снабжались по нормам второй категории. Помимо этого, для рабочих ряда профессий в отдельных отраслях народного хозяйства были установлены более высокие нормы снабжения хлебом — от 650 до 1000 г в день. Все большая часть рабочих и инженерно-технических работников в городах снабжалась по повышенным нормам, а также по нормам первой категории. В конце 1944 г. по норме второй категории, составляющей в годы войны 500 г в день, снабжалось менее 40% всех рабочих и инженерно-технических работников в городах, а по нормам от 600 до 1000 г — более 60%.[19]

Для некоторых категорий рабочих были установлены еще более высокие нормы снабжения по особому правительственному списку. Повышенные нормы снабжения распространялись на подземных рабочих в угольной и других отраслях, связанных с подземными работами, на литейщиков, стеклодувов и стекловаров, металлургов горячих цехов и других. Особо повышенные нормы на мясные продукты, жиры, крупу и макаронные изделия были в 2,5 раза выше обычной нормы снабжения по рабочей карточке. По обычной рабочей карточке (карточка для рабочих и ИТР промышленности, транспорта и связи) можно было получить в месяц (в кг): мясных и рыбных продуктов — 1,8; жиров — 0,4; крупы и макаронных изделий — 1,2. Особый список — соответственно 2,2; 0,6; 1,5. Повышен-

[19] *Черняевский У. Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1964. С. 74.

ные нормы — 3.2: 0.9: 2. Особо повышенные нормы — 4.5: 1; 3.[20]

В целях повышения производительности труда осуществлялись различные меры, направленные на повышение эффективности нормированного снабжения. К ним относились возврат рабочими и служащими выданных им карточек при уходе с предприятий; перерегистрация рабочих карточек в середине месяца в целях снятия со снабжения лиц, ушедших с предприятия, либо перешедших на более легкую работу; снабжение надомников по рабочей норме только при условии выполнения ими производственного плана; снятие со снабжения жирами и мясом трудоспособных лиц, уклоняющихся от работы.

С другой стороны, в целях большей заинтересованности рабочих в переходе на физически тяжелые условия труда, где полагалось снабжение по более высоким нормам, рабочий сразу же получал талоны на дополнительное количество продуктов в размере разницы между прежней и новой полагавшейся ему нормой. Житель пригорода, где карточной системы не было, при поступлении на работу в город или на предприятие, снабжавшееся по карточкам, получал карточку наравне с остальными рабочими — жителями города.

На многих предприятиях для рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки, а также имевших удлиненный рабочий день, было введено второе горячие питание за счет государственных фондов продовольствия в пределах предоставленных предприятиям лимитов. Дополнительное питание было установлено и для молодых рабочих, окончивших ремесленные училища и школы фабрично-заводского ученичества. При пересчете набора нормированных продуктов по их калорийности, дифференциация норм снабжения по отраслям производства достигала следующих величин (табл. 30).

Важнейшим организационным мероприятием, связанным с осуществлением нормированного снабжения, явилось создание ОРСов — отделов рабочего снабжения. Организация ОРСов началась в феврале 1942 г. на ведущих предприятиях оборонной, угольной, химической промышленности и черной металлургии. Впоследствии ОРСы стали создавать и на предприятиях других отраслей промышленности, а также на транспорте, в учебных заведениях и некоторых других организациях. На протяжении 1942 г. было организовано около 2 тыс. ОРСов. К январю 1944 г. число их пре-

[20] Краткий справочник по отнесению населения к группам снабжения при выдаче продовольственных и промтоварных карточек. Наркомторг. 1944. С. 5, 18, 24.

Таблица 30. **Калорийность нормированных продуктов, получаемых различными отраслями в I квартале 1945 г. (Наркомтекстиль принят за 100%)**

Наркомуголь	— 160	Наркомчермет	— 130
Наркомтанкпром	— 150	Наркомсредмаш	— 127
Наркомбосприпасов	— 146	Наркомстрой	— 126
Наркомнефть	— 146	Наркомтяжмаш	— 124
Наркомбумпром	— 124	Наркомлегпром	— 104
Наркомсудпром	— 123	Наркомтекстиль	— 100

Источник: *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1964. С. 78.

вышало уже 4 тыс., к январю 1945 г. — 7 тыс., а к 1 июля 1945 г. было уже более 7,7 тыс. ОРСов. К концу Великой Отечественной войны 48% всех лиц, находившихся на нормированном снабжении, обслуживали ОРСы. Им, по ходу войны, были переданы имущество и предприятия Наркомторга, кооперативных, профсоюзных и других организаций, обслуживавших ранее рабочих и служащих заводов, фабрик и строек. Для организации собственного сельскохозяйственного производства ОРСы получили ряд хозяйств из различных систем — трестов пригородных совхозов, Наркомсовхоза, садово-парковых хозяйств и т. д. Вновь созданные ОРСы стали получателями государственных рыночных фондов товаров и были поставлены в весьма благоприятные условия работы.

Война, как известно, способствует «пролетаризации» и «милитаризации» общества, поскольку его выживание напрямую зависит от рабочих и солдат, обеспечивающих производственный и военный потенциал страны. Менее всего данные процессы связаны с теориями «пролетарской политэкономии» или либеральной экономики. В лучшем случае влияние данных теорий находит свое отражение в господствующей терминологии, поскольку нормирование и дифференциация снабжения продовольствием различных производственных и социальных групп населения существовали во всех воюющих странах.

Для руководства продовольственным снабжением в Англии в 1940 г. было создано Министерство продовольствия. По каждому важному продукту питания Министерством были назначены особо уполномоченные чиновники (Area Commodity Officers), координировавшие распределение продуктов в административных округах и промышленных центрах. Кроме образованных таким образом местных продовольственных органов, существовали продовольственные контрольные комитеты (Food Control Commitets), наблюдавшие за

организацией распределения и устанавливавшие список различных торговых организаций, которым выделялись нормируемые продукты на реализацию.

Таким образом, в Англии в годы Второй мировой войны также существовала государственная монополия на продовольствие. Отличие состояло лишь в том, что государство делегировало часть своих властных полномочий уже существующим на продовольственном рынке страны монопольным образованиям. Контролерами Министерства продовольствия по группам и видам товаров являлись: по бекону — Бодума, председатель крупнейшего концерна по торговле беконом; по мясу — Диконс, директор крупного мясопромышленного концерна; по чаю — Кар, директор фирмы, контролирующей заготовку чая на чайных плантациях и его реализацию в Англии; по зерну — Рэнк, директор «Рэнк лимитед» — крупнейшего английского мукомольного концерна; по сахару — Лайл, директор сахарной компании «Тейд энд Лайл» и другие.[21] *«Идеалом военной экономики,* — отмечал в годы войны известный английский экономист У. Кларк, — *является такое хозяйство, где каждый мужчина или женщина деятельно трудятся, где каждый фунт стерлингов предназначен для финансирования войны и где производятся лишь те товары и обеспечиваются лишь те услуги, которые необходимы для ведения войны и для поддержания здоровья и духа населения. Если экономическая организация не удовлетворяет этим требованиям, то либо национальное напряжение оказывается ниже потенциальной возможности, либо уровень жизни народа приносится в жертву в большей мере, чем это необходимо. Чем ближе военно-экономическая организация общества приближается к идеалу, тем больше орудий мы сможем получить с наименьшей урезкой потребления масла».*[22]

«Военный социализм» (по выражению У. Кларка) существовал не только в Англии, но и в США. Дональд Монтгомери, сотрудник Министерства земледелия США (осуществлявшего нормированное распределение продовольствия во время Второй мировой войны) восхищался тем, что «*мистеру Вандербильду* (известному американскому миллиардеру. — *А. М.*) *позволяется купить полфунта сахара в неделю, точно также, как издольщику в Миссисипи. Такой порядок должен господствовать и в послевоенном мире, если только революция справедливости продолжится. И хотя послевоенный порядок может быть и не столь жестоким и всеохва-*

[21] *Шнеерсов А. И.* Подчинение буржуазного государства монополиям. М.: Наука, 1956. С. 301.

[22] *Clarke W.* The Economic Effort of London, 1940. P. 14.

тывающим, как в годы войны, основы его должны сохраняться».[23]

Данное высказывание весьма симптоматично. Оно как нельзя лучше характеризует основы военно-экономического сотрудничества СССР — социалистического государства и Великобритании и США — государств с капиталистической экономикой. В годы войны перестройка экономики США и Великобритании на военный лад привела к определенной «конвенции» капитализма в сторону «военного социализма». Именно по данной причине функционирование советской экономики в годы Второй мировой войны подвергалось со стороны советологов наименьшей критике по сравнению с довоенным и послевоенным периодами.

Критика военной экономики СССР, успешно решавшей задачи военного времени, велась и ведется по линии преемственности советской военной и послевоенной экономической политики. В зарубежной историографии период 1945–1953 гг. обычно трактуется как единое целое. Политический режим, методы контроля государства над обществом и экономической мобилизации масс, способы восстановления разрушенного войной хозяйства и роста объемов мирного строительства, впитали в себя, по мнению многих зарубежных авторов (Дж. Миллара, Ш. Фитцпатрика, Дж. Хафа, Т. Данмора, А. Ноува, Н. Верта, Дж. Хоскингса), стиль и логику экономического управления, сложившиеся в годы Великой Отечественной войны.

Ряд современных российских исследователей военной экономики СССР соглашаются с тем, что «демилитаризация» советской военной экономики плавно перешла в гонку вооружений, что послужило основной причиной консервации системы излишней централизации управления народным хозяйством и милитаризации труда, характерных для экономики военного времени *«сосредоточение сил и средств на наиболее приоритетных направлениях, наращивание промышленного потенциала и оборонной мощи в послевоенный период, сохраняло и консервировало подходы к экономическому управлению, оправданные лишь в годы войны».*[24]

Война углубила централизацию власти, склонной к тоталитарному, усилила авторитарность в мышлении советских людей — отмечала в своей работе Е. С. Сенявская.[25] Победа в войне, — считает

---

[23] Цит. по: *Шнеерсов А. И.* Подчинение буржуазного государства монополиям. М.: Наука, 1956. С. 206.

[24] *Быстрова И. В.* Военно-экономическая политика СССР: от «демилитаризации» к гонке вооружений. М., 1998. С. 106.

[25] *Сенявская Е. С.* Войны XX века как фактор историко-психологического развития российской цивилизации // Россия и мировая цивилизация: к 70-летию А. Н. Сахарова. М., 2000. С. 374.

О. Р. Лацис, — сохраняла уверенность, что сложившаяся в 40–50-е годы система планирования наилучшим образом выражает общественные интересы. Административная система, когда-то считавшаяся годной лишь для чрезвычайных военных условий, стала нормой.[26]

Вместе с тем, в современных условиях апологетики рынка некоторые зарубежные и российские историки-экономисты выдвигают суждения о том, что война, наряду с централизацией управления, не только не ограничивала использование нецентрализованных форм, но предоставила более широкие возможности для проявления смелых инициатив, причем не только решительным военачальникам на фронте, но и компетентным хозяйственным руководителям в тылу. Возрастающая в начальный период войны централизация экономики и милитаризация рабочей силы к завершению Великой Отечественной войны постепенно ослаблялась, а особенно — в послевоенный период, когда произошла демобилизация армии военного времени, усилились миграционные процессы, связанные с реэвакуацией техники и людей.

Сохранение мобилизационной экономики в СССР в послевоенный период, по нашему мнению, невозможно объективно истолковать без обращения к оценке демографической ситуации, сложившейся в СССР вследствие военных и гражданских потерь населения в годы войны. Советский Союз понес потери, несравнимые с потерями Англии, США и европейских государств. По сведениям немецкого экономиста Вольфрама Фишера, потери Советского Союза были, в процентном отношении к довоенному населению, почти в 2,5 раза выше, чем в европейских странах и в 10 раз выше, чем в странах Западной Европы (исключая Германию) (см. табл. 31).

Следует также иметь в виду, что в годы индустриализации произошли коренные изменения в территориальном размещении промышленных предприятий, развитии добывающих отраслей, транспортных коммуникаций, структуре сельского хозяйства. Экономическая политика довоенного периода предусматривала наиболее полное использование сырьевых, материальных и людских ресурсов, равномерное размещение крупной промышленности, приближение ее к источникам сырья и районам потребления, комплексное развитие хозяйства в основных экономических районах, подъем экономики и культуры народов национальных окраин, а также — военно-оборонительный аспект, требующий рассредоточения

[26] *Лацис О.* Выйти из квадрата. М., 1991. С. 48, 260.

Таблица 31. **Количественное соотношение граждан континентальных европейских государств и граждан СССР, погибших в годы Второй мировой войны (в тыс. чел.)**

Государство	Военные потери	Гражданские потери	Всего	% потерь от уровня довоенного населения	Рост удельного веса населения %	
					1939 г.	1949 г.
Австрия	230	104	334	4,5	1,2	1,3
Бельгия	7	100	107	1,1	1,6	1,6
Болгария	10	10	20	0,3	1,2	1,1
Венгрия	140	280	420	4,5	1,7	1,7
Германия	3760	3090	6850	7,0	12,9	12,9
Греция	50	500	550	3,1	1,3	1,4
Италия	175	80	255	0,6	8,2	8,7
Нидерланды	6	200	206	2,3	1,7	1,9
Норвегия	1	—	1	0,03	0,6	0,6
Польша	320	4200	4520	20%	6,5	4,6
Румыния	200	260	460	2,3	3,7	3,0
Финляндия	50	—	50	1,4	0,7	0,8
Франция	167	400	567	1,2	7,7	7,8
Чехословакия	150	220	370	2,4	2,8	2,3
Югославия	410	1280	1690	10%	2,9	3,0
Всего в Европе	5676	10 724	16 400	5,7%	—	—
СССР*	10 000	12 000	22 000	13%	25,5	27,0

Источник: *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество, государство. 1914–1980. С. 24.

* В. Фишер, приводя эти данные, считает, что потери СССР могут быть завышены. Удельный вес дан только для европейской части СССР.

промышленных объектов на территории страны. Как уже говорилось выше, вследствие военной угрозы, исходящей для России от Запада, в годы предвоенных пятилеток была создана мощная промышленная база на Востоке страны. Данная мера полностью себя оправдала в годы Великой Отечественной войны.

Война вызвала дальнейшие изменения в размещении промышленности и людских ресурсов на территории СССР. В восточных районах промышленное производство выросло почти в три раза. Такой рост промышленности не мог быть обеспечен лишь за счет местного трудоспособного населения. С 1942 по 1945 г. только для работы на предприятиях Челябинской, Свердловской и Пермской областей было мобилизовано из других регионов страны 150 тыс. человек.[27] Территориальное распределение и перераспределение рабочей силы вызвало изменение численности и удельного веса рабочих и служащих в районах Севера, Центра и Кавказа, резко возросла их численность в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке и т. д. Так, в промышленности Повол-

[27] *Соколов П. В.* Война и людские ресурсы. М.: Воениздат, 1961. С. 160.

жья и Урала она увеличилась на 65%, Западной Сибири — на 71%, Казахстана и Средней Азии — на 54%.[28]

Вместе с тем, несмотря на поощрение миграции рабочей силы на Восток страны мерами экономического стимулирования, там постоянно ощущались и ощущаются нехватка трудовых ресурсов, низкая плотность населения, неблагоприятная в целом демографическая ситуация. По оценке советского руководства, перспективы развития народного хозяйства и интересы обороноспособности страны требовали дальнейших сдвигов в географическом размещении населения.

В то же время качество трудовых ресурсов не представляет собой количественно определенную величину. В войну погибли в основном квалифицированные кадры, которые способны были участвовать в высокотехнологичной войне. После войны практически каждый высококвалифицированный специалист находился на персональном учете. «Мобилизационные предписания» на ту или иную работу для молодых специалистов и высококвалифицированных ИТР существовали в послевоенные годы по вполне объективным причинам.

Первая из них состояла в том, что только с 1939 г. до середины 50-х годов в СССР было построено 503 новых города и 1354 поселка городского типа, введены в строй десятки тысяч фабрик, заводов, электростанций и т. д. Но городское население (в городах, насчитывающих по 500 тыс. жителей и более) составляло в 1960 г. всего лишь 25% от общего населения страны. Так называемые «градообразующие объекты» получали из состава местного населения в основном неквалифицированную рабочую силу. Кадры, подготовленные в вузах крупных городов, не стремились на свою «малую родину», поскольку соответствующая социальная, культурная и жилищно-бытовая инфраструктура не могла в мгновение ока образоваться вокруг промышленного гиганта, построенного в течение одной пятилетки на сибирских месторождениях или сибирских реках. Логика послевоенного экономического управления всем народнохозяйственным комплексом диктовалась не демонической волей одного человека, не системой сталинизма и не командно-административными силами, а объективной потребностью освоения ресурсов страны собственными силами. Борьба за ресурсы, происходящая в мире, толкает развитые страны Запада на агрессивные военные действия, которые вплоть до настоящего времени активно ими практикуются.

[28] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 109–110.

Защита национального достояния, в которое входят и ресурсы, вынуждает национальные правительства проводить политику ускоренной индустриализации, укреплять вооруженные силы, осуществлять «тотальный контроль» за сепаратистскими, узконационалистическими настроениями и коррумпированными слоями общества. Запад всегда материально поддерживал данные слои, выдавая их за «борцов за свободу и права человека», которые в глазах национального правительства являются «пятой колонной». Задача экономического ослабления СССР, расчленения его территории не снималась с повестки дня идеологами Запада после поражения Германии. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции стали врагами вовсе не потому, что внутреннее устройство СССР было «деспотичным», и дружба с ним компрометировала европейских и американских либералов. Как известно, они прекрасно уживаются с марионеточными режимами, позволяющими им безнаказанно грабить национальное достояние «туземных» народов. Такого рода планы и политика, направленная на их реализацию, существуют и сегодня, хотя в России уже нет сталинизма, и она широко использует капиталистические нормы жизни.

Раздел III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПОБЕДЫ АНТИФАШИСТСКОЙ КОАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Глава 1
Экономическое поражение Германии в войне против СССР

Экономическое поражение Германии во Второй мировой войне следует рассматривать в контексте экономических процессов, происходивших в Европе. Гонка вооружений в 30-е, предвоенные годы, значительно усилила масштабы огосударствления экономики Германии. В период между двумя мировыми войнами они намного превосходили уровень, достигнутый в годы первой мировой войны. Вначале государство выступало лишь в качестве заказчика, затем начало контролировать ресурсы. В 1929–1933 гг. распределение сырья дополнялось регламентацией внешней торговли и валютного обращения, применявшихся с целью выполнения графика репарационных платежей, который срывался в условиях экономического кризиса. По ходу его преодоления, в условиях снижении активности левых партий и краха профсоюзов, имперское правительство начало воздействовать на инвестиционную политику, непосредственно управлять инвестициями и распределением рабочей силы по правительственным планам ликвидации безработицы.

Кризис 30-х годов резко усилил стремление к автаркии и защите национальных интересов, проявившимся в экономической политике всех государств Центральной Европы. Особенно ярко они нашли свое выражение в правительственной политике Германии и Италии. Автаркия рассматривалась сначала как вынужденное средство в условиях частичной потери Германией экономической самостоятельности, как временный компромисс между национальными интересами и интересами французских, английских и американских банкиров, как мыслимое средство преодоления кризиса. В качестве твердо проводимой государственной политики она начала осуществляться лишь с приходом к власти Гитлера. В его памятной записке по поводу четырехлетнего мобилизационного пла-

на (1936–1940 гг.) экономическая мобилизация впервые включается в комплекс главных мероприятий наряду с мобилизацией военной и политической. Капиталистическое государство вышло, таким образом, за рамки традиционной рыночной прерогативы, поскольку заявило о своем вмешательстве в права бизнеса, в права частной собственности.

Вместе с тем, государственное регулирование экономики осуществлялось без отчуждения собственности. Даже в годы войны в оккупированных странах Имперское правительство, возглавляемое Я. Шахтом, проводило политику экономического партнерства, направленную на картельные слияния немецких, французских, бельгийских и других предприятий. Монополистические группировки, сделавшие ставку на Г. Геринга, были тесно связаны с бельгийским, голландским, датским и норвежским капиталом, а ставившие на Я. Шахта – с французским, итальянским, польским, венгерским и румынским.

В интересах военной экономики и долгосрочной стратегии правительство поддерживало стремление немецких предпринимателей и промышленников выкупать предприятия у западноевропейских, особенно французских и бельгийских владельцев, но в первую очередь политика выкупа поощрялась в восточноевропейских странах, где были сосредоточены энергетические запасы. Выкуп собственности производился в соответствии с правом частной собственности, и только с началом «тотальной войны» — в счет задолженности предприятий по клиринговым соглашениям, в возмещение систематических недопоставок продукции и т. д. Современный германский историк-экономист Вольфрам Фишер считает, что *«нормальные экономические отношения в Европе не прерывались полностью даже на этапе "тотальной войны", поскольку такие страны, как Швейцария, Швеция, Испания и Португалия поставляли союзникам по антигитлеровской коалиции важные стратегические материалы в обмен на продовольствие и сырье, из которого в свою очередь, изготовлялись для Германии изделия, производимые только в этих странах».*[1]

Известный французский политик и экономист Раймон Барр делает упор в оценке «нормальности» и «ненормальности» германской экономики в годы войны на определении политической классификации фашистского режима, на принципе «фюрерства», который якобы подорвал основы либеральной экономики с точки зрения ее функционирования, что, по его мнению, отрицательным обра-

[1] *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. С. 290.

ым повлияло на военную экономику Германии: «хотя там и была «скорлупа» капитализма, внутри ее не было капиталистического содержания».[2] Им же выделяются из «скорлупы» капиталистического содержания экономики других государств — участников Второй мировой войны: Италии, Англии и СССР.

Экономика Италии времен Муссолини определяется Барром как «корпоративная экономика», при этом проводится разграничение между корпоративизмом ассоциаций, когда люди, организованные по профессиям, могут образовывать автономные центры сетей обмена, и государственным корпоративизмом, когда эти профессиональные объединения бизнеса превращаются в орудие государственной экономической политики.

Однако вступление самой Франции в гонку вооружений и милитаризацию французской экономики Раймон Барр исключает из приведенной им классификации. Между тем, как известно, Франция начала гонку вооружений хотя и позже Германии, но проводила ее не менее интенсивно. Правительство социалистов накануне 1936 г. огосударствило ряд военных заводов, железные дороги и предприятия автотранспорта. В марте 1939 г. французское Министерство национальной обороны учредило Промышленное бюро: в апреле правительство Франции начало регламентировать движение рабочей силы и ограничивать прибыли военной промышленности. В мае военным разрешили реквизировать транспортные средства, включая торговые суда, железнодорожный подвижной состав, грузовой автотранспорт. Кроме того, Раймон Барр исключил из своего анализа экономику вишистской Франции, где «фюрерство» было таким же обычным явлением, как и в Германии.

С началом войны государственное вмешательство в экономику быстро нарастало в обоих враждующих лагерях и даже в немногих оставшихся нейтральных странах. Но несомненными лидерами данного процесса являются страны, на плечи которых легла основная тяжесть войны на европейском континенте, т. е. в условиях континентальной войны.

Великобритания как глава Британского содружества наций, расположенного на обоих полушариях политической карты мира, располагала более обширными возможностями для поддержания либеральных экономических отношений и во внутри- и во внешнеэкономических связях, чем государства континентальной Европы. Однако взяв в 1937 г. курс на гонку вооружений, английское правительство возложило на себя контроль за расстановкой приорите-

[2] *Раймон Барр.* Политическая экономия / Пер. с фр.: В 2 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1955. С. 175.

тов не только во внутреннем промышленном производстве, но и во внешней торговле.

После увеличения оборонного заказа с 46 млн фунтов стерлингов во втором квартале 1937 г. до 124 млн двумя годами позднее, в британском хозяйстве обнаружились перебои с сырьевыми ресурсами, выявились неполадки в снабжении комплектующими изделиями, стало ощущаться давление инфляции. И хотя ресурсов в целом было пока достаточно, государство приступило к контролю за ними с помощью фиксированных цен, рационирования потребления и регулирования найма рабочей силы. В производстве вооружений, судостроении, авиастроении и других относящихся к военной сфере промышленных отраслях возникли узкие места. Правительство приступило к формированию стратегических сырьевых резервов и запасов продовольствия не только для военно-промышленных целей и оборонных задач, но и для народного хозяйства в целом. В разряд стратегических резервов были дополнительно включены: семена, удобрения, сельскохозяйственные машины, хлопок, продовольственные запасы для гражданского населения на случай морской блокады.[3]

В отличие от Германии, где к предприятиям прикреплялись «фюреры» от партийного руководства, английские предприниматели и промышленники сами одели военную форму. «*Если экономисты хотят понять функционирование британской экономики в то время*, — отмечал ранее цитируемый нами Раймон Барр, — *надо принять во внимание также многочисленные формы контроля, с помощью которых английское государство регулировало ненационализированную часть сектора экономики британской империи: контроль над производством (распределение сырья, размещение новых промышленных предприятий и целых отраслей, контроль над внешней торговлей, контроль над инвестициями, ценами, рационированием производства и рабочей силы, и т. д.)*»

«*Британская экономика*, — делает заключение автор, — *обладала всеми чертами «смешанной», т. е. наполовину государственно-плановой экономики*».[4]

Сходные процессы наблюдались в японской экономике, хотя в структурном отношении ее система планово-государственного регулирования трудно поддается европейской классификации. Напав на Китай в 1937 г., Япония ранее европейских государств приступила к экономическому планированию. В ноябре 1937 г. был при-

[3] *Эвентов Л. Я.* Военная экономика Англии. М.: Госпланиздат, 1946. С. 52.

[4] *Раймон Барр.* Политическая экономия / Пер. с фр.: В 2 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1955. С. 175.

нят «Закон о мобилизации военной промышленности», а в марте 1938 г. — «Закон о всеобщей мобилизации страны». Постепенно все отрасли экономики были поставлены под военно-государственный контроль. Поворотным в этом процессе можно считать принятый в 1937 г. экспортно-импортный закон, согласно которому правительство обрело полномочия разрешать или запрещать импорт и экспорт любых товаров, а также могло контролировать производство, распределение, обмен и потребление всего импортного сырья. С этого момента Министерство торговли и индустрии получило практически неограниченные возможности тотального контроля всей экономики. Забегая вперед, следует отметить, что этот закон и соответствующая политика централизованного планирования стали *«мощнейшим рычагом правительства Японии в лице нового министерства внешней торговли и промышленности, созданного в 1949 г., в осуществлении планирования производства в послевоенные годы».*[5]

В годы Второй мировой войны правительственные закупки выросли более чем в 2,5 раза по сравнению с 1934–1936 гг. и составляли в среднем 32,9% национального дохода Японии. Еще 27,9% национального дохода, направляемые на инвестиции, также расходовались под прямым или косвенным контролем государства. Таким образом, как считает один из известных исследователей японской экономики Я. А. Певзнер, государство уже переходило грань обычного частнорыночного способа ведения дел и включало в свой арсенал методы административно-командного управления, перенимаемые главным образом у Советского Союза, демонстрировавшего в те годы чудеса планового хозяйства.[6]

По нашему мнению, с учетом вышеизложенного, государственное планирование, возникшее в годы войны как инструмент государственного регулирования в интересах военного производства, существовало в экономике всех воюющих стран. Везде оно имело национальную специфику, связанную с накопленным страной историческим опытом, в том числе опытом, приобретенным в годы первой мировой войны. Менее всего в нем наблюдались элементы копирования чьего бы то ни было опыта и бездумного исполнения теоретических установок прошлых и современных классиков экономической мысли — К. Маркса или же Дж. М. Кейнса.

В соответствии с требованиями Версальского договора Германия, как известно, не имела военной экономики, которая в случае

[5] *Певзнер Я. А.* Экономика Японии после Второй мировой войны. М., 1955. С. 29–34.

[6] Там же.

войны могла бы обеспечить потребности даже такой армии, как Рейхсвер. Министром Рейхсвера было гражданское лицо. Рейхсвер объединял сухопутную армию и военно-морской флот. Сухопутная армия состояла из 100 тыс. солдат, служивших на контрактно-профессиональной основе, и не имела в своем составе авиации, зенитной артиллерии, противотанковых средств, бронетанковых войск, тяжелой артиллерии, подразделений артиллерийской разведки и наведения, специальных инженерно-саперных частей, железнодорожных войск, топографических отрядов и т. д. Сухопутные части Рейхсвера не располагали резервом и прошедшим военную подготовку контингентом запаса. Не было военной промышленности. Срок службы оружия, приборов и военно-технического имущества, расход боеприпасов и размеры военно-экономических запасов всех видов были детально регламентированы и ограничены. Производство предметов вооружения на государственных заводах было запрещено как для себя, так и на экспорт. Только несколько специально оговоренных в договоре заводов могли производить табельное оружие, приборы и боеприпасы в разрешенном количестве. Не могло быть и речи о какой-либо подготовке экономики страны на случай войны.

Ситуация изменилась в результате проведения США, Великобританией, Францией, Италией и Японией Женевской конференции по разоружению (декабрь 1932 г.), где было заявлено, что Германия и другие государства, разоруженные по Версальскому договору, имеют право на равные возможности в строительстве вооруженных сил в рамках выработанной стратегии коллективной безопасности наций. Новое политическое руководство Германии, пришедшее к власти в результате выборов 1933 г., заявило, что ставит своей задачей превратить страну в такой фактор силы, который бы соответствовал ее геополитическому положению. Оно очень быстро обнаружило, что чисто военные проблемы укрепления вооруженных сил напрямую связаны с проблемами промышленности, общехозяйственными, политическими и психологическими. На основе этих истин были сделаны практические выводы. 4 апреля 1933 г. вновь сформированное правительство вынесло закрытое постановление о создании Совета государственной обороны. В его состав вошли министры, курирующие вышеперечисленные направления деятельности. В задачу Совета входило планирование и координирование военных, политических, экономических и пропагандистских мероприятий, связанных со строительством новых вооруженных сил и с полным использованием оборонной мощи государства в случае войны.

Вначале предполагалось, что наряду с Рейхсвером — небольшой профессиональной армией, рост общей численности вооруженных сил будет происходить за счет милиционной системы, развертываемой на территориальной основе. По такому принципу, как известно, происходило комплектование Красной Армии по реформе 1925 г. (известной как «реформа Фрунзе», хотя основные ее положения были разработаны Троцким). При территориально-милиционном способе комплектования Вооруженных Сил СССР в кадрированных дивизиях только 16–20% штатов составляли кадровые командиры и красноармейцы, а призывной состав был временным контингентом, ежегодно привлекавшимся на сборы на один–три месяца. Остальное время «бойцы» работали в промышленности и сельском хозяйстве. За пять лет службы красноармеец находился в войсках от пяти месяцев до одного года. На командирскую подготовку отводилось шесть–восемь часов в месяц. Предполагалось, что современную военную технику можно освоить без отрыва от производства в военно-технических кружках, существующих при заводах и учреждениях. Подобная система подготовки Вооруженных Сил просуществовала в СССР до 1939 г.

Германия, в отличие от СССР, ввела всеобщую военную повинность на четыре года раньше, в 1935 г. С созданием 16 мая 1935 г. Вермахта (германских вооруженных сил) совершился переход от профессиональной армии к армии нового типа. Действительная военная служба касалась всего военнообязанного населения от 18 до 45 лет (в Восточной Пруссии — до 55 лет). Срок действительной службы составлял два года, и в дальнейшем обученные военнообязанные находились в запасе (резерве) с периодическим призывом на военные сборы. В военное время срок действительной службы продлевался на весь период военной компании. Полиция германских земель объединялась в национальную полицию и строилась по военной системе. Полицейские подразделения возглавлялись офицерами армии.

В соответствии с законом о создании нового государственного аппарата от 30 января 1934 г. было ликвидировано федеративное устройство земель Германской республики. Она вновь превратилась в империю. Статья 2 данного закона гласила: «*Суверенитет земель переходит в руки империи: правительства земель подчиняются общегерманскому правительству*».[7] Новое административно-территориальное устройство Германии окончательно порывало со службой военнослужащих по месту призыва и позволяло

[7] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 / Пер. с нем. М.: ЭКСМО, 2003. С. 44.

комплектовать сухопутные силы, военно-морской флот и авиацию по военно-профессиональным, а не по территориальным признакам призывного контингента. Данная мера способствовала также быстрому покрытию потребностей Вермахта в быстро возросших штатах офицеров, унтер-офицеров и специалистах рядового состава для развертывания по штатам мирного времени 36 дивизий из 10, составлявших ранее Рейхсвер.

Военная реформа предусматривала создание такой армии мирного времени, которая в годы войны должна была выступить цементирующим началом для всей вновь призванной массы резервистов. Однако, как уже было сказано, Рейхсвер был профессиональной армией, которая не занималась подготовкой резерва. На обучение первых 10 призывных возрастов при двухлетнем сроке действительной военной службы потребовалось бы 11 лет. На подготовку офицеров запаса при четырехлетнем сроке обучения в военных училищах, ушло бы, соответственно, 27 с половиной лет. Или же требовалось сократить подготовку офицеров до 2,5 лет с ускоренным производством в офицеры запаса. 3600 офицеров армии Рейхсвера не могли удовлетворить возросшие потребности в офицерских кадрах. В этой связи были проведены следующие мероприятия:

1. Бывшие офицеры старой имперской армии, а также уволенные из Рейхсвера офицеры снова были призваны на службу. Они были использованы на службе в строевых частях или же, если состояние здоровья не позволяло нести строевую службу, на военно-экономической службе и мобилизационно-плановой работе, в органах по комплектованию войск и т. д.

2. Унтер-офицеры Рейхсвера, отвечающие медицинским требованиям, были допущены к занятию должностей офицерского состава.

3. Из органов полиции было взято в Вермахт около 2500 офицеров.

4. Из австрийской армии около 1600 офицеров было принято в Вермахт.

5. До 2 тыс. солдат, прошедших двухгодичную службу, ежегодно оставлялись в Вермахте для обучения на офицерских и унтер-офицерских должностях.

6. Увольнение офицеров по служебному несоответствию было временно приостановлено.

Вышеперечисленные меры позволили в течение трех лет довести количество вооруженных сил с 10 дивизий в 1932 г. до 51 в 1938 г. (см. табл. 32).

Таблица 32. **Строительство Германией армии мирного времени после военной реформы 1935 г.**

Наименование воинских соединений	1932	1935	1936	1937	1938
Военных округов	2	3	3	4	6
Военных корпусов	—	11	13	14	21
Дивизии:					
— пехотные	7	24	36	32	35
— моторизированные пехотные	—	—	—	4	4
— танковые	—	3	3	3	5
— танково-моторизированные	—	—	—	1	1
— горнострелковые	—	1	1	1	3
— кавалерийские	3	2	—	—	—
Кавалерийские бригады	—	1	1	1	1

Источник: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии... С. 23.

В связи с резко возросшим спросом на вооружение для вновь формируемых дивизий, Германия приступила к строительству военной экономики в мирное время. В соответствии с военной доктриной, принятой в 1935 г., под ***военной экономикой*** подразумевались все виды мероприятий и практическая работа, направленные на решение вопросов подготовки к войне в противоположность чисто мирной хозяйственной деятельности. *«Военная экономика, — отмечалось в данном документе, — создается еще в мирное время. Во время войны ее особыми задачами становятся ведение военного хозяйства и экономической войны. **Экономическая война** — это война против экономической мощи противника. Она может вестись различными путями: оккупацией экономически важных областей противника, разрушением промышленных центров с воздуха и другими средствами дальнего нападения, блокированием морских коммуникаций, политической агитацией в целях морального разложения «трудового фронта» и дезинформацией органов управления экономикой у противника. В тотальной войне военная экономика охватывает все отрасли хозяйства, но особенным объектом ее воздействия становится **экономика вооружений**, которая объединяет все виды планирования и практических мероприятий, направленных на обеспечение всеми видами современного вооружения армии, флота и авиации».*[8]

В соответствии с доктринальными установками военный министр (с 1935 г. — генерал Бломберг) представлял интересы Вермахта в Министерстве экономики. Первоначально была сделана попытка передать дело обеспечения всего потребного количества

[8] *Генри Киссинджер.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Пер. с англ. М., 2002. С. 63, 66.

запасов для вооруженных сил руководству промышленных предприятий. Однако оно проявило мало интереса к перестройке профиля работы своих производств. Для военного производства росла потребность в определенных видах сырья - легированных сталях, цветных металлах, дюралюминии, хроме, никеле и т. д. Для его приобретения нужна была иностранная валюта, а получить ее было сложно. Экономика Германии в начале 30-х годов все еще находилась в состоянии кризиса. Гражданская экономика не могла покрыть потребность военного производства в иностранной валюте за счет экспортных товаров.

Государственный бюджет также не мог оказать существенной помощи военному производству за счет таможенных доходов, поскольку экспортно-импортные операции имели ограниченную базу. Чтобы в этих условиях иметь возможность покрыть возросшие расходы на вооружение, не вызывая обесценения немецкой марки, необходимы были неординарные решения. На помощь пришел Имперский государственный банк в лице его президента доктора Шахта. Он нашел выход в выпуске так называемых «мефо-векселей», используемых лишь во внутрипромышленных расчетах. Был создан ***штаб по обеспечению сырьем и валютой*** — гражданский орган, получивший право контроля за валютными операциями, регулирования в распределении сырья, использовании рабочей силы и «продовольственной свободы». Министерством экономики был разработан четырехлетний план. Для координации общехозяйственного плана с военно-экономическими задачами был создан ***военно-промышленный штаб*** под руководством Геринга.

Военно-промышленный штаб, в отличие от штаба по обеспечению сырьем и валютой, не обладал контрольно-ревизионными функциями. Он выступал в качестве советника при Военном министре по всем военно-экономическим вопросам, которые могли иметь решающее значение в оценке общего стратегического положения. В круг вопросов военно-промышленного штаба входили: оценка собственных военно-экономических ресурсов; оценка военно-экономического потенциала вероятного противника; возможности военно-экономического сотрудничества с потенциальными союзниками и нейтральными странами; экономическая поддержка государств, дружественных Германии; возможности экономической эксплуатации в случае оккупации тех или иных стран; прогноз эффективности военного хозяйства, организованного в условиях военной оккупации и т. д.[9]

[9] См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германия. 1933–1945 / Пер. с нем. М.: ЭКСМО, 2003. С. 126, 127

В штабах командования сухопутных сил, авиации и военно-морского флота были созданы ***управления вооружений***, которые составляли производственные программы для предприятий и выступали заказчиками в изготовлении военной продукции. При управлениях вооружений существовали региональные комиссары для связи между представителями промышленности, входящими в состав военных и корпусных округов, и главной комиссией «статистического общества» с центром в Берлине. «Статистическое общество» являлось оригинальным порождением германской промышленности, функционировавшей в годы Версальской системы. Первоначально оно выполняло функцию контроля над ограничением вооружения Германии. Но после Женевской конференции 1932 г. его функции изменились на прямо противоположные.

Теперь задачей «статистического общества» стала подготовка необходимых исходных данных для возрождения военной экономики. Региональные комиссары «статистического общества» тесно взаимодействовали со специально приданными из управлений вооружения корпусных округов экономическими офицерами. Экономические офицеры — это военные экономисты, выполнявшие функции военных представителей на предприятиях и ведающие вопросами приемки (отдел технического контроля) производимой военной техники. Не ограничиваясь функциями заказчика и контролера производства, военные экономисты проводили аналитическую работу по изучению каждого промышленного предприятия в плане его производственных возможностей в изготовлении того или иного вида вооружения и изыскания неиспользованных резервов.

Обобщенные аналитические данные обсуждались на заседаниях окружных и корпусных региональных управлений вооружений совместно с членами «статистического общества» и докладывались главной комиссии «общества» в Берлине, действующей, как было сказано выше, под руководством управления вооружения Вермахта. Данная структура управления военной экономикой действовала вплоть до 1942 г. С включением военной экономики Германии в «единое европейское военное хозяйство», действовавшее с 1942 по 1944 г., эта система управления подвергалась значительным изменениям, которые будут рассмотрены нами ниже, в соответствии с хронологией событий, определяемых началом войны Германии против СССР и эскалацией Второй мировой войны.

Мировые войны в корне отличаются от национальных, религиозных, освободительных, революционных, сепаратистских, партизанских и других войн, известных из истории человечества. Мировые войны ведутся коалициями государств и, как показала Вторая

мировая война, в состав союзных коалиций могут входить государства с рыночной и нерыночной экономикой, демократическим и авторитарным типом государственного устройства. Мировые войны ведутся за мировое господство и установление нового, более справедливого миропорядка.

Ответственность за мировые войны лежит на великих державах, составляющих ядро коалиции и объявляющих противостоящий военно-политический союз «империей зла». Особую глобальную миссию, возложенную кем-то на народ Америки, приписывают в наше время обществу США. Противоположные религиозно-миссионерские цели американские политики обнаружили у русской православной церкви, так же как ранее они усматривали их в идеологии Маркса— Энгельса—Ленина, взятой на вооружение КПСС.[10] В настоящее время в мире не существует коалиции государств, способных противостоять военно-экономической мощи США. «Две правды» более не могут на равных воевать друг с другом. Всю ответственность за будущую глобальную катастрофу взяла на себя «одна правда», какими бы добродетелями она не прикрывалась.

В XIX — начале XX столетия глобальным превосходством в мире обладала Западная Европа, и прежде всего Великобритания. Несмотря на то, что по итогам первой мировой войны на европейском континенте стала господствовать Франция, все же именно сэр Невиль Чемберлен «умиротворял» Гитлера, поскольку «старый» мировой финансовый центр все еще находился в лондонском Сити, а не на парижской бирже. Английская «большая стратегия» осуществлялась на обоих полушариях политической карты мира, где континентальная Европа занимала важное, но второстепенное положение по отношению к имперским интересам главы Британского содружества наций.

Соединенные Штаты Америки в 30-е и 40-е годы XX столетия рассматривали европейские войны, как «большой бизнес». От международного империализма дистанцировал себя Советский Союз, который до 1935 г. не имел договоров о взаимной военной помощи ни с одной страной мира, кроме Монголии. Военно-политический союз стран фашистской «оси» образовался не в глобальном противостоянии, а в ходе локальных войн: Италия воевала в Абиссинии, Япония — в Северном Китае, Германия «мирным путем» оккупировала Рейнскую область, Австрию и чехословацкие Судеты.

Первое сентября 1939 г. ни одна из трех стран — основ будущей антифашистской коалиции, не восприняла как начало новой миро-

[10] *Генри Киссинджер.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Пер. с англ. М., 2002 С. 74.

вой войны. «*В капиталистических странах дальнейшее обострение присущих капитализму противоречий,* — отмечалось в первом фундаментальном издании по истории советской экономики, подготовленном к печати в 1940 г. коллективом работников Института экономики АН СССР, — *привело к новой империалистической войне. На Дальнем Востоке Япония ведет войну против Китая. В Западной Европе в сентябре 1939 г. началась война между Польшей, а затем Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой. Империалистические государства борются за мировое господство, за рынки, за колонии, за новый передел мира... Миролюбивая политика поставила СССР вне войны и сузила масштабы европейской войны, препятствуя превращению ее в войну мировую*».[11]

Ряд имеющихся фактов позволяет предположить, что Германия, начав военную операцию в Польше, также рассчитывала, что Англия и Франция объявят ей войну, которая продлится более пяти лет и примет характер мировой катастрофы. В сентябре 1939 г. в нейтральных портах было интернировано значительное количество германских торговых судов. Часть из них после поражения Франции была возвращена Германии. К марту 1940 г., когда установилась морская блокада Англии в отношении Германии. в нейтральных портах находилось 222 судна общей вместимостью 1100 000 т. Значительное их количество во время войны оставалось в портах нейтральных европейских государств. Восточной и Западной Африки, Китая, Японии и Индийского океана. В одной только Испании находилось 55 судов общим водоизмещением 219 500 т, часть из которых составляли танкеры, крайне необходимые как самой Германии, так и осуществляющей морскую блокаду Англии.[12]

В Европе со второй половины 30-х годов шел активный процесс по «перекройке» границ, установленных Версальской системой. В этом процессе участвовала Лига наций, имеющая полномочия в лице учредителей «коллективного вмешательства», созданных Францией в лице «Малой Антанты», «Средиземноморской Антанты» и «старой Антанты» в которую все еще входили Англия и Франция как победители в первой мировой войне. Лига наций использовалась в целях содействия гегемонистской политике Франции на Европейском континенте и служила оправданием колониальной политики Великобритании, получившей право на управление многи-

[11] См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германия 1933-1945 / Пер. с нем. М.: ЭКСМО, 2003. С. 140.

[12] *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 / Пер. с англ. М.: Воениздат. 1980. С. 16.

ми заморскими «подмандатными» территориями Лиги. Лига наций санкционировала раздел Чехословакии, при этом часть территории получила не только Германия, но также Польша и Венгрия.

Таким образом, был нарушен принцип неприкосновенности границ в Европе, установленный Версальской системой. Сами ее учредители, стремясь получить новые политические дивиденды, подталкивали европейские государства к поиску естественной конфигурации своих границ, вбирающих в себя «разделенные нации», чтобы в возникающих спорах по национально-территориальному вопросу выступить главным политическим арбитром. Принцип: «разделяй, чтобы властвовать», обернулся в конце концов против тех, кто превратил его в основной инструмент международной политики. Нации — это прежде всего историческое понятие. Разделенными нациями оказались те народы, которые ранее входили в состав Германской, Австро-Венгерской и Российской империй. Английские и французские «миротворцы», стремились к сохранению своих колониальных империй, но всячески препятствовали, например, соединению земель Германии и Восточной Пруссии, разделенных «польским коридором». На Балканах, наоборот, было образовано искусственное государство — «противовес» Германии и Австрии с юга, где в любой момент могла вспыхнуть война между католиками, православными и мусульманами. Италия желала присоединить австрийские Альпы, и в Лиге наций обсуждался вопрос о ликвидации Австрии — «этого искусственного образования». Легитимность всех новых государств, возникших по итогам первой мировой войны — Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Чехословакии, Австрии, Югославии, Финляндии, Венгрии, ставилась под сомнение, поскольку само их существование превратило восточноевропейцев в «разделенную нацию» и разделило всех европейцев на «западных» и «восточных».

Каждое из восточноевропейских государств стремилось заключить договор о взаимной безопасности и взаимопомощи на случай войны и из-за приграничных конфликтов с кем-нибудь из легитимных «гарантов», чье политическое существование не ставилось под сомнение. Но одновременно такая акция означала недружественный шаг по отношению к соседу. В 1934 г. Польша заключила договор с Германией о ненападении и гарантиях. Она вынашивала планы в союзе с фашистами добиться «объединения с братскими народами», оставшимися на территории советской части Украины и словацкой части Чехословакии, очевидно, понимая под ними католическое население, говорящее на смеси польского и украинского языков. Один из лидеров фашистской Германии, А. Розенберг от-

метил 29 мая 1934 г. в своем дневнике, что польский президент Пилсудский «собирается нанести удар по России, чтобы в военный конфликт вмешалась Лига наций и удовлетворила законные» требования Польши. То, что это были не бредовые планы, подтверждается тем фактом, что Пилсудский заручился поддержкой Ватикана, а польская делегация внесла данный вопрос в повестку дня заседания Лиги наций.[13]

17 марта 1934 г. Австрия и Венгрия в противовес Польше подписали Римские протоколы с Италией (страной — гарантом Версальской системы), которые были направлены на ревизию границ на Балканах. Король Югославии Александр I отправился, в свою очередь, за «гарантиями» во Францию, где во время визита был убит вместе с французским премьером Луи Барту агентом хорватских усташей Георгиевым. Как известно, усташи требовали присоединения католической Хорватии к Римскому союзу в составе Венгрии, Австрии и Италии.

В ходе подобных же политических интриг по составлению коалиционных союзов, направленных, с одной стороны, на объединение Востока с Западом, а с другой стороны — на «разъединение» восточноевропейских государств, во второй половине 30-х годов были убиты австрийский канцлер Дольфус, румынский премьер Дука, а несколько ранее — советский посол Войков. Восточная Европа раздиралась на части национализмом, терроризмом и политиканством, что было на руку Англии, имеющей «национальные интересы» на Балканах и Франции, лихорадочно сколачивающей «Восточный пакт», который создал бы Германии проблемы на Востоке и отвлек ее внимание от проблем на Западе. Подобная ситуация балансирования на грани войны и мира более всех устраивала Великобританию, чьи исторические интересы заключались в том, чтобы «мировая политика» великих европейских держав не выходила дальше рамок континентальной Европы.

Сами же максимальные возможности британской военной экономики в годы Второй мировой войны на фоне военной экономики СССР (потерявшего около половины своего военно-экономического потенциала на оккупированных территориях), и особенно на фоне военной экономики США (как и Великобритания, ничего не терявших) выглядят достаточно скромно. В начале лета 1942 г. США превзошли Великобританию по объему военного производства и стали быстро уходить вперед. К концу года по объему всех видов военной продукции и особенно самолетов, Соединенные Штаты пре-

[13] *Винтер Э.* Политика Ватикана в отношении СССР / Пер. с нем. М., 1977. С. 193.

восходили Великобританию в два раза, а по морским транспортным судам в шесть раз. И это в то самое время, когда на Великобританию должна была лечь основная нагрузка по подготовке транспортных средств к морскому десантированию войск союзников на Европейский континент. К концу 1944 г. вся британская экономика выпускала продукции в шесть раз меньше американской.[14]

Основная проблема, с которой столкнулись все государства участвовавшие во Второй мировой войне, была все возрастающая потребность в живой силе. Люди нужны были не только для службы в вооруженных силах, но и для работы на заводах, обеспечивающих фронт оружием. Они требовались для работы в сельском хозяйстве, в таких важных для военной экономики отраслях, как горнодобывающая промышленность и металлургия, на предприятиях по производству товаров широкого потребления, на железнодорожном и морском транспорте, а также в других отраслях, которые обеспечивают эффективную жизнедеятельность сложного народнохозяйственного организма в мирное, а тем более военное время.

Лучший способ оценить усилия нации в войне — это привести цифровые данные о привлеченных ею людских ресурсах в сферу военной экономики. Обычно используются сведения из статистических справочников о населении. Рассмотрим соотношение сил группировок, участвующих во Второй мировой войне.

Таблица 33. **Население антигитлеровской коалиции и стран «оси» в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг., млн человек)**

СССР	194,1	Германия	54,4
США	130,1	Япония	71,5
Великобритания	47,5	Италия	44,1
ИТОГО	371,2	ИТОГО	170,0

Из таблицы 33 следует, что СССР обладал самыми значительными людскими ресурсами из основной противоборствующей шестерки стран, а в сумме страны антигитлеровской коалиции более чем в два раза превосходили страны «оси» по данному показателю. Основываясь на таком чисто арифметическом сложении, отдельные западные экономисты, и в частности, Э. Актон (Великобритания) делает вывод о том, *что «идея Гитлера победить СССР была сумасбродной, так как он намеревался победить* противни-

[14] *Эдельштейн Л. Я.* Военная экономика Англии. Госпланиздат, 1946. С. 193.

...у которого ... населения было в два раза больше».[15] Между тем, как известно из истории Великобритании колониального периода, она, обладая в 1939 г. населением метрополии в 47,5 млн человек, контролировала 386,5 млн «туземцев», проживающих на территории в 100 раз превосходящей территорию самой Англии. Показатель численности населения несомненно важен, но он слишком неточен. Потенциал человеческих ресурсов как составная часть военно-экономического потенциала страны рассчитывается несколько иначе.

Во-первых, следует учитывать только ту часть населения, которая подпадает под категорию «трудоспособное население».

Во-вторых, следует учитывать ***коэффициент мобилизации*** населения в вооруженные силы и на «трудовой фронт», который в разных странах (по различным причинам), разнится на порядок. Так, в США в 1944 г. около 30 млн человек в возрасте от 14 до 60 лет, не считая безработных, не принимали непосредственного участия в вооруженных силах и производственном секторе хозяйства страны.[16] Гораздо выше данный коэффициент был в Англии, где не было охвачено мобилизационными планами лишь 6,6 млн человек, большую часть из которых составляли домохозяйки, не имеющие профессионально-трудовых, военных и военно-тыловых навыков.[17]

В-третьих, следует учитывать динамику людских ресурсов вследствие внезапной агрессии, оккупации, плена, безвозвратные потери (убитых, раненых и военнопленных), которые уже в первые месяцы войны существенным образом меняют соотношение человеческих ресурсов в пользу стороны, напавшей первой. Коэффициент мобилизации населения за время Второй мировой войны был самым высоким в Германии (см. табл. 34).

Данная таблица не учитывает такие источники пополнения трудовых ресурсов, которые возникли вследствие «интегрированности» западноевропейских стран в экономику Германии в 1942–1944 гг. Всего за время войны Германия смогла мобилизовать в армию и вспомогательные службы более 17 млн человек. Это почти каждый третий от теоретически трудоспособного населения, а с учетом вышесказанного, коэффициент мобилизации населения в Германии не был превзойден ни одной из воюющих стран.

---

15 *Acton E.* Russia. The present and the past. L.; N.Y., 1986. P. 252.

16 Народонаселение. Энциклопедический словарь. М: БРЭ, 1994. С. 622–623.

17 *Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 145.

Таблица 34 **Численность и состав населения Германии, занятого в вооруженных силах и народном хозяйстве (на май каждого года, в млн человек)**

Распределение людских ресурсов, привлеченных к военной экономике	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Численность работающих в гражданских отраслях и сельском хозяйстве	39.4	36.0	36.2	35.5	36.5	36.1
В том числе граждан Германии	39.1	34.8	33.1	31.3	30.3	29.9
Из них: Мужчины	24.5	20.1	18.9	16.9	15.5	13.2
Женщины	14.6	14.4	14.2	14.4	14.8	16.7
Иностранцы и военнопленные	0.3	1.2	3.1	4.1	6.2	7.1
Вооруженные силы	1.4	5.6	7.2	8.6	9.6	9.1
Боевые потери	—	0.1	0.2	0.8	1.7	3.3
Всего мобилизованных	40.5	40.5	40.5	40.7	41.6	41.3

Источник: *Кучинский Ю. С.* История условий труда в Германии / Пер. с польск. М.: Изд-во иностр. литературы, 1949. С. 489, 511.

Исследуем ресурсы СССР. В июле 1941 г. население от 14 до 64 лет составляло 119 249 тыс. человек, из них к категории «трудоспособное мужское население» (в возрасте от 20 до 50 лет) можно было отнести 38 949 тыс. человек. В промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте, в торговле и материально-техническом снабжении, здравоохранении, просвещении и научных учреждениях было занято 33 926 тыс. человек. Более 5 млн человек находилось на службе в Вооруженных Силах, в подразделениях вспомогательной и тыловой службы. В ходе войны были произведены неоднократные мобилизации, и численность Красной Армии возросла до 11,3 млн человек.

Напряженность баланса трудовых ресурсов в начальный период войны значительно усилилась. К 1942 г., в период оккупации фашистскими войсками наибольшей части европейской территории СССР, общая численность населения страны сократилась на 64 млн человек. Вместе с предприятиями было эвакуировано организованным образом на Восток около 10 млн человек. Комитетом по учету и распределению рабочей силы, созданным 30 июня 1941 г., было учтено в декабре 1942 г. около 130 млн человек населения страны, которое к началу войны составляло почти 200 млн человек.[18]

Основным источником дополнительных трудовых ресурсов для военной экономики стало население, ранее не занятое в производстве, главным образом женщины, молодежь, подростки, пенсионеры, а также мужчины, не пригодные к службе в армии по состоянию здоровья. Удельный вес женщин среди рабочих и служащих

[18] Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1994. С. 622–623.

занятых в народном хозяйстве, увеличился с 38% в 1940 г. до 57,4% в 1944 г. Если в 1940 г. в промышленности женщины составляли 40% всех рабочих и служащих, то в 1944 г. — уже 52,9%. Однако военное производство требует высококвалифицированного труда, поэтому в 1941–1943 гг., когда особенно остро проявилась нехватка новых квалифицированных кадров, были введены сверхурочные работы. Токари, фрезеровщики, слесари, сборщики отрабатывали по полторы-две смены. За счет увеличения продолжительности рабочего времени в 1942 г. в промышленности была восполнена недостача почти в 1,5 млн высококвалифицированных рабочих, а всего за годы войны — около 7–7,5 млн человек.[19]

Острый недостаток рабочих рук испытывало сельское хозяйство, которое и в мирные годы, вследствие ускоренного индустриального развития страны, не восполняло убыль мужской части населения. Если накануне войны убыль мужской части населения возмещалась на 77,4% за счет подрастающей молодежи, то в 1942 г. — лишь на 32%. В 1943–1944 гг. убыль людских ресурсов в колхозах почти не возмещалась. «Резерв» рабочих рук, состоящий из престарелых, подростков и ранее не работавших по состоянию здоровья женщин, был исчерпан к началу 1944 г. В связи с переходом на промышленные предприятия части женщин и подростков, среднестатистическая численность работающих в колхозах в 1944–1945 гг. уменьшилась на одну треть.[20]

Создание Комитета по учету и распределению рабочей силы при Совете Народных Комиссаров СССР, который занимался плановым перераспределением рабочей силы между отраслями промышленности в интересах военной экономики, не было специфическим проявлением «сталинской командно-административной экономики». Подобного рода мероприятия осуществлялись в годы войны как в экономике Великобритании, так и в экономике США. Министерство труда Англии справлялось с удовлетворением заявок заводов, связанных с военным производством, пока существовал резерв безработных. К июню 1941 г. резерв безработных был исчерпан. С 1941 г. по июнь 1942 г. приток новых рабочих рук осуществлялся лишь за счет женщин и снижения «планки» призывного возраста лиц, подлежащих мобилизации. В 1939–1942 гг. число женщин, занятых в производстве, увеличилось с 4837 тыс. до 6582 тыс. В феврале 1942 г. англичане создали *министерство военной про-*

---

[19] *Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 145.

[20] *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 77–78.

мышленности, в функции которого входило планирование промышленного производства, распределения сырья и рабочей силы.[21]

Обосновывая необходимость координации военного планирования и производственных планов министр труда Великобритании Бевин направил 14 мая 1942 г. премьер-министру Черчиллю меморандум, в котором отмечал: «*Главный вывод, который я сделал, состоит в том, что сейчас мы задействовали наши основные силы и значительно исчерпали наши резервы. Дальнейшие потребности в комплектовании вооруженных сил в основном должны покрываться за счет производства. Возместить эти потери и одновременно поддерживать наиболее важные отрасли, а также поднять производство можно путем перераспределения людских ресурсов между промышленностью и вооруженными силами, однако нам следует рассчитывать главным образом на* ***повышение эффективности управления****, чтобы максимально использовать ресурсы, имеющиеся в нашем распоряжении*».[22]

Вопросами повышения эффективности военной экономики была обеспокоена и Германия. В феврале 1942 г., после многочисленных совещаний министров, военных и промышленников были приняты новые решения германского руководства об организации управления европейской экономикой. Отныне вмешательство Вермахта, партийных фюреров и государственного аппарата в деятельность промышленных монополий и акционерных объединений сводилась до минимума. Использование военно-экономических ресурсов становилось прерогативой только самих промышленников и их главного планирующего органа — Министерства вооружения и боеприпасов. От имени германских промышленников генеральный директор Совета вооружений Цаген подписал генеральную инструкцию о взаимодействии промышленных советов при главном командовании сухопутных сил и авиации с представителями Совета вооружений в который, кроме Цагена, входили: Феглер, Бюхнер, Пенсген, Плейгер, генерал-фельдмаршал Мильх, генералы квартирьерской службы Фромм, Витуель, Томас, генерал танковых войск Лееб и другие.

Совет располагал практически неограниченными полномочиями по отношению к государственному сектору экономики. Он осуществлял влияние даже на планирование фронтовых операций через промышленные советы, входящие в состав штабов армейских и

[21] *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1980. С. 17.

[22] Цит. по: *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1980. С. 16.

военно-воздушных войск, но на директоров концернов он мог воздействовать только лишь посредством новой системы «личной ответственности» предпринимателей в промышленности. Это означало введение на предприятиях единоначалия, передачу директорам концернов расширенных прав по руководству и планированию военной промышленности. Включение, посредством новой системы экономического регулирования, европейского производства в военную экономику Германии позволило последней произвести вооружения и боевой техники к 1944 г. в пять раз больше, чем при старой системе управления.

В мае 1942 г. Имперское управление военной экономики и вооружения Германии было разделено на два управления: ***управление военной экономики***, которое возглавил генерал Томас и ***управление вооружений***, которое возглавил доктор Шпеер. К Шпееру перешла прерогатива составления военных программ в рамках четырехлетнего плана: распределение промышленного сырья, рабочей силы, установление порядка срочности выполнения промышленных и продовольственных военных заказов. Кроме того, он принял от Имперского министерства хозяйства функцию распределения сырья в интересах единого европейского военного хозяйства. Другими словами, Шпеер получил возможность обеспечить сырьем под военный заказ не только германские предприятия, но и предприятия европейских государств. К 1 октября 1942 г. управление вооружений разместило военных заказов в европейских странах на сумму в 3 млрд 791 млн рейхсмарок (табл. 35).

Таблица 35. **Размещение военных заказов Имперским управлением вооружений Германии в европейских странах (на 1 октября 1942 г., в рейхсмарках)**

Франция	1900 млн
Нидерланды	634 млн
Генерал-губернаторство (Польша)	525 млн
Бельгия	484 млн
Дания	131 млн
Норвегия	86 млн
Сербия	14 млн
Греция	8 млн
ИТОГО	3791 млн

Источник: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1939– 1945 гг. / Пер. с нем. М.: ЭКСМО. 2003. С. 367.

В соответствии с ранее размещенными заказами с 1 января по 30 сентября 1942 г. Германии было поставлено вооружений и военной техники на сумму 3250 млн рейхсмарок:

Оружие — 89 млн

Боеприпасы — 120 млн

Автомашины — 298 млн

Боевые и транспортные судна — 399 млн

Боевые и транспортные самолеты — 859 млн

Средства радиосвязи и телефоны — 146 млн

Оптические приборы управления огнем — 31 млн

Обмундирование и военная амуниция — 376 млн

Боевые машины пехоты — 196 млн

Другое военное имущество и техника — 133 млн

Саперное имущество и инструменты — 414 млн

Прочее имущество и инструменты — 190 млн.[23]

При новой системе размещения военных заказов европейские предприятия подряжались произвести военной продукции на сумму 3791 млн рейхсмарок не за девять, как ранее, а за три месяца, т. е. с 1 октября по 31 декабря 1942 г. Благодаря запасам сырья, реквизированного управлением военной экономики еще с начала оккупации, снабжение им промышленности в течение 1941 г. осуществлялось без сбоев. Дальнейшее расширение военных заказов и, соответственно, увеличение темпов расхода сырья протекало, по различным отраслям производства, с нарушением плановости. Если расход черного металла (железа и стали) в III квартале 1942 г. поддерживался на прежнем уровне — 2050 тыс. т ежемесячно, то весной 1942 г. военная промышленность недополучила 87 тыс. т меди (расход в 1941 г. — 217 тыс. т, план заказов на 1942 г. — 304 тыс. т). В 1941 г. только вооруженные силы расходовали ежемесячно 22 тыс. т меди. В III квартале 1942 г. ежемесячный расход меди снизился в войсках до 17 тыс. т. Для ликвидации дефицита в Югославии (в районе г. Бор) немцы приступили к срочной разработке горного месторождения меди.

В 1942 г. снизилось потребление свинца. В середине 1941 г. оно составляло 23 тыс. т ежемесячно, а в III квартале 1942 г. только 16 тыс. т. Потребление никеля, благодаря усиленным поставкам из Финляндии, выросло в III квартале 1942 г. до 540 т ежемесячно. В 1941 г. вооруженными силами потреблялось 500 т. Но в общем объеме потребностей никеля, оцениваемых в 690–700 т ежемесячно, его в процессе роста производства стало не хватать.

[23] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1939–1945 гг. / Пер. с нем. М.: ЭКСМО, 2003. С. 367.

Потребление олова в III квартале 1942 г. осталось на уровне 1941 г. — 920 т ежемесячно. На 2 тыс. т снизилось потребление алюминия. В 1941 г. алюминия потреблялось 32 тыс. т ежемесячно. В III квартале 1942 г. — 30 тыс. т. Были предприняты попытки организовать производство алюминия в Норвегии, но Норвегия, не имеющая своих бокситов, могла использовать в производстве алюминия лишь дешевую электроэнергию и привозное сырье. Попытки использовать норвежский глинозем для производства авиационного алюминия были прекращены в конце 1942 г.

В течение всего периода войны против СССР в Германии строились заводы по производству синтетического бензина. С этой целью управление военной экономики требовало от Дании, Голландии и Бельгии сокращения поголовья крупного рогатого скота с тем, чтобы использовать пастбища под пашни для выращивания сырьевых культур, используемых в производстве синтетического бензина. Запасы ГСМ, созданные для Вермахта на период летней компании 1942 г. были ниже, чем его потребление в летнюю компанию 1941 г. (табл. 36).

Таблица 36. **Обеспечение Вермахта горючим и смазочными маслами на 1942 г. по сравнению с 1941 г. (тыс. т, ежемесячно)**

Наименование ГСМ	Месячное потребление Вермахтом в летнюю кампанию 1941 г.	Запасы, созданные для Вермахта на летнюю кампанию 1942 г.
Авиационный бензин	740	630
Автомобильный бензин	570	520
Дизельное топливо	410	350
Мазут для кораблей ВМФ	340	33
Смазочные масла	10	8

Источник: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1939–1945 гг. / Пер. с нем. М.: ЭКСМО, 2003. С. 370.

Как видно из таблицы 36, запасы, созданные для Вермахта на летнюю компанию 1942 г., в целом обеспечивали оперативные возможности всех трех видов вооруженных сил. Однако провал «блицкрига» в 1941 г., связанный с поражением немцев в битве под Москвой, неожиданное расширение масштабов боевых действий на всей линии фронта от Мурманска до Черного моря, сохранение Красной Армией моторизации своих боевых частей и необходимость адекватного увеличения моторесурса Вермахтом в будущем, — все это вместе взятое могло, по нашему мнению, повлиять на стратегические планы Гитлера. Как известно, кампания 1942 г. была сориентирована в южном направлении, что преследовало захват основных

источников сырьевых и энергетических ресурсов СССР. Изменение направления главного удара летней кампании в сторону от Москвы можно интерпретировать и как попытку главного командования фашистских войск пополнить свои сырьевые и топливные запасы, и как стремление лишить нефтяных месторождений и сырьевых ресурсов советскую военную экономику в целом, и Красную Армию в частности.

В результате подключения экономического потенциала европейских государств, военное производство Германии к концу 1943 г. примерно вчетверо превысило уровень предвоенного 1939 г. В то же время, Германии не удалось включить в единую систему своего хозяйства оккупированные территории СССР. Ей пришлось ограничиться тем, что могло быть лишь реквизировано по праву хватчика. Она, в частности, пыталась организовать производство зерновых на территории Украины. С этой целью в республику было поставлено 70 тыс. тракторов, 250 тыс. плугов, 200 тыс. электрогенераторов, несколько тысяч лошадей («битюгов») для пахотных работ и 14 тыс. немецких управляющих — специалистов по сельскому хозяйству. Были созданы Имперское центральное торговое общество «Восток» и украинское общество обработки земли, учредителями которого выступили государственные органы (Министерство занятых восточных территорий), частные немецкие фирмы — производители сельхозпродукции и украинские эмигранты, сотрудничавшие с нацистами. Однако оккупированная Украина — «житница СССР», вместо запланированных 7 млн т зерна в год поставила за все годы войны лишь 1,2 млн т, которые пришлось изымать методами продразверстки.[24] Для сравнения: ежегодные поставки Польского генерал-губернаторства, образованного из западной части Польши, составляло более двух третей объема продовольствия, изъятого с оккупированной территории СССР (превосходящей генерал-губернаторство по площади пахотных земель в сотни раз).

Крупное хозяйство под немецким управлением должно было возникнуть и в промышленности, включая добывающую. Немецкая индустрия была кровно заинтересована в том, чтобы получить доступ к месторождениям сырья и действующим предприятиям. В Европе Германии удалось вовлечь в военно-экономическое сотрудничество даже нейтральные страны. Швеция и Швейцария, имевшие соглашения о торговле с Великобританией, обязались не реэкспортировать получаемые английские изделия и материалы в Германию. Швейцария, оказавшись нейтральным анклавом в цен-

[24] *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М., 1999. С. 289.

тре Европы, стала закупать больше тех товаров, которые можно было выгодно перепродать в Германию.

После того, как немцы взяли под контроль торговые пути Швеции, она заключила с Германией клиринговое соглашение и стала торговать с ней на общих основаниях — так же, как и те европейские страны, где присутствовали немецкие оккупационные войска. Швеция поставляла в Германию не только высококачественную руду (около 70% содержания железа) — более 6 млн т в год, но и крайне необходимые для авиационных и танковых моторов шарикоподшипники. Только благодаря шведским шарикоподшипникам, выдерживающим высокие температуры, немцы наладили производство реактивных турбин для нужд ракетостроения и реактивной авиации. За период 1938–1941 гг. объем шведского экспорта в Германию удвоился. Шведская фирма S. K. F., имеющая дочерние предприятия в Гамбурге, за 1939–1943 гг. утроила свою прибыль, и только после бомбардировки союзной авиацией заводских корпусов снизила объемы производства.

Испания и Португалия, также входящие в число нейтральных государств, поставляли в Германию вольфрам, использовавшийся для производства брони, электрооборудования и бронебойных снарядов. Благодаря поставкам в Германию вольфрама, Испания впервые с начала гражданской войны 1936 г. стабилизировала финансы и ликвидировала отрицательное сальдо торгового баланса. Португалия также выиграла от роста цен. Имея перед англо-американскими союзниками обязательство не поставлять в Германию стратегически важные сырье и товары, по истечении срока этого соглашения в 1943 г. она возобновила поставки хромовой руды, использующейся для производства танковой брони, боеприпасов, артиллерийского и стрелкового вооружения.

В целом за время Второй мировой войны на европейском континенте «возникла крупномасштабная экономическая система под управлением Германии»,[25] что позволило ей учетверить военно-экономический потенциал (табл. 37).

Подключение европейских стран к военной экономике Германии позволило ей 25 июля 1942 г. отменить планы ежемесячного призыва 100 тыс. рабочих военной промышленности в вооруженные силы. Гитлер в беседе с министром экономики Шпеером потребовал от него возобновить в прежнем объеме производство продукции ширпотреба. Тот попросил фюрера отложить намечавшуюся перестройку промышленности «на несколько месяцев». Военно-поли-

[25] *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М., 1999. С. 285.

Таблица 37. **Производство важнейших видов техники для немецких войск на территории Германии и европейских государств в ходе Второй мировой войны**

Военная техника, тыс. шт.	Сент.–дек. 1939	1940	1941	1942	1943	1944	Янв.–апр. 1945	Всего
Винтовки и корабли	450,6	1352,0	1359,0	1370,2	2275,3	2855,7	665,0	10 327,8
Пистолеты-пулеметы	39,9	119,0	325,0	232,0	231,3	228,6	78,0	1256,8
Пулеметы	19,7	59,2	96,2	117,0	263,0	509,1	111,0	1175,5
Орудия	2,1	6,3	22,1	40,5	73,7	148,2	27,0	319,9
Минометы	1,4	4,4	4,2	9,8	23,0	33,2	2,8	78,8
Танки, САУ	0,7	2,2	3,8	6,2	10,7	18,3	4,4	46,3
Боевые самолеты	2,3	6,6	8,4	11,6	19,3	34,1	7,2	89,5
Боевые корабли	10	60	207	241	290	250	93	1151

Источник: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. С. 257.

тическому руководству Германии казалось, что советская военная экономика и Красная Армия уже не смогут оправиться от сокрушительного поражения, нанесенного летом 1941 г. Даже неудача под Москвой не представлялись ему значительным событием, поскольку на оборону столицы были брошены последние резервы. Находясь под впечатлением успешных боев, проведенных под Харьковом и в Крыму, германский генштаб спланировал в сентябре 1942 г. крупномасштабное наступление на Сталинград и Северный Кавказ.

Отдел по изучению иностранных армий Востока представил разработку, в которой содержалась оценка предполагаемой боевой мощи Красной Армии к зиме 1942–1943 гг. После анализа боевого опыта, «приобретенного русскими до настоящего времени», в обзоре делался вывод о том, что *«заметное рассредоточение русских войск в глубину указывает на то, что они будут стремиться отводить свои действующие на фронте силы из-под внезапных ударов противника и его попыток окружить советские войска и сдерживать немецкие прорывы, нанося удары по флангам».*

В разработке делался вывод: *«Людской потенциал Красной Армии в 1942 г., предположительно, не будет настолько ослаблен, чтобы вероятным стало военное поражение России в 1942–1943 гг. В общем и целом русским придется обходиться зимой имеющимися силами, чтобы сохранить свою боеспособность до 1943 года, пока ожидаемая помощь со стороны союзников русских не примет эффективные формы».*[26]

[26] Разработка отдела по изучению иностранных армий Востока (исх. №329/42. Сов. секретно). От 28.06.1942. «Соображения относительно предполагаемой мощи Красной Армии к началу зимы 1942 года» // Вторая мировая

В приказе Гитлера от 9 июля 1942 г. говорилось: «*Быстрые и громадные успехи на Востоке ставят Англию и США перед альтернативой: или немедленно предпринять крупную десантную операцию для открытия второго фронта в Европе, или потерять Советскую Россию как политический и военный фактор*».[27]

Однако англо-американские союзники не спешили с открытием второго фронта, что дало основание Гитлеру надеяться на полный разгром Красной Армии и, тем самым, избежать войны на два фронта. Разгром немецких войск под Сталинградом, полная потеря 6-й армии Паулюса и 26 дивизий на юге России не внесли существенной коррективы в планы фашистского верховного командования. Оно по-прежнему находилось в уверенности, что владеет стратегической инициативой в нанесении заранее спланированных и материально обеспеченных наступательных ударов.

Советские войска, действительно, не проводили крупномасштабных наступательных операций после ошеломляющего успеха под Сталинградом и на Кавказе. Но этот переход к стратегической обороне летом 1943 г. немецкое и русское верховные главнокомандования оценивали различным образом. Немцы использовали «передышку» на советско-германском фронте для восстановления 20 уничтоженных «сталинградских» дивизий. Гитлер приказал немедленно сформировать их под теми же номерами. 16 дивизий было сформировано во Франции, по одной в Польше, Дании, на Балканах и в Германии. Но это уже были не те дивизии, которые начинали войну летом 1941 г. Во-первых, в 1943 г. штатная численность дивизий была снижена на одну треть. В 1941 г. немецкая дивизия насчитывала 15–17 тыс. человек, а по штату 1943 г. — 11 тыс. немецких солдат и 2 тыс. «добровольцев вспомогательной службы». Во-вторых, в армию было мобилизовано все пригодное к несению военной службы население «присоединенных к Германии областей» и фольксдойче. По состоянию на 1 апреля 1944 г. в действующей армии находилось 122 тыс. человек «неарийского» происхождения, что составляло примерно 10 дивизий. В третьих, в войсках СС, которые формировались на добровольной основе и составляли «гвардию фюрера», появились с 1943 г. следующие «ненемецкие» добровольцы:

Норвежцев — 3878 человек
Датчан — 5006 человек
Голландцев — 18 473 человека

война: Материалы научной конференции. 10.04.1966.

[27] Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: В 12 т. Т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 93.

Фламандцев — 5812 человек
Валлонов — 1803 человека
Французов — 2480 человек
Швейцарцев — 584 человека
Шведов — 101 человек
ВСЕГО — 37 367 человек.[28]

27 ноября 1943 г. Гитлером был издан приказ по всем видам вооруженных сил и войск СС, в котором говорилось: «... *Я исполнен решимости любыми методами восстановить боевую мощь войск на фронте* (имеется в виду Восточный фронт. — *А. М.*), *и любое сопротивление проведению в жизнь положений этого приказа будет пресекаться драконовскими мерами. Независимо от того, что все возможности привлечения резервов из гражданского сектора уже иссякают, виды вооруженных сил и войск СС должны теперь прежде всего из своих собственных рядов выделить и направить на фронт необходимые силы. Я требую, чтобы в видах вооруженных сил и в войсках СС были незамедлительно приняты меры, чтобы из их состава был выделен и направлен на фронт по меньшей мере миллион мужчин...*»[29]

В период с конца 1942 г. по начало 1944 г. помимо общего сокращения количества дивизий, размещенных на Западе, происходила замена личного состава. Боеспособные части перебрасывались на Восточный фронт, а на Западе формировались части из солдат «ограниченно годных к строевой службе», фольксдойче, европейских союзников, «восточных войск», необученных призывников 1925, 1926 и даже — 1927 года рождения. Переброска немецких войск на Восточный фронт производилась с 1943 г. не для наступления, а для «*удержания инициативы, путем перемалывания войск противника в жесткой обороне и нанесения коротких ударов, без развития наступления в глубину. Стратегическая инициатива была окончательно потеряна. Теперь не мы, а противник диктовал нам свою волю*».[30]

Напротив, Красная Армия, перейдя к оборонительной стратегии летом 1943 г., накапливала резервы для наступательных действий. «*Переход к стратегической обороне летом 1943 г. в отличие от прошлых лет был преднамеренным. Советское командова-*

[28] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М.: ЭКСМО, 2003. С. 420.

[29] Цит. по документам штаба ОКВ от 15.08.1943 г. // См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М.: ЭКСМО, 2003. С. 420.

[30] Там же. С. 426.

ние, владея стратегической инициативой и имея к лету 1943 г. крупные резервы (9 общевойсковых и 2 танковые армии и ряд отдельных соединений — 63 стрелковые дивизии, 10 механизированных, 13 танковых и 5 кавалерийских корпусов), располагало возможностью упредить противника и перейти в наступление. Однако надо было вынудить противника начать наступление первым и в оборонительных сражениях измотать и обескровить его ударную группировку, после чего, введя в сражение свежие стратегические резервы, перейти в решительное контрнаступление».[31]

В летнем контрнаступлении 1943 г. советских войск под Курском противнику окончательно было продемонстрировано, что военная компания, начатая им летом 1941 г., проиграна. Два года напряженных боевых действий советская военная экономика не только выдержала, но и использовала:

а) для восстановления военно-экономического потенциала, утраченного в результате захвата противником неприкосновенных военных запасов, сконцентрированных в западных приграничных округах на случай войны;

б) для возмещения ущерба, нанесенного военно-промышленному потенциалу оккупацией важных экономических районов страны;

в) для наращивания военно-экономического потенциала непосредственно в ходе ведения боевых действий.

Западноевропейские историки Второй мировой войны, и в частности, Б. Мюллер-Гиллебранд, отмечая резко возросшие потери немецких войск с лета 1942 г., не уделяют должного внимания видам вооружения, благодаря которым данные потери выросли. К 1942 г. в СССР произошло ***удвоение*** производства военной продукции по отношению к 1940 г. Данное удвоение произошло на ***качественно новой основе***. Тактико-технические характеристики вооружения и боевой техники были совершенно новыми, хотя, конечно, в 1942 г. производились еще и старые образцы. Но Красная Армия не использовала трофейную технику, а немцы были вынуждены поставлять в войска бельгийские и французские танки, чешские пушки и автоматы, не говоря уже о трофейной транспортной технике. Перелом в ходе войны наступил в то время, когда перебазированная на Восток советская промышленность стала удовлетворять потребности войны лучше, больше и быстрее, чем военная экономика Германии в условиях единого военного европейского хозяйства (см. табл. 38).

31 Военная стратегия. М.: Воениздат, 1962. С. 176.

Таблица 38. **Соотношение основных видов вооружения Красной Армии и Вермахта на советско-германском фронте (декабрь 1941 г. — июль 1943 г.)**

	Действующая армия СССР			Действующая армия Германии и ее европейских союзников		
	Танки и САУ	Орудия и минометы	Самолеты	Танки и САУ	Орудия и минометы	Самолеты
Декабрь 1941 г.	1954	22 000	2238	1940	26 800	2860
Ноябрь 1942 г.	7350	77 851	4544	5080	51 700	3500
Июль 1943 г.	10 200	105 000	10200	5850	54 300	2980
ИТОГО	19 504	204 851	16 982	12 870	132 800	9310

Источник: *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1985. С. 218.

С конца 1943 г. Советские Вооруженные Силы не испытывали недостатка в боевой технике, вооружении и боеприпасах. Военное хозяйство полностью удовлетворяло потребности фронта. С июля 1941 г. по сентябрь 1945 г. промышленность СССР выпустила 489,9 тыс. орудий, 104,4 тыс. танков и САУ, 136,8 тыс. боевых самолетов, 333,3 млн снарядов, миллионы единиц стрелкового оружия и боеприпасов к нему. По вышеперечисленным показателям Советский Союз произвел больше вооружений, чем Германия, США или Великобритания. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о среднегодовом производстве боевой техники (табл. 39).

Таблица 39. **Среднегодовое производство боевой техники в СССР, Германии, США и Великобритании (тыс. ед.)**

	Танки и САУ	Артиллерийские орудия	Самолеты	Минометы
Советский Союз (июль 1941 — июнь 1945)	23,8	47,0	27,0	86,9
Германия (1941 — 1944 гг.)	13,4	25,5	19,8	17,0
США (июль 1940 — сентябрь 1945)	23,8	86,1	59,3	22,1
Великобритания (сентябрь 1939 — сентябрь 1945)	6,0	21,8	21,4	9,1

Источник: *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1985. С. 218.

Вместе с тем, военно-экономическую победу СССР над военной экономикой Германии не следует рассматривать в отрыве от военно-экономического сотрудничества и военно-экономического соревнования великих держав — союзников по антигитлеровской коалиции. Проблемы данных экономических отношений существовали не только во время Второй мировой войны, но и сохранились в период мирного существования двух экономических систем с различным политическим строем, который получил название «холодной войны».

Глава 2

Военно-экономический потенциал союзников по антифашистской коалиции к началу «крестового похода в Европу»

Накануне Второй мировой войны экономическая мощь США превосходила по своей производительной возможности все европейские континентальные государства к западу от СССР. Из общего объема торгово-промышленного оборота Штатов только 10% приходилось на внешнюю торговлю. Экспорт являлся средством избавления от излишков производимой продукции и имел значение лишь для увеличения товарных объемов из имеющегося потенциала производства. Война с Японией лишила американскую экономику 20% традиционного экспортно-импортного оборота, который в совокупном хозяйственном обороте страны составил всего лишь 2%.

Во время войны США частично потеряли торговые пути в Китай, на Филиппины, в Сингапур, Голландскую Вест-Индию, Австралию и Новую Зеландию. Из этих регионов они ранее ввозили олово, сурьму, камфару, хром, джут, пробку, марганец, никель, каучук, шелк. В 1936 г. комиссия Конгресса по иностранным делам включила в состав стратегических материалов примерно 200 продуктов, поставка которых могла быть нарушена условиями войны и рекомендовала ряд мер, направленных на укрепление национальной безопасности США в экономической сфере. Было создано «Бюро стратегических материалов», которое занималось формированием резервов и запасов на случай длительной войны. Запасы должны были обеспечить не только интересы военных ведомств, но и интересы собственных промышленников, торговых партнеров за рубежом и будущих союзников США в условиях войны.

Данное Бюро было не единственным государственным учреждением, занимающимся экономическими проблемами в масштабе народного хозяйства и военно-экономической безопасности. В годы мирового экономического кризиса (1929–1933 гг.) и депрессии (1933–1935 гг.) использование государственного аппарата в интересах экономики стало принимать черты плановости. Был принят закон «О планировании промышленности в целях ликвидации перепроизводства».[1] Законом предусматривалось принудительное картелирование промышленности и торговли, твердая фиксация оптовых цен, установление квот реализации продукции для всех пред-

[1] Мировая экономика. М.: «Международные отношения», 1965. С. 126.

приятий, раздел рынка между крупнейшими трестами на основе кодексов честной конкуренции.

Государственное регулирование не ограничивалось лишь сферой промышленности. В мае 1933 г. правительство Рузвельта провело через Конгресс «Сельскохозяйственный акт» и организовало специальное государственное учреждение для проведения чрезвычайной сельскохозяйственной политики. Суть этой политики заключалось в повышении цен на продукты сельского хозяйства и резком сокращении посевных площадей, занятых мелкими фермерскими хозяйствами. Крупным аграрным предприятиям, занимающимся выращиванием и первичной переработкой продуктов земледелия, птицеводства, мясомолочным производством и т. д. выдавались правительственные субсидии. Выделялись бюджетные средства на пополнение и обновление государственного резерва.

США вступили во Вторую мировую войну в декабре 1941 г., после нападения японской морской авиации на военно-морскую базу Перл-Харбор и объявления Германией и Италией войны Америке. Однако континентальная часть США, где располагалась величайшая по тем временам комбинация финансовых, промышленных, сельскохозяйственных и минеральных ресурсов была полностью защищена от атак с моря и воздуха. Неуязвимость территории США от вооруженных сил континентальной Европы и необходимость защиты лишь морских коммуникаций наложили определенную специфику на американское военное производство. Оно в большей мере было сориентировано на производство легких и средних танков, зенитной артиллерии, бомбардировочной авиации дальнего и сверхдальнего действия, авианосцев, крейсеров, кораблей охранения и подводных лодок.

Вступление американцев в войну держав, которые вели ее на континенте, потребовало некоторой корректировки военно-технических программ. В частности, на конференции «Аркадия», прошедшей в Вашингтоне в декабре 1941 г., начальники штабов США и Великобритании договорились не только о выполнении в США военных заказов для Великобритании, но и о том, что *«все военные ресурсы Великобритании и США будут рассматриваться в общем объединенном фонде»*, и о том, что будут созданы специальные военно-экономические комитеты с задачей *«проводить консультации по распределению наличных ресурсов как по объему, так и по очередности их распределения для Великобритании, Соединенных Штатов и других государств Объединенных наций, исходя из стратегических соображений и военных требова-*

ный».[2] В результате были созданы такие органы, как Объединенный комитет по производству и распределению сырья, Англо-американский совет по согласованию морских транспортных перевозок, Совет по производству и распределению вооружения и боеприпасов.

США находились в наиболее благоприятном геополитическом отношении по сравнению с другими воюющими государствами. Они географически располагались на значительном удалении от основных театров военных действий — т. е. обладали стратегической инициативой в планировании и подготовке наступательных операций. Американцы вступили в активную фазу войны на Европейском континенте, имея достаточные запасы вооружения, промышленного сырья, большие резервы войсковых соединений, рабочей силы и производственных возможностей. К началу Второй мировой войны в стране насчитывалось 9,5 млн безработных, что составляло одну шестую часть наличной рабочей силы. Не все из этих безработных обладали достаточной квалификацией для работы на военных предприятиях и службе в армии, но тем не менее имелась возможность маневра в перегруппировке живой силы.

Война породила в США военно-промышленный бум, поскольку к ее началу производственные мощности были загружены не полностью. Особенно быстро росло военное производство и расширялись отрасли, непосредственно связанные с выпуском военной продукции. Выплавка первичного алюминия, в котором авиационная промышленность испытывала растущую потребность, увеличилась за 1939–1943 гг. в шесть раз. Заново была создана отрасль по производству синтетического каучука. Резко выросло строительство торговых судов различного класса.

В результате роста военной экономики произошли структурные сдвиги не только в промышленном производстве, но и во всем народном хозяйстве Америки. В 1942 г. 55% промышленной продукции потребляла военная экономика. Это способствовало концентрации производства, слиянию заводов в крупнейшие монополистические объединения, централизации финансов в руках ограниченного количества финансово-промышленных групп. За период с июня 1940 г. по сентябрь 1944 г. правительство выдало заказов крупнейшим компаниям на 175 млрд долл. Более 2/3 из этих заказов было распределено среди 100 компаний. До вычета налогов в 1936–1940 гг. их прибыли составляли 6,2 млрд долларов; в 1941–1945 гг. — 21,5 млрд долл. Выгодные военные заказы с гарантированной при-

[2] *Говард М.* Большая стратегия / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1980. С. 17.

былью способствовали строительному буму. Только государственное финансирование строительства новых заводов составило за первые два года войны 16,9 млрд долл. Собственных средств было вложено компаниями и банками более 25,2 млрд долл.[3]

Военные заказы выполнялись промышленностью США также для Великобритании, Китая и СССР. На 1 октября 1941 г. советская военная миссия в Вашингтоне разместила в США военных, продовольственных и сырьевых заказов за наличный расчет на 145 млн долл.[4] Заказы, выполнявшиеся для Великобритании, превышали данную сумму в сотни раз. В их обеспечение Англия заложила золотовалютные резервы, американские ценные бумаги и военно-морские базы. Лишь после того, как Великобритания подписала соглашение об американском финансовом контроле в рамках стратегического партнерства и сотрудничества атлантических объединенных наций, США перешли от поставок военных материалов за наличный расчет к поставкам по ленд-лизу.

Ленд-лиз (от английского lend — давать взаймы, одалживать и lease — сдавать в аренду) — составная часть «Акта содействия обороне США», был одобрен американским Конгрессом 8 марта 1941 г. Он уполномочивал политическое руководство США передавать в аренду предметы обороны любой стране, безопасность которой жизненно важна для Америки. Оплате не подлежало все то, что было использовано в военных действиях — по оставшееся после войны подлежало оплате на основе долгосрочных кредитов, предоставленных на коммерческих условиях. Ленд-лиз не был актом безвозмездной помощи. В рамках вышеуказанного закона, 30 октября 1941 г. США предоставили СССР кредит в сумме 1 млрд долл. с погашением в течение десяти лет, начиная через пять лет после войны. В феврале 1942 г. данный кредит был увеличен еще на 1 млрд долл.

Если на правительственном уровне данные поставки по ленд-лизу выглядели как политическое решение, то для экономики США кредитные вливания в собственную промышленность и сельское хозяйство способствовали развитию производственных мощностей, автоматизации производства, оживлению сельскохозяйственного экспорта. Физический объем промышленного экспорта вырос за годы войны более чем в три раза. Сельскохозяйственное производство в Штатах выросло в два раза. Поставки по ленд-лизу

[3] *Фрей Л. И.* Внешняя торговля СССР. М.: Международная книга, 1947. С. 184.

[4] Там же. С. 185.

производились в 42 страны мира на общую сумму в 46 млрд долл., в том числе на 9,8 млрд долл. в СССР.

Уникальность военной экономики США состояла в том, что это была единственная из воюющих великих держав, чья военная промышленность работала не столько на нужды фронта (США вступили в континентальную войну лишь в 1944 г.), сколько на экспорт. Численность американских вооруженных сил выросла в два раза (с 5,5 млн человек в 1941 г. до 11,5 млн в 1945 г.). Военные потери составили лишь 90 тыс. человек на Тихоокеанском театре военных действий и 106 тыс. человек на Европейском континенте.[5] Потери боевой техники носили минимальный характер, поскольку в войне с Японией они касались в основном кораблей, самолетов и подводных лодок. В ходе боев на Европейском континенте американские войска участвовали в наступательных операциях, где отсутствуют потери военной техники в виде «трофеев», доставшихся противнику. Другими словами, коэффициент накопления военно-технических запасов в армии США был максимально возможным в условиях боевых действий. А это означало, что они производили военную технику больше на продажу, чем для собственных фронтовых нужд. Общая картина производства военной техники представлена в табл. 40.

Таблица 40. **Производство важнейших видов военной техники в США**

Военная техника, тыс. шт.	1 января 1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	Август 1945 г.	[illegible]
Винтовки и карабины	37,9	1541,7	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Пистолеты-пулеметы	11,6	651,1	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Пулеметы всех видов	20,4	662,3	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Минометы	0,1	11,0	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Танки и САУ	0,9	27,0	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Боевые самолеты	1,4	21,9	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Боевые корабли всех классов	5	11,1	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Источник: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. С. 241.

Американские историки утверждают, что рост военного производства дает кратковременный экономический эффект, поскольку в мирное время необходимо осуществлять его конверсию, а это требует дополнительных капиталовложений. Однако военные заводы, построенные на бюджетные средства, были переданы после войны фирмам и компаниям по минимальным ценам, поскольку существовал эффект так называемого «обратного ленд-лиза». Существова-

[5] *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М.: Мысль, 1983. С. 124.

ла также диверсификация производства, при которой ассортимент выпускаемой продукции имел двойное применение. И, наконец, не все американские заводы, работавшие на военные заказы для себя и союзников, занимались в годы войны выпуском лишь танков и подводных лодок. Только для Советского Союза за годы войны было произведено: 1,9 тыс. паровозов, 11,2 тыс. грузовых вагонов и платформ, 44,6 тыс. металлорежущих станков, свыше 190 тыс. телефонов, 4 тыс. радиостанций, 2 млн км телефонного кабеля, 8,7 тыс. тракторов, 3,8 млн автомобильных шин, 96 торговых судов, 3 ледокола, 15 млн пар сапог, 2,7 млн т бензина, 345 тыс. т взрывчатых веществ и многое другое, что может относиться к продукции мирного характера, но, в то же время, пользуется повышенным спросом во время войны и в послевоенном восстановлении народного хозяйства.[6] Весь вышеперечисленный ассортимент товарной продукции поставлялся в гораздо большем объеме по «плану Маршалла» в разрушенную войной Европу.

В США управление военного производства было подчинено непосредственно президенту. В Великобритании — министерству военной промышленности. Но поскольку Объединенный англо-американский штаб занимался планированием военных операций, а не только вопросами военной экономики, то в июне 1942 г. был создан Объединенный комитет по производству и ресурсам, в котором постоянными членами стали министр военной промышленности Великобритании и председатель комитета по военному производству США Нельсон. Перед комитетом были поставлены следующие задачи:

а) объединить программы производства Соединенных Штатов, Великобритании и Канады в единую общую программу на основе стратегических требований войны и указаний Объединенного англо-американского штаба, а также с учетом всех факторов, относящихся к промышленному, военному и сельскохозяйственному потенциалу;

б) совместно с Объединенным англо-американским штабом следить за тем, чтобы упомянутая единая программа производства постоянно корректировалась и соответствовала изменяющимся военным потребностям и военно-экономическим задачам.[7]

Таким образом, обязательным условием считалось четкое определение военных потребностей, и именно эти задачи решал Объединенный комитет по производству и ресурсам. В отличие от задач,

[6] *Петров П. С.* Фактическая сторона помощи по ленд-лизу // Военно-исторический журнал. 1990. №6. С. 37.

[7] *Говард М.* Большая стратегия / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1980. С. 17.

решаемых плановой экономикой СССР в условиях боевых действий на советской территории, англо-американское планирование находилось по ту сторону континентальных боевых действий. Это означает, что планы широкого вторжения союзников в Европу не диктовались наступательными действиями противника. США и Великобритания имели возможность со счетами в руках и по накладным на складах проверить и неоднократно сверить все позиции наличного военного и экономического потенциала с теми позициями, которые заранее были спланированы и заказаны командующими армиями и флотами исходя из военно-стратегических задач.

В частности, англичанами было подсчитано, что для осуществления операции «Оверлорд» флоту Ее Величества необходимо было получить дополнительно 34 тыс. рабочих на судостроительные верфи, а министерству авиационной промышленности требовалось увеличить число рабочих на своих предприятиях еще на 200 тыс. человек. В результате заявок сухопутных сил общие требования на дополнительную рабочую силу выросли до 260 тыс. человек. В мае 1942 г. Комитет по военному производству высказал осторожное предположение, что заявки на дополнительное количество работников в ходе предстоящей наступательной операции можно «почти удовлетворить», однако уже в сентябре 1942 г. был вынужден пересмотреть данную точку зрения.

Комитет принял во внимание, что транспортный флот продолжает нести большие потери в кораблях, и поэтому адмиралтейству потребуются новые крупные контингенты рабочей силы для верфей, и то, что вследствие боевых потерь в ходе самой фронтовой операции неизбежно будут расти потребности сухопутных войск и авиации в живой силе. В этой связи английские и американские союзники России по борьбе с фашизмом решили не планировать открытия второго фронта на Европейском континенте до декабря 1943 г. В меморандуме Комитета во военному производству отмечалось: «... *поскольку, как предполагается, Великобритания явится базой для наступательных действий Объединенных наций, необходимо поддерживать эффективность производства, восполнять изношенное заводское оборудование, сохранять высокий уровень работы транспорта и одновременно учитывать, что обеспечение американских войск потребует значительного количества нашей рабочей силы и наших запасов сырья... В целом это повлечет за собой возникновение дополнительной потребности в людских ресурсах на период больше чем 21 месяц, с апреля 1942 г. до декабря 1943 г., в количестве более 2 млн человек, которые будут нужны, чтобы осуществить намеченные планы военных ведомств*

и организаций, занимающихся проблемами производства...»[8]

Декларация Объединенных наций была, как известно, подписана в январе 1942 г. Ее подписали 26 государств, но фактические боевые действия на Европейском континенте против стран, объявивших войну США и Великобритании, вел только Советский Союз. Правительства государств, подписавших эту декларацию, обязались:

а) употребить все свои экономические и военные ресурсы для победы над врагом;

б) сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами.

Однако атлантические государства и СССР вкладывали неадекватный смысл в понятие «общего врага». Политическое руководство СССР понимало под «общим врагом» вооруженные силы Германии, Италии и Японии. Победа над противником не может быть достигнута без уничтожения его живой силы. Враг — это солдаты противостоящей армии, воюющие на фронтах, по чьей бы территории они в данный момент ни проходили — по территории СССР или же по территории Франции, Англии, США. Несколько иной смысл вкладывали в понятие «общего врага» Великобритания и США. Боевые действия на советско-германском фронте — это проблема СССР, считали они. Главная задача — не допустить заключения Советским Союзом сепаратного мира с Германией. Вот если это произойдет, тогда возникнут проблемы у Великобритании и США. Пока же живая сила противника уничтожается, это означает, что на долю английских и американских солдат выпадает меньше боевых потерь.

1942 г. — год предполагаемого открытия второго фронта — рассматривался Объединенным англо-американским штабом как год наивысшего подъема британского военного производства. Планы, самостоятельно разработанные в предвоенный период и в первые годы войны британским адмиралтейством, военным министерством, министерствами авиации и снабжения, также предусматривали, что к 1942 г. английское производство достигнет такого уровня, который позволит Англии не только отразить крупномасштабную десантную операцию Германии по захвату британских островов, но и перейти в контрнаступление с последующей победой. Однако, как видно из табл. 41, максимальных своих возможностей военное производство Англии достигло не в 1942, а в 1943 г., т. е. на год позже спланированного срока.

---

[8] *Говард М.* Большая стратегия / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1980. С. 18.

Таблица 41. **Производство важнейших видов военной техники в Великобритании в годы Второй мировой войны**

Военная техника, тыс. шт.	Сент.–дек. 1939	1940	1941	1942	1943	1944	Янв.–авг. 1945	Всего
Винтовки и карабины	18,3	80,8	78,5	594,9	909,8	547,4	227,4	2457,1
Пистолеты-пулеметы	—	—	6,4	113,3	1572,4	671,7	231,3	3919,9
Пулеметы	19,0	101,9	193,1	283,8	200,7	125,3	14,7	938,6
Орудия	1,4	10,2	33,1	106,1	118,2	92,8	27,9	389,7
Минометы	1,3	7,6	21,7	29,2	17,1	19,0	5,0	100,9
Танки и САУ	0,3	1,4	4,8	8,6	7,5	4,6	2,1	29,3
Боевые самолеты	1,3	8,6	13,2	17,7	21,2	22,7	9,9	94,6
Боевые корабли	13	52	69	114	85	76	32	441

Источник: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. С. 243.

Несмотря на то, что Германия, в ожидании открытия второго фронта союзниками по антигитлеровской коалиции, в ноябре 1942 г. оккупировала в целях обороны побережья южную Францию, союзники имели стратегическую инициативу, поскольку существовали сотни удобных мест для высадки крупномасштабного десанта. Такими местами, где, по предположениям германского Генштаба, могла произойти высадка десанта с последующим открытием второго фронта, были Италия с ее островами (Сицилия, Сардиния), Корсика, испещренные ущельями и пляжами берега Пелопоннеса, Эпира и Албании, Эгейские острова и Крит, открывавшие путь в Дарданеллы, Фракию и Аттику. Они практически не были защищены с моря. Наконец, это могло быть северное побережье Франции, которое, хоть и было защищено, но имело неоспоримые преимущества в том отношении, что вся Великобритания выступала в этом случае базой поддержки десанта.

К 1943 г. активная подводная война, довольно успешно проводимая Германией по осуществлению блокады побережья Великобритании, практически сошла на нет. Перелом произошел в то время, когда количество надводных кораблей союзников, потопленных немецкими подводными лодками, сравнялось с количеством вновь построенных кораблей, а затем строительство вчетверо стало опережать понесенные потери (см. табл. 42).

Объявление 3 сентября 1939 г. войны Германии Англией и доминионами — Австралийским Союзом, Новой Зеландией, Южно-Африканским Союзом и Канадой вначале рассматривалось Германией как объявление морской блокады, как «торговая война», поскольку могущественная Британская империя, вобравшая в себя четверть

Таблица 42. **Соотношение между вновь построенными в США и Великобритании транспортными судами и потопленными немецким подводным флотом (в тыс. брутто-регистровых т)**

	1941 г.	1942 г.	1943 г.
Вновь построено и спущено на воду кораблей	1981	7182	11585
Потоплено немецкими подводными лодками	4398	8245	3611
ИТОГО	2414	1063	+ 10971

Источник: *Мюллер-Гиллебрандт Б.* Сухопутная армия Германии. 1939 1945 гг. / Пер. с нем. М.: ЭКСМО, 2003. С. 378.

всего населения планеты, ухитрялась обходиться минимальным количеством войск, способным к боевым действиям на Европейском континенте. Между двумя мировыми войнами империя имела под ружьем около 600 тыс. человек, треть из которых составили индийские сипаи. Объявив войну Германии, вся Британская империя смогла мобилизовать всего лишь около миллиона прошедших военную подготовку солдат — почти столько же, сколько, к примеру, Румыния. До середины 30-х годов по трем видам ее вооруженных сил действовала военно-экономическая доктрина, сформулированная Черчиллем в конце 20-х годов: «*при рассмотрении проекта государственного бюджета по расходам следует исходить из предположения, что в течение ближайших десяти лет Великобритания не будет вовлечена ни в какую крупную войну и ей, следовательно, не потребуются для этих целей никакие экспедиционные войска*» (*Маклахлан Д.* Тайны английской разведки. 1939 1945 / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1971. С. 75.)

Франция, также объявившая войну Германии, рассчитывала выступать лишь политическим арбитром европейских конфликтов, вложив основные средства по военному бюджету в строительство оборонительных рубежей. Отгородившись с востока от остальной Европы неприступной «линией Мажино», она, как и в первой мировой войне, стремилась втянуть Германию в активные боевые действия на Востоке, чтобы на Западе вести с нею тягучую позиционную войну. Лозунг «на Западном фронте без перемен» устраивал французских стратегов еще с той поры, когда прикованная кредитами Ротшильдов и Лазаров царская Россия добывала для Версаля победу на пинских болотах и галицийских полях.

17 сентября 1939 г., когда Красная Армия двинулась на Польшу с другой стороны, ни Англия, ни Франция, ни даже Новая Зеландия, не объявили войну Советскому Союзу, поскольку этот шаг автоматически превращал СССР в союзника Германии. С 17 сентября по 5 октября 1939 г. (окончание существования Польского

государства), Англия и Франция ожидали: что будет дальше? Война была ими объявлена, чтобы сохранить Польшу — самую боеспособную единицу европейского «Восточного пакта», но с ее исчезновением и без фактического ведения англо-французской коалицией боевых действий, это объявление превращалось в ловушку для любого восточноевропейского государства, предпринимающего шаги по сближению с Германией или же — Англией и Францией. Англия и Франция желали таскать каштаны из огня чужими руками — это знали и понимали все, кто изучал дипломатическую, политическую и военную историю Европы начала XX в.

«Большая стратегия» двух колониальных держав, заключающаяся в ведении позиционной войны на Западе и инициировании активных боевых действий на Востоке Европы, была известна и германскому Генштабу. 9 апреля 1940 г. перед Германией без боя капитулировала английская союзница Дания. 10 июня 1940 г., потеряв 1000 человек, капитулировала другая союзница Англии — Норвегия. 22 июля 1940 г., потеряв в боях около 65 тыс. военнослужащих, капитулировала основная союзница Англии на Европейском континенте и соперница в колониальной политике — Франция. Но еще накануне, с 20 мая по 4 июня 1940 г. англичане эвакуировали свой экспедиционный корпус в составе 215 тыс. человек на Британские острова и перестали оказывать помощь французской армии даже авиационной поддержкой с воздуха. Впоследствии англичане утопили французский флот в Тунисе, чтобы он не достался немцам.

Союзная Франции бельгийская армия, потеряв 5 тыс. человек, частично была эвакуирована в Британию, а частично сдалась на милость победителя. 14 мая 1940 г. капитулировала Голландия. Потери ее армии составили 4 тыс. человек. Из четырехмиллионной армии, выставленной западными союзниками против фашистской Германии, ее боевые потери (убитые в бою) составили в ходе «странной войны» менее 1%. Потери мирного населения вследствие бомбежек, оккупации, «зачисток» и концлагерей, составили в абсолютном выражении, около одного миллиона человек, что соответствовало примерно 1,5% — больше, чем процент военных потерь.[9]

Статистика смерти в памяти людей всегда останется «лукавой цифрой». В ходе фашистской оккупации Европы погибло около 6 млн евреев. На совести какого правительства лежат эти жертвы — если учесть, что у евреев не было национального государства, которое имело бы собственную армию, призванную их защищать? Вступив 17 сентября 1939 г. на территорию Польши, СССР взял

[9] См.: *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. С.23–24.

под защиту полмиллиона евреев, проживающих в Западной Украине и Западной Белоруссии и четверть миллиона беженцев-евреев из польских земель. Всего, если учесть последующее присоединение Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины, в СССР стало проживать на 2 млн евреев больше, чем было до войны.

Советские евреи разделили участь всего советского народа, поскольку 180 тыс. евреев-военнослужащих погибли в ходе боевых действий, 30 тыс. ушли в партизанские отряды, около 300 тыс. были эвакуированы на Восток вместе с предприятиями, учреждениями, организациями и неорганизованным порядком. Около 80 тыс. евреев-военнослужащих было уничтожено в немецких концлагерях. Местный полицейский геноцид осуществлялся в годы войны по отношению к тому еврейскому населению, которое попало под оккупацию во Львове, Риге, Каунасе, Вильнюсе — т. е. в той полосе, которая до этого 20 лет входила в состав «цивилизованной» Европы.[10] *«То, что случилось с 6 млн евреев в Европе,* — считал известный еврейский философ, раввин и теолог Элиезер Берковиц, — *не было следствием "работы" только нацистов или немцев. Ни нацисты, ни немцы не обладали особыми расовыми качествами, отличающими их от остальных европейцев. Только потому, что европейцы — есть продукт своей цивилизации, это могло случиться и случилось, при удобных для них обстоятельствах».*[11]

На Нюрнбергском процессе сидели на скамье подсудимых лишь немецкие военные преступники, поскольку Германия объявила войну США, варварским оружием бомбардировала Лондон и в течение четырех лет пыталась завоевать СССР. На известной всему миру фотографии лидеров антифашистской коалиции присутствуют Сталин, Рузвельт и Черчилль. Даже на втором плане там не видно ни одного представителя «антифашистской» Европы. Когда Кейтель подписывал акт о капитуляции, он чуть не уронил от удивления перо, увидев среди держав-победителей представителя... Франции — престарелого де Латра де Тассиньи, спешно привезенного из Туниса.

Мудрый вождь народов товарищ Сталин настоял на присутствии в церемонии капитуляции представителя континентальной Европы, чтобы у европейцев не сложилось представление об этой войне как о незаконном вмешательстве в сугубо европейские дела заокеанских «друзей» азиатской России и Британского содружества наций. *«По прошествии 50 лет и бесконечных разоблачений культа личности Сталина,* — считает А. С. Кац, посвятивший зна-

[10] См.: *Кац А. С.* Евреи, христианство, Россия. СПб, 1997. С. 364, 376–377.
[11] *Berkovits El.* Crisis and Fait. N. Y., 1976. P. 36–37.

чительную часть своей книги обоснованию антисемитской политики Сталина, — *кажется справедливым отдать должное тем его качествам, которые обеспечили победу СССР в Великой Отечественной войне. Ведь на посту диктатора СССР в те годы мог оказаться человек другого калибра и другой прочности. Он мог бы пролить столько же невинной крови, что и Сталин, но при этом проиграть войну. Понятно, что это означало бы для судеб каждого из нас... И надо отдать должное этому человеку, сумевшему в исключительно трудных исторических условиях перебороть ситуацию и привести страну к победе».*[12]

По окончании Второй мировой и Великой Отечественной войны победителями произносилось много речей и тостов. Сам Сталин поднял тост за русский народ, вынесший на своих плечах основную тяжесть войны и победы. Главнокомандующий силами союзной коалиции, высадившимися в 1944 г. на западе Франции, генерал Д. Эйзенхауэр, произнес тост *«в честь самого важного русского человека во Второй мировой войне... за рядового солдата великой Красной Армии».*[13]

Вместе с тем в своей книге, которая называется «Крестовый поход в Европу» Эйзенхауэр отмечал, что в 1944 г. *«у немцев не было достаточно солярки, чтобы развить наступление до Антверпена. Внезапно прорвав фронт в Арденнах, они могли бы нанести непоправимое поражение американо-английским экспедиционным войскам, и Гитлер, планируя наступление, мечтал, что они захватят союзнические склады горючего в Бастони».* Эйзенхауэр, как полководец, правильно рассчитал направление немецкого контрнаступления и сконцентрировал все свои силы на удержании Бастони любой ценой.[14]

Данный эпизод касается не раздачи наград победителям, а экономического обеспечения войны. Ранее мы подробно остановились на рассмотрении порядка планирования союзниками военных операций. Ни один американский или английский генерал не посылал в бой своих солдат, пока не получал от интендантства полного материально-технического обеспечения спланированной операции. «Большая стратегия» атлантических союзников вытекала из экспедиционного характера войн, ведущихся колониальными державами на протяжении столетий вдали от своих метрополий. Крестовый поход в Европу мог быть экономически и военно-технически обеспечен и в 1943, и в 1944, и в 1945 гг. При всем уважении к союзникам

[12] *Кац А. С.* Евреи, христианство, Россия. СПб, 1997. С. 364, 380–381.
[13] *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М.: Мысль, 1983. С. 113.
[14] *Там же.* С. 104.

по антифашистской коалиции следует отдать должное правде: таким образом планируются захватнические войны, и они существенным образом отличаются от оборонительных действий, когда генералы вынуждены бросать в бой солдат, не обеспеченных боевыми и материально-техническими ресурсами, а танки не заправленные соляркой.

Германия, прежде чем напасть на СССР, спланировала экономическое обеспечение военных действий таким образом, чтобы завершить войну через полгода на волжских рубежах. Советский Союз не планировал войну с Германией, а тем более не планировал закончить ее в Берлине. Как мы отмечали выше, в годы НЭПа политическое руководство СССР ставило задачи создать такие вооруженные силы, которые по оснащенности не уступали бы армиям Польши и Румынии. В конце 30-х годов ставилась задача оснастить Вооруженные Силы СССР на уровне сухопутных сил и авиации Франции.

Ориентируясь на эту задачу и видя усилия Франции по сколачиванию «Восточного пакта», согласно которому Польша интенсивно получала французскую военную технику, СССР стремился оснастить свою армию образцами оружия, способного противостоять ей. «*По торговым соглашениям с Германией Советский Союз должен был получить крейсер "Лютцов", рабочие чертежи линкора "Бисмарк", 30 самолетов "Мессершмитт-109" и "Мессершмитт-110", образцы полевой артиллерии, приборы управления огнем, танки, формулу танковой брони, взрывные устройства, оборудование для нефтяной и электропромышленности, локомотивы, турбины, станки и другие изделия высокой немецкой технологии*».[15] Данные поставки, даже если бы они были произведены, не выводили СССР на уровень военно-технического обеспечения, уже достигнутого Германией. Все эти образцы военной техники и вооружения еще предстояло освоить советской промышленности. Именно поэтому Германия безбоязненно подписала данное торговое соглашение, поскольку все, что запрашивал Советский Союз, свидетельствовало о его военно-техническом отставании от Германии в области передовой военной техники.

Военно-техническое отставание СССР от Германии в области современных вооружений и ударной военной техники существовало вплоть до конца 1942 — начала 1943 г. Это касается в первую очередь танков, самолетов, надводных кораблей, стрелкового вооружения и полевой артиллерии. До начала Второй мировой войны

[15] *Кац А. С.* Евреи, христианство, Россия. СПб., 1997. С. 363.

советское танкостроение развивалось как мелкосерийное производство со всеми его особенностями. Красная Армия располагала к началу войны большим количеством танков, чем Германия, но на ее вооружении находились серийные танки Т-26, БТ-5, БТ-7, которые уступали серийному немецкому танку Т-III по всем огневым показателям: по мощности брони, калибру орудий, пулеметному вооружению, а большинство из них — и по мощности двигателя.

Советское танкостроение развивалось на своей собственной основе, оно не копировало чужие образцы. Советско-Финская война 1940 г. показала непригодность танка Т-26, который работал на авиационном бензине и загорался от первого попадания. Новый тип советского танка Т-34, ставший основным танком Великой Отечественной войны, был разработан на основе отечественного опыта танкостроения, в том числе с учетом конструктивных недоработок танков предшествующих модификаций. В годы войны шло непрерывное соревнование по совершенствованию типовых образцов танков, поскольку к 1943 г. лучший немецкий танк начала войны — Т-III — тоже устарел. Он уступал новому советскому танку по всем вышеперечисленным показателям, но немцы уже были не в состоянии разработать танк принципиально иной модификации и пошли по пути модернизации танков старых, предвоенных образцов.

Военная техника, в отличие от товаров народного потребления и средств производства, является конечным продуктом. Это значит, что ее накопление в войсках напрямую зависит от искусства боя. За первый месяц боев Красная Армия потеряла 7600 танков и 6233 самолета. В дальнейшем, в немецких «котлах» под Минском, Рославлем, Смоленском, Гомелем, Уманью, Киевом, Таганрогом и Вязьмой потери военной техники составили катастрофические масштабы: армия потеряла 16,6 тыс. танков, 16,3 тыс. орудий и минометов, миллионы единиц штатного стрелкового оружия и крупнокалиберных пулеметов.[16] Советская авиация вплоть до конца 1942 г. практически была парализована из-за больших потерь и господства в воздухе немецких истребителей. Лучшие образцы советского вооружения создавались и запускались в серийное производство уже в ходе ожесточенных боев под Москвой, Сталинградом и Курском. На освоение промышленностью новых образцов техники, поставленной на поточное производство, уходят обычно годы, поэтому во время войны наряду с новейшими образцами оружия производились те танки, самолеты, орудия и минометы, которые изготавливались конвейерным методом, хотя они представляли из

[16] Архив МО РФ. Ф. 32. Оп. 65582. Д. 42. Л. 394.

себя не лучшие советские виды вооружения и боевой техники. В этом заключается особенность ведения оборонительной войны, когда на прорыв танковых клиньев противника приходится бросать все, что имеется в резерве, в том числе резерве производственных возможностей.

В количественном соотношении основных видов вооружения и боевой техники Красная Армия превосходила немецкую армию на всем протяжении войны, за исключением кампании с осени 1941 г. до лета 1942 г. (см. табл. 43).

Планируя войну против СССР, Германия опиралась не только на имеющиеся качественные военно-технические преимущества, но и на «экономику блицкрига», которая формируется в процессе военных действий, в процессе уничтожения военной техники и заводов противника, военных захватов экономических ресурсов. Именно с этой целью было создано имперское Министерство занятых восточных территорий, которое функционировало все годы войны против СССР, в то время как в Европе имперское Министерство вооружений с 1942 г. проводило новую экономическую политику, которую западноевропейские историки-экономисты определяют как политику «единого европейского военного хозяйства». В 1943 г. бельгийская металлургическая промышленность три четверти своей продукции поставляла в Германию. Франция — 31,3% своего валового национального продукта производила для потребностей немецкой военной экономики. Вклад Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Дании, Польши был ниже по абсолютным показателям, но в отношении к их валовому продукту колебался в тех же пределах.[17]

Под лозунгом борьбы против большевизма и защиты Европы от азиатской России в 1940 г. в войска СС принимались добровольцы из числа жителей Северной, Западной и Южной Европы. Добровольцы «нордической» расы, находившиеся в войсках СС, являлись в своем большинстве выходцами из Норвегии, Дании, Нидерландов и Бельгии (фламандцы). Из них формировались «германские» части. Летом 1940 г. появился полк «Вестланд», который был укомплектован нидерландскими добровольцами. За ним последовало формирование полка «Норланд». Оба полка составили ядро дивизии «Викинг», сражавшейся на Восточном фронте. После начала войны против СССР были созданы отдельные легионы, состоявшие из датчан, голландцев, норвежцев, фламандцев, валлонов, часть из которых была передана дивизии СС «Викинг», а часть послужила ядром формирования новых дивизий из числа западноевропейцев.

[17] *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. М., 1999. С. 286–287.

Таблица 43. **Соотношение основных видов вооружений и боевой техники Германии и СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

Виды вооружения	Состояние вооружения летом 1941		Произведено в 1941— 1945		Вооружение с учетом военного производства в 1941–1945		Боевые потери техники и вооружения за годы войны		Вооружение на завершающем этапе войны	
	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР	Германия	СССР
Танки	4,3	16,6	41,5	102,8	44,8	117,7	40	60,9	4,8	56,8
Самолеты	5,0	6,2	76,4	112,1	81,4	118,3	80	39,6	21,2	78,7
Орудия и минометы	47,2	53,8	300,4	834,0	347,2	871,5	90	112,6	257,2	758,9

Источники: ЦГА РА. Ф. 4. Оп. 7. Д. 12/36. Л. 254–255 (об.); *Соколов П. В.* Война и людские ресурсы. М.: Воениздат, 1961. С. 76–77; *Вторая* мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985. С. 49, 229, 257; *Харрисон М.* Советское производство 1941–1945 гг. К переоценке // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 492–501.

В июне 1943 г. появилась дивизия «Нидерланды» и бригада «Лангемарк», развернутая в ноябре 1944 г. в дивизию. Бригада «Валлония» после пополнения ее добровольцами также была преобразована в дивизию. Из частей дивизии «Викинг», приобретших боевой опыт на советско-германском фронте, была создана дополнительная дивизия «Норланд». Таким образом, против «русского большевизма» на Восточном фронте воевало не менее четырех дивизий из европейских добровольцев «нордической» расы, которые имели возможность не участвовать во Второй мировой войне на стороне Германии. Кроме союзных Германии войск Италии, Финляндии, Венгрии и Румынии, в войне против СССР приняла участие одна добровольческая испанская дивизия — «Голубая», она же 250-я пехотная дивизия Вермахта. В группу армий «Центр», воевавших на восточном фронте, входил французский пехотный полк, корпус словацких войск и хорватский пехотный полк, который особенно «отличился» в боях летом 1942 г., но затем был полностью уничтожен под Сталинградом, по причине своего ожесточенного сопротивления. Три хорватские и три словацкие дивизии использовались немцами на Балканах.

Кроме того, огромное количество европейских добровольцев, не имеющих опыта военной службы, использовалась немецким командованием в тыловых войсках и подразделениях обеспечения. Они назывались «хиви» (от немецкого Hilfswillige — «готовые помочь»). Войска использовали «добровольцев вспомогательной службы» в качестве переводчиков, шоферов, конюхов, разнорабочих и мастеров. Позднее из них были созданы полувоенные формирования для «зачистки» тыловых районов от окруженцев, партизан и поимки летчиков с подбитых самолетов авиации англо-американских союзников. В приказе Германского Генштаба от 15 января 1942 г. «Об отношении к иностранным войскам, находящимся в составе германских вооруженных сил» говорилось: «*Участие войск союзных государств и иностранных добровольческих частей служит наряду с военной и промышленной помощью Германии прежде всего идее общности судеб новой Европы, является первым испытанием в совместной борьбе против русского большевизма. Полное соблюдение руководящей роли Германии, однако, ни в коей мере не означает отрицание и угнетение национальной самобытности иностранных добровольцев, их онемечивание, ликвидации культурных особенностей европейских народов*».[18]

По окончании Второй мировой войны и раздела Европы на

[18] Процит. по: *Мюллер-Гиллебранд.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 / Пер. с нем. М.: ЭКСМО, 2003. С. 343.

«два мира — две системы», американцы и русские щадили самолюбие своих новых европейских союзников. И те, и другие, пытались выглядеть большими братьями, пришедшими на помощь младшим братьям — участникам антифашистского Сопротивления. Его роль неоправданно раздувалась, и кому-то стало казаться, что европейцы и сами могли бы разобраться в собственном доме. Из исторической и общественно-политической литературы стали вычеркиваться факты ожесточенного сопротивления советским войскам не только немецких дивизий — в тот период, когда преследуя отступающих гитлеровцев, «большевики» перешли границу СССР и вступили в «объединенную Европу». Существовало не только единое европейское военное хозяйство, но единая идейно-политическая общность европейского духа, согласно которой Гитлер был «роднее» и ближе европейцам, чем Сталин. Если судить по современной западноевропейской литературе о Второй мировой войне, то создается впечатление, что не прояви Гитлер геноцида в отношении евреев, его давно бы поставили в один ряд с Наполеоном, как «объединителя» Европы.

Во имя «большой стратегии» глобального превосходства жертвовали здравым смыслом не только Черчилль и Даладье, но пришедшие им на смену американские большие политики. Еврей Генри Киссинджер, рассматривая в своей известной книге современные российские амбиции в исторической ретроспективе, пишет так: *«Дважды размеры страны и выдержка народа помешали европейским завоевателям покорить Россию: Наполеону в XIX веке и Гитлеру в XX-м. Но в результате каждого из этих гигантских напряжений сил нации Россия использовала мир для навязывания своих автократических принципов всюду, где побывали ее армии: это делалось во имя консерватизма через Священный Союз в XIX веке и во имя коммунизма – в веке XX. В обоих этих случаях Россия переоценивала свои возможности и терпела крах: в Крымской войне в XIX веке и ныне, в годы распада Советского Союза».*[19] И ни слова о Холокосте, в котором другой авторитетный американский еврей (но не большой политик) — Элиезер Берковиц — обвинил всех европейцев. Европейцы не хотят в XXI веке вспоминать о концлагерях в годы Второй мировой войны. Американцы не хотят вспоминать о том, что если бы Красная Армия не вошла в Европу, «крестовый поход» США в Европу тоже бы не состоялся. Большие политики типа Киссинджера не хотят вспоминать о том, что в европейских гетто и концлагерях все еще оставалось 2,5 млн ев-

19 *Генри Киссинджер.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002. С. 64.

реев, которые стали бы жертвами Холокоста, если бы в Европу не пришла Красная Армия...

В политическом беспамятстве тех, кто не воевал с фашистами, Сталин и любящие его русские выглядят коварными азиатами, которые вынудили объединенную Европу нанести превентивный удар по России в 1941 г. Бездарность фюрера и ряд других причин позволили русским освободить свою территорию. Но зачем же было нападать на Европу? Логика подобных рассуждений является не только частью мировоззрения современного европейского жителя. Она уже читается между строк в новых российских учебниках по отечественной истории. Авторы, очевидно, оправдывают себя благой целью — сделать современную молодежь европейски образованной. Однако национальное самоуничижение не способно выполнить роль индульгенции, поскольку «киссинджеры» ведут речь не о построении царствия небесного на Земле, а о создании глобального элитарного клуба, куда униженным вход будет разрешен лишь в лакейскую, расположенную под лестницей, ведущей ко «всеобщему» благоденствию.

Фашизм, мечтавший о глобальном превосходстве, не был в начале Второй мировой войны тем, кем он стал после Нюрнбергского судебного процесса над военными преступниками. Как сказал один немецкий историк — «когда я жил во времена фашизма, я не знал, что живу во времена фашизма». Фашисты были в Европе законной парламентской партией. Они находились у власти в Италии с 20-х годов. К началу 40-х годов Германия и Италия не были единственными фашистскими государствами Европы. Фашисты были у власти в Испании (Франко), Португалии (Салазар), в Венгрии (Хорти), в Румынии (Антонеску). Фашистские парламентские партии и фракции были практически во всех европейских государствах, и им сочувствовали либералы и демократы за их антикоммунистическую риторику. Племянница Черчилля была замужем за лидером английских фашистов Освальдом Мосли, а известный американский промышленник Генри Форд финансировал партию американских фашистов и открыто им симпатизировал. Промышленный капитал, как известно, более национален, чем капитал банковский и между ними всегда наблюдаются известные противоречия. Советская экономическая система, считали в СССР, лишена данных капиталистических противоречий, поэтому с фашизмом должны разбираться в первую очередь те, кто создал и выпестовал это уродливое явление на мировой политической сцене.

С момента своего появления на политической карте мира Советская Россия была отлучена от большой мировой и даже европей-

ской политики. Поставленное в положение «изгоя мирового общества», ее политическое руководство считало, что поскольку новой России не приходится участвовать в борьбе за мировое финансовое господство, за рынки сырья и сбыта, за колонии, за новый территориальный передел, то ей удастся избежать участия во вновь начинающейся империалистической войне.

Молниеносный разгром Германией французской армии и английского экспедиционного корпуса в Дюнкерке, коренным образом изменил военно-политическую и стратегическую обстановку в Европе. Советское руководство стало понимать, что у Германии на всем евразийском пространстве — от Лондона до Токио — не осталось более не одного соперника, несущего в себе потенциальную угрозу для осуществления большой германской стратегии. В то время как Сталин стал бояться «лобового удара» Германии по России, Гитлер стал опасаться, что ему ударят «в спину», если он начнет неимоверно сложную десантную операцию на Британские острова и завязнет в ней до полного исчерпания мобилизованных перед войной ресурсов и военно-экономического потенциала в целом. Это был удобный момент для большой политической провокации...

В период с июня 1940 г. до июля 1941 г. Англия была единственной из великих европейских держав, находящихся в состоянии войны с Германией. За это время она оказала неудачную помощь Греции, послав на Балканы экспедиционный корпус, уничтожила значительную часть военно-морского флота своей бывшей союзницы Франции, расположенного в Тунисе, и нанесла удар авианосцами по итальянскому флоту в Таранто, чем обезопасила Суэцкий канал с моря. Сконцентрировав свои боевые действия в Средиземноморье, Англия придерживалась концепции глобальной атлантической стратегии, где борьбе с немецким фашизмом, господствующим на континенте, отводилась не главная роль.

Британская империя раскинулась на обоих полушариях политической карты мира, поэтому предпринятые фашистской авиацией бомбардировки Лондона, не могли напугать Черчилля. Даже если бы немцы захватили Британские острова, существовал план эвакуации английского правительства в Канаду, откуда оно продолжило бы борьбу за сохранение империи. Англия никогда не считала себя частью Европы, за исключением случаев, когда интересы британской короны требовали неотложного вмешательства в европейские дела. В данный период военные и политические действия английского правительства были направлены на охрану Суэцкого канала, нефтяных ближневосточных районов и укрепление баз в Индий-

ском и Тихом океанах, защищающих «алмаз» английской короны — Индию.

В этой английской (а затем и американской) большой стратегии фашистская Германия не рассматривалась как государство, несущее угрозу всему цивилизованному человечеству своей эгоцентричной идеологией — политические и литературные клише появились позже, в борьбе военно-пропагандистских машин. Германия рассматривалась как молодой империалистический хищник, который прежде чем выйти на мировые атлантические и тихоокеанские просторы должен решить свои проблемы на континенте. Данную задачу всегда можно усложнить. Для этой цели, кроме Франции, существуют Балканы, Турция и Россия. Но если Балканы и Турция без значительной британской и американской помощи не в состоянии самостоятельно и надолго отвлечь на себя немцев, то в России Гитлер «увязнет» гораздо дольше, и бескорыстная помощь, выделенная на борьбу за глобальные экономические интересы, обойдется гораздо дешевле. Еще в 1938 г. американский посол в Париже У. Буллит, после переговоров в Лондоне о польско-германских отношениях, успокаивал своего польского коллегу: «*Было бы желательно для демократических стран, чтобы там, на Востоке, дело дошло до разрешения спорных вопросов путем войны между Германией и Россией. В Англии, Франции и США горячо верят, что в ближайшие месяцы начнется великое разрешение вопросов на Востоке*».[20]

Вера дипломатов, политиков и экономистов не имеет религиозного, нематериального характера. Она базируется на знании глубоких мировоззренческих разногласий, существующих между национальной идеологией фашистов и интернациональной идеологией коммунистов, ведущих, как известно, свою историю от Карла Маркса с его утверждением, что пролетариат, как и банкиры, не имеет отечества. Гитлеровская «Моя борьба», написанная в 1925 г., была не единственной книгой, указывающей Европе на угрозу с Востока. Вся западноевропейская плюралистическая философия, возникшая между двумя мировыми войнами, была обеспокоена судьбой европейской цивилизации.

«Закат Европы» Освальда Шпенглера, «Европа и душа Востока» Вальтера Шубарта, «Исследование истории» Арнольда Тойнби и другие издания европейских историософов были пронизаны апокалипсическими ощущениями, что «*Европа находится под серьезной угрозой мировой революции, ставшей надгосударственной иде-*

[20] *Прэктор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985. С. 156.

ей русского большевизма. Если европейцы пристально вглядятся в его облик, то они обнаружат в нем свои собственные либерально-демократические идеи, которые большевики лишь огрубили, увеличили и развернули против авторов. После того, как Европа в XIX столетии добилась мирового господства — в какой-то точке земного шара неизбежно должен был возникнуть противник, стремящийся отобрать ее колониальные богатства. Европейский пролетарий и цветной раб выступают под лозунгом "пролетарской революции", который большевики вбросили в колониальные страны, — так автоматически совершается включение "эфиопизма" в антиевропейский фронт...

Сегодня у Европы нет ни одной либеральной идеи сверхгосударственного значения, которая могла бы объединить европейцев и "туземцев". На красный кулак, который Россия угрожающе сует ей под нос, Европа отвечает цезаристским приветствием от Саламанки до Риги, от Аахена до Афин... Европа пожертвовала священными дарами свободы и права из страха перед русским чудовищем... Отношения между Россией и Германией обострились не потому, что национал-социализм пришел к власти, а он должен был прийти к власти для того, чтобы эти взаимоотношения обострились!»[21]

Очень важно понять: кого конкретно имел в виду, например, тот же Вальтер Шубарт, оперируя абстрактным — в смысле принятия политических и военных решений — понятием «Европа»? Эта «Европа» позволила Германии и СССР вплотную сблизить свои войска на всем протяжении сухопутной границы от Балтики и до Черного моря, пожертвовав Польшей. Эта «Европа» не позволила сражаться на Западном фронте четырехмиллионной армии французов, бельгийцев, голландцев и англичан. Гитлер не стал бы нападать на СССР, имея в тылу, а не в Африке «Сражающуюся Францию». План «Барбаросса» (план нападения на СССР) германские генштабисты начали разрабатывать месяц спустя после того, как маршал Петэн подписал акт о капитуляции. По своему стратегическому замыслу он был подобен «блицкригу» французской компании.

В той современной российской литературе, где подвергается сомнению «извечное противостояние» Германии и России, утверждается, что план нападения на СССР мог бы и не появиться в 1941 г.,

---

[21] *Вальтер Шубарт.* Европа и душа Востока / АУМ №4. Нью-Йорк, 1990. С. 50, 54. (Переиздание книги, изданной в 1939–1940 гг. в Париже, Лондоне, Берлине и Нью-Йорке. На русский язык переведена в 1943 г. в Париже В. Васильевым (Востоковым)).

если бы Гитлер не был окрылен неожиданно фантастическим успехом своих войск во Франции.[22] В той самой Франции, которая надеела Англии своей претензией на роль общеевропейского жандарма. Как известно, Россия, выполнявшая ту же роль в первой половине XIX столетия, утратила ее по причине английских интриг. После французской капитуляции 123 тыс. солдат и офицеров, эвакуированных англичанами в 1940 г. из Дюнкерка, было направлено на защиту английских интересов в зону Суэцкого канала и ближневосточных нефтепромыслов. Генерал де Голль, настаивавший на открытии второго фронта в Северной Франции, имел в английских и американских политических кругах репутацию «красного» и игнорировался как руководитель «Сражающейся Франции».

И американцы, и англичане рассматривали вступление своих экспедиционных войск на территорию, оккупированную Германией, как «крестовый поход в Европу». Это не случайная риторика и не художественная гипербола Эйзенхауэра или Черчилля — лауреата Нобелевской премии в области литературы. Черчилль еще до выхода в свет книги Эйзенхауэра, 5 марта 1946 г. провозгласил в Фултоне (штат Миссури, США) в присутствии президента Трумэна, видных политиков и журналистов «крестовый поход западных демократий против СССР». Он выступил светским папой, поскольку только папа обладает правом объявлять крестовый поход, имея догмат непогрешимости и богоизбранности.

Упрекать Черчилля в коварстве по отношению ко вчерашнему союзнику по антигитлеровской коалиции бессмысленно, так же как пытаться объяснить либеральному демократу, что Бог не называется именем «демократия», а следовательно, нельзя оправдывать свои действия спасением демократии, отождествляя их со спасением гроба Господня от рук неверных или же самого дьявола.

Понять Черчилля — это значит понять логику непогрешимых и избранных. Именно ее попытался изложить англичанин Джордж Оруэлл, анализируя литературную полемику Черчилля с Гербертом Уэллсом в 1941 г., когда Гитлер еще не напал на СССР: «*Уэллс, вероятно, прав, полагая, что разумное, плановое общество, где у руля будут ученые, а не шарлатаны, рано или поздно станет реальностью, но допускать это как перспективу вовсе не то же самое, что думать, будто такое общество возникнет со дня на день. Уэллс упрекает Черчилля в том, что, тот сам не верит собственным пропагандистским заявлениям будто большевики — это чудовища, утопающие в пролитой ими крови, и т. д.; просто*

[22] См., напр.: *Кремлев С.* Россия и Германия: стравить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М., 2003.

Черчилля страшит, что большевики возвещают наступление эры здравого смысла и научного контроля, когда для охотников помахать жупелами — таких, как Черчилль, — не останется места.

Но в действительности Черчилль судил о большевиках вернее, чем Уэллс. Возможно, первые большевики были чистыми ангелами или сущими дьяволами — это не так уж важно, — но благоразумными людьми их никак не назовешь. И тот порядок, который они вводили с приходом к власти, был не утопией уэллсовского образца, а правлением "избранных", представляющим собой, подобно английскому правлению "избранных", военную деспотию...»[23]

Видя агонию Британской империи и боясь восхождения «избранных» советского образца, Черчилль вместе со всей Англией вовремя переметнулся к тем «избранным», которым под силу было справиться с этой угрозой и заодно подмять под военную деспотию все, что препятствует расползанию по земле крестоносной демократии богоизбранных.

[23] *Джордж Оруэлл.* «1984» и эссе разных лет / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. С. 238.

Глава 3

Дискуссии об истоках победы советского народа в Великой Отечественной войне и о проблемах перестройки экономики на мирный лад

Экономические истоки победы страны, союзных коалиций или же военно-политических блоков в крупномасштабной войне всегда будут предметом пристального рассмотрения экономистов-историков и военных аналитиков. Непосредственное накопление военно-экономических резервов и запасов, увеличение масштабов военного производства и расходов на военные нужды, мобилизационные мероприятия по подготовке, призыву и комплектованию резервистов, как и другие мероприятия по усиленной подготовке страны к непосредственным боевым действиям, уже давно не носят характера внезапности, хотя и давали определенные преимущества странам и коалициям в прошедших войнах. Но уже перед первой мировой войной проведение мобилизационных мероприятий рассматривалось противоборствующими группировками как акт агрессии, служило причиной дипломатических демаршей, нот, заявлений и меморандумов.

Как правило, накопленный мобилизационными мероприятиями военно-экономический потенциал в войнах XX столетия исчерпывался в течение шести–восьми месяцев крупномасштабных боевых действий. В первую мировую войну Россия истратила военно-экономические резервы и запасы, созданные в предвоенный период, за шесть месяцев войны. На северо-западном фронте, в районе боевых действий в Восточной Пруссии, через три месяца боев 2-я армия Самсонова потеряла 60% кадрового отмобилизованного в мирное время личного состава, и эти боевые потери были восполнены недостаточно обученным резервом из состава призыва августа 1914 г. В условиях продолжающегося роста технической вооруженности армий, увеличения плотности огня и боевых потерь личного состава, военные успехи все более и более зависят не от ранее накопленных резервов и запасов, а от состояния ***живучести экономики*** в условиях войны, ее способности вынести долговременные чрезмерные нагрузки.

После Второй мировой войны, и в особенности, в условиях «холодной войны» интерес к историографии советской военной экономики, исследованию причин победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. значительно усилился как в советской, так и западноевропейской историко-экономической литературе. В советской историографии больше внимания уделялось истокам эконо-

мической победы СССР над фашистской Германией. Исследования базировались на сравнительном анализе военно-экономических потенциалов Советского Союза и Германии перед войной, на первом этапе войны, когда СССР потерял часть территории, а Германия, наоборот, имела возможность эксплуатировать захваченные ресурсы, и на последующих этапах, когда СССР сравнялся с противником по производству качественной военной техники и боеприпасов, а затем превзошел его по этим показателям.

Эффективность функционирования советской военной экономики, а также проявленная живучесть народного хозяйства СССР в условиях чрезвычайного времени подтверждалась в работах отечественных историков-экономистов не только самим фактом победы, но и обилием статистических данных, показывающих динамику развития промышленности и сельского хозяйства, роста бюджетных доходов и расходов, увеличения год за годом производства нового, более совершенного оружия и боевой техники.

Западными историками-экономистами не был принят предложенный советской историографией метод исследования истоков победы СССР в войне с Германией. «*На Западе эта проблема еще не стала самостоятельным предметом исследования, а в ФРГ, по существу, не было специальных работ об источниках победы СССР и экономических причинах поражения Германии*».[1]

Вторым существенным отличием советской и западной историографии в анализе истоков победы СССР в Великой Отечественной войне было полное игнорирование последней преимуществ советского экономического строя. Основным тезисом первой советской работы на тему военной экономики СССР в 1941–1945 гг.[2] был вывод о преимуществах социалистического обобществления относительно частнособственнического присвоения результатов производства отдельными капиталистами. Эффективность управления общественной собственностью, утверждалось в указанном исследовании, выше, чем разрозненными товаропроизводителями-собственниками. «*Таким образом,* — отмечал его автор, известный государственный деятель и экономист Н. А. Вознесенский, — ***экономической основой военного хозяйства СССР является господство социалистической собственности на средства производства, которое обеспечило сосре-***

[1] *Дроздов В. В.* Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е гг. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 29.

[2] См.: *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.

доточение всех материальных сил народного хозяйства СССР для победоносного ведения Отечественной войны».[3]

Данный тезис был впоследствии рассмотрен, проанализирован и получил весомое подтверждение количественными аргументами. В частности, В. П. Дьяченко на примере военных финансов России в первой и Второй мировых войнах сделал следующий вывод: *«Мобилизованные посредством налогов, займов, бумажно-денежной эмиссии средства на I мировую войну шли в карман магнатов капитала в ущерб снабжению фронта, в ущерб финансированию военных нужд. Вследствие спекулятивного роста цен Россия, чтобы увеличить объем материального снабжения армий в 1,5 раза, должна была в 1916 г. расходовать в 3,5 раза средств больше, чем в начале войны. Эффективность использования бюджетных ресурсов, вследствие частнособственнического способа присвоения финансовых результатов производства, упала в 2–3 раза. Подобного явления не могло наблюдаться в СССР в годы Великой Отечественной войны».*[4]

Однако действенность подобного рода сравнений содержит в себе определенную натяжку, поскольку, несмотря на постоянное апеллирование отечественной статистики к дореволюционному 1913 г., специальных работ, посвященных сравнительному анализу состояния российской военной экономики 1914–1917 гг. и советского периода 1941– 1945 гг., пока не существует. Нет также подобного рода работ и за рубежом. Социалистическую экономику, функционирующую в СССР в годы Великой Отечественной войны, советские и зарубежные исследователи анализировали с разных мировоззренческих позиций, причем, парадоксальность ситуации заключалась в том, что в 40-е и 50-е годы советские исследователи знали, что такое капитализм, причем не только по теоретическим работам, но и в исторической реальности. В то же время зарубежные исследователи, активизировавшиеся в годы «холодной войны», анализировали социалистическую экономику «заочно», лишь по теоретическим выкладкам.

Такое несоответствие методологических подходов, примененных советскими и зарубежными исследователями, приводило последних к ошибочному отождествлению советской социалистической экономики периода Великой Отечественной войны с экономикой национал-социалистской Германии. Нацисты, действительно, определя-

[3] Там же. С. 18. Текст выделен автором.

[4] *Дьяченко В. П.* Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. М., Госфиниздат, 1947. С. 29.

ли свой приход к власти, как социалистическую революцию.[5] В стране была осуществлена серия мероприятий, воздействующих на экономику, среди которых можно выделить в первую очередь общественные инвестиции на военные цели, на развитие транспорта, на перестройку управления и др. Был установлен государственный контроль над хозяйством и создан довольно рациональный механизм государственного экономического управления. С помощью этих мер национал-социалистскому режиму удалось весьма быстро перевести экономику на военный лад и подготовить страну и армию к широкомасштабной войне. Однако германская экономика во времена Гитлера не была «коллективистской экономикой», она не была даже «смешанной экономикой», она, по определению С. Хаффнера, была *«государственной экономикой в капиталистической экономике, а национал-социалистические управляющие выполняли функции государства в государстве»*.[6]

Западноевропейские экономисты отказываются исследовать феномен советского социализма с точки зрения общественной собственности, которую они отождествляют с государственной собственностью, с государственным контролем и государственным регулированием. Вместе с тем, в ряде фундаментальных западных исследований по политической экономии периода 1950–1960-х гг., производилось различие между «скорлупой» капитализма и «скорлупой» социализма или коллективизма, в рамках которых осуществляется государственное регулирование экономикой. Так, используя категорию экономической организации общества, некоторые исследователи отмечали, что *«германская экономика при национал-социалистическом режиме имела все черты капиталистической системы: частная собственность на средства производства, концентрация экономической мощи на крупных предприятиях, капиталистическое распределение доходов. Но хотя там и была "скорлупа" капитализма, внутри нее не было капиталистического содержания с точки зрения функционирования экономики: она работала под сильным воздействием государства, которое непосредственно контролировало все виды деятельности»*.[7]

В отличие от национал-социалистского государственного регулирования, которое осуществлялось в условиях капиталистической организации хозяйственной деятельности, социализм советского ти-

[5] *Мерцалов А. Н.* Западногерманская буржуазная историография Второй мировой войны. М.: Наука, 1978. С. 87–88.

[6] *Хаффнер С.* Самоубийство германской империи. М., 1972. С. 99.

[7] *Раймон Барр.* Политическая экономия / Пер. с фр. М.: Международные отношения, 1995. С. 175.

па характеризовался Раймоном Барром как иной тип экономической организации общества, как ***коллективистская система хозяйства***, где источники доходов образуются не благодаря юридическим ухищрениям, а вследствие затрат производительного труда. *«Для того чтобы иметь возможность использовать землю и промышленный капитал, управляющие и трудящиеся при социализме должны отказаться от части стоимости продуктов, приобретающей формы процента, ренты и прибыли».*[8]

Вышеприведенное определение экономической сущности социалистического обобществления наиболее близко подходит к тому пониманию социализма, которое было свойственно советской экономической литературе. Но оно не получило широкого распространения в западноевропейской экономической мысли XX — начала XXI столетия, которая предпочитает при исследовании экономического строя общества использовать институциональный экономический анализ, исходящий из юридической трактовки собственности.

Таким образом, среди истоков победы советского народа в Великой Отечественной войне, рассматриваемых в зарубежной экономической литературе, не фигурирует тот аргумент, который советской историографией выделялся в качестве основного. По известным причинам он перестал фигурировать в современных журнальных статьях и газетных публикациях отечественных авторов, посвященных победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Однако, как нам представляется, умолчание не относится к числу научных доказательств, и выдвинутый отечественной экономической наукой советского периода тезис об обобществленной социалистической собственности на средства производства как основном истоке победы Советского Союза над Германией в годы Великой Отечественной войны, не получил своего адекватного научного опровержения.

В качестве второго источника победы, после социалистического обобществления производства, советской экономической литературой выделялась ***планомерная организация*** народного хозяйства и военной экономики. Планирование производства на основе общехозяйственного плана, как *«метод **прямого управления** своим собственным, общенародным хозяйством, есть более высокая ступень управления, чем государственное, косвенное воздействие на чужие хозяйства, регулирование государством частнохозяйственного сектора страны»*, — отмечал ака-

[8] Там же. Т. 2. С. 32.

демик С. Г. Струмилин.[9] Методы государственного регулирования экономики были использованы в годы Второй мировой войны всеми воюющими странами. Использовался план, как регулятор экономики, и в СССР, в годы НЭПа, «но эффективность его в пределах частного сектора была все же крайне ограничена». Директивно-централизованное общенациональное планирование общественного производства сыграло, по его мнению, решающее значение для победы СССР в войне.[10]

В отличие от советских экономистов, опирающихся на практический опыт и сравнительный анализ функционирования советской экономики в годы НЭПа и во время Отечественной войны, на анализ работы Особого совещания по обороне в годы Первой мировой войны[11] и деятельности Государственного Комитета Обороны в 1941–1945 гг., исследования зарубежных экономистов о роли планирования в военной мобилизации хозяйства СССР отталкиваются лишь от теоретических схем. В частности, весьма обстоятельная работа английского экономиста М. Харрисона, изобилующая обширным фактографическим материалом, конструктивно опирается на достаточно спорную концепцию, имеющую не экономическое, а психологическое происхождение: «*перевод экономики СССР на военные рельсы был проведен успешно не потому, что существовало централизованное планирование, а вследствие того, что за предвоенные годы хозяйственные единицы* ***научились адекватно реагировать на непредвиденные обстоятельства****, создававшиеся чрезвычайными мерами советского руководства*».[12]

Более компетентно мобилизационные возможности централизованного планирования рассматривались в монографии западногерманского историка-экономиста К. Зегберса, которая называлась: «Советский Союз в годы Второй мировой войны. Мобилизация системы управления, экономики и общества в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», изданной в 1987 г.[13] В ней подчеркивается преемственность планового управления экономикой в годы предвоенных пятилеток и в период войны, которая, по его мнению,

---

[9] *Струмилин С. Г.* О лейбористском планировании // Очерки социалистической экономики СССР. 1929–1959. М., 1959. С. 277.

[10] Там же. С. 278.

[11] См., напр.: *Букшпан Я. М.* Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства во время войны 1914–1918 гг. М.-Л., Госиздат. 1929.

[12] *Харрисон М.* Советское производство 1941–1945 гг. К переоценке // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 494–495.

[13] *Дроздов В. В.* Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е гг. М.: Диалог-МГУ, 1988. С. 7.

сыграла положительную роль в экстремальных военных и всякого рода непредвиденных обстоятельствах. Преемственность планового руководства, считал К. Зегберс, проявилась не только в том, что в годы войны сохранились основы системы управления, сложившиеся в ходе реформ 1929–1933 гг., но и в появлении в 1938–1941 гг. тех тенденций планового руководства, которые получили дальнейшее развитие и закрепление в управлении экономикой в годы войны. К числу последних, К. Зегберс относит законодательное оформление Госплана в структуре правительства (СНК), обладающего юридическим правом издавать распоряжения в ранге закона, введение ***института уполномоченных Госплана*** и резкое повышение роли Госплана в руководстве народным хозяйством в целом.[14]

Действительно, до 1938 г. Госплан, как рабочий аппарат, состоял из подразделений двух категорий: ***синтетических*** и ***отраслевых***. Первые занимались изучением и планированием технико-экономических и качественных показателей и решением лишь крупных народнохозяйственных проблем. Вторые занимались вопросами планирования капитальных затрат и объема производства по соответствующей отрасли. Функциональное построение, а также отсутствие конкретных властных полномочий в области контроля и учета за выполнением плановых показателей не позволяют отнести Госплан образца 1921–1938 гг. к тому органу планового руководства народным хозяйством, который позже стал своего рода символом советской экономической системы. Немалую роль в усилении властных полномочий Госплана сыграл, по мнению Л. Зегберса, его «*энергичный Председатель, в лице Н. А. Вознесенского, которого на Западе считают чуть ли не единственным экономистом среди советских руководителей*».[15]

Известно, что в 1938 г. доктор экономических наук (1935 г.) Н. А. Вознесенский был назначен вместо В. И. Межлаука председателем Госплана СССР. Вознесенский проработал на этой должности более одиннадцати лет. При его непосредственном участии было разработано «Положение о Государственной Плановой Комиссии при Совете Народных Комиссаров Союза ССР». «Положение...» было утверждено 3 февраля 1938 г. специальным постановлением СНК СССР, и в нем говорилось: «*Главнейшей задачей Государственной Плановой Комиссии является обеспечение в плане народного хозяйства Союза ССР правильных соотношений в развитии различных отраслей и необходимых мероприятий по недопущению диспропорций в народном хозяйстве. На Государственную*

[14] *Segbers K.* Op. cit. S. 87.
[15] Ibid. S. 297–298.

Плановую Комиссию возлагается задача увязки в плане народного хозяйства Союза ССР работы смежных отраслей социалистического производства, добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и индустрии, транспорта и народного хозяйства, увязки производства и его материального обеспечения, осуществления правильного районного размещения предприятий, исходя из необходимости ликвидации дальних и встречных перевозок, приближения предприятий к источникам сырья и к районам потребления их продукции».[16] Без Госплана в годы войны не принималось ни одного крупно хозяйственного решения. Он был штабом военной экономики СССР.

Третьим истоком победы СССР в Великой Отечественной войне — хотя надо признать, что рассматриваемая нами иерархия истоков экономической победы имеет довольно условный характер — советские историки-экономисты, называли проведенную в 30-е годы ***индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства***. Некоторые современные российские исследователи считают, что именно в процессе реформ 1929–1933 гг. в стране было осуществлено подлинное обобществление средств производства, носившее до этого времени характер национализации. Советская система планирования, по их мнению, также начала складываться в это время, поскольку в годы НЭПа Госплан был скорее «дискуссионным клубом», чем штабом по управлению советской экономикой. Поэтому индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства нельзя рассматривать лишь с точки зрения роста количественных показателей вложения бюджетных средств в строительство новых промышленных объектов. Индустриализация имела качественное содержание как целый комплекс мероприятий по формированию экономики нового типа, в которой процессы инвестирования были освобождены от капиталистического содержания, а страна, наконец, получила подлинную национальную независимость от международного банковского капитала.[17]

В отличие от двух рассмотренных выше истоков экономической победы СССР в войне с Германией, проблема индустриализации и коллективизации является до настоящего времени наиболее дискуссионной для зарубежной экономической литературы. По ней существуют как крайние точки зрения, так и уравновешенный

[16] Правда, 3 февраля 1938 г.

[17] Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму / Под ред. академика М. П. Кима. М.: Наука, 1986. С. 95.

подход. Первая из них состоит в том, что без проведенной накануне войны индустриализации победа СССР в войне с Германией — самым индустриально развитым государством Европы, была бы невозможна.[18] Эта точка зрения совпадает с позицией советской историографии, если учитывать выше нами сказанное о том, что для большинства отечественных историков-экономистов понятие «индустриализация» — более емкое и глубокое, чем количество выплавленной стали и добытого угля накануне войны. В частности, английский историк-экономист Р. Мантинг отмечал, что «*развитие промышленности в два предыдущих плановых года, стало жизненно важным для создания советской военной экономики. Без них победа над Германией была бы вопросом проблематичным*».[19]

С точки зрения функционирования военной экономики рассматривал данную проблему и советский военный историк-экономист Я. Е. Чадаев: «*Фундамент победы был заложен в результате успешного осуществления социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, обеспечивших создание в нашей стране мощной базы для быстрого развития военной экономики. Несмотря на превосходство военно-экономических ресурсов фашистской Германии в начале войны, советская военная экономики сумела в ходе войны обеспечить значительное превосходство Советских Вооруженных Сил над вооруженными силами фашистской Германии*».[20]

Правильная расстановка акцентов в понимании проблемы индустриализации в СССР тем более важна, что в современной российской учебной и историко-экономической литературе обосновались выводы советологической науки об «исконно русском пути» советской индустриализации. В частности, известный советолог У. Блэкуэлл в своей книге «Русское экономическое развитие от Петра Великого до Сталина», утверждал, что «*еще Сергей Витте писал о важнейшем значении, которые имеют "план и система" в управлении русским государством. Но даже не Витте родоначальник русской индустриализации, которая проводилась гораздо ранее до него, "сверху"... Индустриальная история России вступила в новую фазу не с революцией 1917 года, а с началом первой мировой войны в 1914 году*».[21]

---

[18] *Munting R.* The economic development of the USSR. L., Canberra, 1982. P. 128.

[19] *Munting R.* Op. cit. P. 123.

[20] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд. М.: Мысль, 1985. С. 465.

[21] *Blackwell W.* Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin. N.Y., 1974. P. XXIX.

Не отрицая исторической преемственности в усилиях российского и советского государства в «подталкивании» процессов промышленного развития, диктуемых стремлением успешно противостоять западной экспансии, следует, как нам представляется, отметить, что методы советской индустриализации коренным образом отличались от методов дореволюционной индустриализации. Капиталистическая индустриализация осуществлялась за счет займов за рубежом. Причем займы производились под гарантии государственной казны, а это означало, что ловкий предприниматель вполне мог разворовать (и разворовывал) взятые в долг деньги — зная, что расплачиваться все равно придется налогоплательщикам. Накануне революции в октябре 1917 г. Россия выплачивала одних процентов по внешним займам в размере четверти годового бюджета, а весь консолидированный долг был равен семнадцати годовым бюджетам страны. Это была цена капиталистической индустриализации, которая завершилась гражданской войной.

Второй особенностью капиталистической индустриализации была не только *инвестиционная*, но и *научно-техническая* зависимость России от стран Запада. России был навязан кредиторами и инвесторами путь догоняющего экономического развития. Она никогда не смогла бы осуществить тех технологических прорывов в области атомной энергетики, термоядерного синтеза, аэрокосмического, авиационного и военно-экономического производства, которые были продемонстрированы советской наукой и промышленностью, развивающимися на своей собственной интеллектуальной и технологической основе. Полемизируя с Блэкуэллом, другой английский экономист П. Дьюкс отмечал, что «*фактическое исчезновение с экономической сцены России крупного капитала, паразитирующего на стремлении правительства ускорить промышленный рост, огромных иностранных займов, класса праздных помещиков и спекулятивной буржуазии... вместе с приходом веры в планирование, нацеленной на строительство эффективной национальной экономики, несомненно, означало разрыв с прошлыми методами индустриализации*».[22]

Однако подобного рода положительные оценки социалистической индустриализации — большая редкость в массе экономической литературы зарубежных авторов о Советском Союзе. Даже европейские историки-марксисты, подобно итальянскому «еврокоммунисту» Дж. Боффу, склонны отделять положительную политику индустриализации от негативной «сталинской политики» в отно-

[22] Цит. по: Экономическое развитие СССР. Критика буржуазных концепций. М.: Наука, 1983. С. 42.

шении способа проведения индустриализации и коллективизации. Утверждение о спасительной роли довоенной политики индустриализации, — писал Дж. Боффа, — «*особенно верно в том, что касается развития промышленности на Урале и вообще в восточных районах страны, но этот тезис выглядит не бесспорным, если его приводят в качестве общего оправдания темпов и способа проведения индустриализации при Сталине*», поскольку «*политические последствия такого осуществления индустриализации только сказались на всей первой фазе войны*», когда Советский Союз «*утратил большую часть результатов полученных благодаря индустриализации*»[23]. Одновременно Дж. Боффа признает ограниченность ретроспективного анализа в рассмотрении так называемых исторических «альтернатив»: «*мы можем только гадать, как сказалась бы на успехах СССР и на всей совокупности обстоятельств, сопровождавших его вступление в войну с Германией, какая-то иная индустриальная политика*».[24]

Однако идея о том, что была сама возможность какой-либо другой политики индустриализации, постоянно рассматривается в зарубежных исследованиях по аграрной политике, в осуждении сталинских методов коллективизации, в отделении индустриализации от ее экономических источников, полученных, как известно, в ходе обобществления индивидуальных крестьянских хозяйств и замены денежной оплаты труда в колхозах натуроплатой по количеству отработанных «трудодней». В частности, уже цитировавшийся нами М. Харрисон, утверждал: «*если бы можно было избежать потерь в производительности труда или если бы разрыв в производительности труда между промышленностью и сельским хозяйством был ограничен пропорциями Западной Европы или Северной Америки, то миллионы рабочих были бы предоставлены для военной промышленности или выполнения обязанностей на линии фронта*». Падение производительности труда в сельском хозяйстве произошло, по мнению М. Харрисона, из-за ранее проведенной коллективизации, поскольку коллективный труд не эффективен. На основании данного истолкования эффективного и неэффективного труда, свойственного экономистам либерального толка, М. Харрисон пришел к выводу о том, что «*советская экономика продолжала расплачиваться за это решение* [т. е. за проведение коллективизации сельского хозяйства] *в ходе Второй мировой войны*».[25]

---

[23] История Советского Союза: В 2 т. / Пер. с итал. Т. 2. М., 1994. С. 132.

[24] Там же. С. 133.

[25] *Харрисон М.* Советское производство 1941–1945 гг. К переоценке // Россия

Следует обратить внимание на явное смешивание автором цитируемого нами текста фактов реальной истории и априорных построений теоретической экономики. На производительность труда в аграрном секторе России влияет вплоть до настоящего времени, множество факторов. Если иметь в виду под «производительностью труда» урожайность зерновых с гектара пахотных земель, то на нее организационно-правовая или же организационно-хозяйственная форма труда влияет в гораздо меньшей мере, чем погодные условия урожайного или же неурожайного года. Если же под «производительностью труда» понимать количество произведенной продукции на единицу живого труда (количество занятых работников на один гектар пашни), то следует учитывать техническую вооруженность труда, трудоемкость той или иной сельскохозяйственной продукции, кадровый состав работников и другие факторы.

В годы войны на нужды фронта были мобилизованы не только тракторы, но и лошади. Люди сами впрягались в пахотное тягло, пахали на коровах. Мужское население, даже подростки были мобилизованы на фронт и на оборонные предприятия. Колхозы на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке сеяли не те культуры, которые давали высокие урожаи абстрактной сельхозпродукции, а те, которые предписывались нуждами фронта, испытывавшего недостаток в конкретных видах сельхозпродукции и которые, по известным причинам, нельзя было приобрести на мировом рынке с его «правильными пропорциями» между промышленностью и сельским хозяйством. Если правильные пропорции позволяли Западной Европе «выделить миллионы рабочих для выполнения обязанностей на фронте», то почему же европейцы не использовали эту возможность? Проще говоря, почему они позволили фашистской Германии оккупировать всю Европу?

Очевидно, что историю, даже если эта история экономическая, не следует оценивать только лишь с точки зрения одного какого-либо показателя товарно-денежного хозяйства, сориентированного на конъюнктуру мирового рынка. У российского колхозника или фермера производительность труда всегда будет ниже, чем у английского фермера — производителя виски или же у французского виноградаря — производителя коньяка. Во времена колхозной системы в СССР были колхозы-миллионеры и колхозы-должники, но их финансовое положение определялось вовсе не ленью работников, типичной якобы для «коллективной формы хозяйства»...

в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 496.

В известной мере классический ответ на вопрос о правильности сталинского курса на индустриализацию и коллективизацию страны в свете победы СССР над фашистской Германией дал А. Ноув в своем курсе экономической истории СССР. Он привел два разных мнения:

1. Победа под Сталинградом доказывает, что сталинская линия была правильной.

2. Если бы проводилась иная политика, то фашисты вообще не дошли бы до Сталинграда.

«Нет никакой возможности оценить правильность этих двух точек зрения. — резюмирует А. Ноув, — *мы знаем только то, что в конце концов сталинская система выдержала проверку войной...»*[26] Следовало бы добавить, что ту же проверку не выдержала политическая система европейской демократии и европейская экономика, производившая «товары» для Гитлера в то время, когда он прорвался к Сталинграду.

Рассматривая сотрудничество европейских деловых кругов и рядовых фермеров с оккупационными властями, В. Фишер привел сведения о значительном росте сельхозпродукции, произведенной на экспорт в годы Второй мировой войны в Бельгии, Нидерландах, Норвегии, Дании, Франции и других государствах Западной Европы. *«Как в Бельгии, так и в Нидерландах в результате поставок в Германию образовалось превышение экспорта над импортом, которое только в 1942 г. составило более 400 млн рейхсмарок...»*. Датские крестьяне, продолжает далее В.Фишер, поначалу бойкотировали «план», предложенный оккупантами по сокращению поголовья скота и увеличению посевов культур, из которых фашисты изготавливали синтетический бензин. Но в конечном итоге Дания и Голландия смогли увеличить производство требуемых сельскохозяйственных культур без сокращения поголовья молочного и мясного скота, предложив из мяса и молока экспортный продукт, необходимый фашистской Германии.[27]

Одновременно В. Фишер изложил свое видение приватизации колхозов, проведенной немцами на оккупированной Украине, не уточнив, правда, в какой части Украины это происходило. *«С 1942 г. коллективные сельскохозяйственные предприятия, выполнившие свои обязательные поставки оккупационным властям,*

[26] Цит. по: *Дроздов В. В.* Современая зарубежная историография советской экономики в 1940-е гг. М.: Диалог-МГУ, 1988. С. 28.

[27] *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. М., 1999. С. 287–288.

могли подать заявления о разделе на частные хозяйства. В этом случае они получали участки пашни, тогда как луга и пастбища должны были по-прежнему остаться в коллективном пользовании. Тем не менее, более 2000 колхозов, объединявших примерно 38 тыс. семей, поддались такого рода приватизации. К повышению производительности труда это вряд ли привело, поскольку "излишки" сельхозпродукции реквизировались войсками из крестьянских амбаров».[28]

Возможно, что В. Фишер привел этот эпизод, чтобы продемонстрировать пример неправильной приватизации, проведенной фашистами. Может быть, следовало поделить не только пашню, но и луга, и пастбища. Может быть, тогда бы выросла производительность труда. Однако у большинства советского населения, пережившего оккупацию, не осталось ностальгии по тем временам, когда люди стали «работать на себя» в условиях фашистского владычества. Не вызвала энтузиазма у российского крестьянина и современная приватизация. Очевидно, она вновь была проведена как-то не так, если ее воспринимать по суждениям экономистов либерального толка. Досадно, конечно, что их правильные знания никак не попадают на родную почву.

Отсутствие в 1941–1945 гг. волнений среди колхозного крестьянства, несмотря на то, что государство отбирало у сельских жителей больше продукции, чем в годы «военного коммунизма», А. Ноув объясняет тем, что национальный патриотизм русского крестьянства брал верх над их ненавистью к колхозной системе. Кроме патриотизма существовала также тоталитарная система, при которой органы Советской власти в деревне были в 1941–1945 гг. сильнее, чем в 1918–1920 гг.[29] Тезис о патриотизме разделяет и немецкий историк-экономист К. Зегберс, который в своем исследовании отмечал, что фашистские войска представляли угрозу не только для тоталитарной системы, но и для Родины, и последнее было самым главным: «*рабочие и солдаты во время войны сделали больше, чем до нее и после нее, и, конечно, больше, чем можно было сделать под воздействием одних только угроз, принуждения и материальных стимулов*».[30]

Для сторонников концепции тоталитарного социализма совет-

[28] Там же. С. 288.

[29] *Nove A.* Soviet peasantry in World War II // The impact of World War II... P. 89.

[30] *Segbers K.* Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg. Die Mobilisierung von Verwaltung Wirtschaft und Gesellschaft im «Groben Vaterlandischen Krieg» 1941–1943. Munchen, 1987. P. 302–303.

ская экономика военной поры представляет собой неразрешимую загадку. Дело в том, что основной тезис, на котором строится критика тоталитарной экономики, является ее негибкость, неэффективность, подавление инициативы и творчества масс. Однако нельзя не признать того очевидного факта, что из-за военных поражений в первый период войны советская экономика была поставлена в чрезвычайно сложное положение. Суждение исследователей динамики советского производства в 1941–1942 гг. варьируется от «сокращения» и «уменьшения» до «распада» и «катастрофы». Многие зарубежные неполитизированные аналитики отмечают высокую гибкость, эффективность и результативность управления советской хозяйственной системы, проявленную не только в перестройке всего хозяйства на военные рельсы, но и в восстановлении утраченной части военно-промышленного потенциала, в рационализации методологии планирования, в скоординированной и слаженной работе «вертикали» и «горизонтали» экономического управления, т. е. такие результаты, которые невозможно достичь методами диктаторского руководства.[31]

По мнению Дж. Миллара, в годы Великой Отечественной войны сохранялась мобилизационная сущность советской экономики, сложившаяся в 30-е годы, однако это вовсе не означает, что в ней отсутствовали гибкость управления и самостоятельность хозяйственных единиц и субъектов. Сохраняющиеся до настоящего времени суждения о структурной негибкости планово-централизованного управления должны быть если не пересмотрены, то хотя бы дифференцированы. «*Надежды германского руководства на победу, которое с фанатичным упорством отвлекало на Восточный фронт практически все свои ресурсы и не уделяло должного внимания обороне западного побережья, не сбылись в значительной мере потому, что оно продолжало придерживаться стратегии блицкрига, ожидая скорого краха советской экономики, не способной, якобы, к изменениям в структуре управления и экономическим модификациям*».[32]

Однако абсолютное большинство сторонников концепции тоталитарной модели социализма, такие как С. Либерман и Г. Шварц (США), Р. Дэвис и В. К. Фуллер (Великобритания), Дж. Боффа (Италия), В. Мазер (Германия) и другие, предпочли вместо исследования эволюции экономических органов управления в годы вой-

[31] *Millar J. R.* The ABC of Soviet Socialism. Urbanaet al, 1981. P. 48–49. Цит. по: *Дроздов В. В.* Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е годы. С. 28.

[32] Ibid. P. 48–49.

ны исследовать эволюцию, якобы произошедшую в духовной жизни советских людей. В частности, Г.Шварц указывает, что Советский Союз преодолел экономический кризис, произошедший вследствие первого, бедственного периода войны потому, что советский патриотизм претерпел глубокую эволюцию от интернационализма к национализму. В. К. Фуллер высказывает свою версию истоков победы СССР над Германией. По его мнению, прежняя мобилизационная экономика, сложившаяся в довоенные годы, вынуждена была в годы войны частично демобилизоваться, а поэтому Советский Союз выиграл войну как благодаря, так и вопреки сталинской экономической системе. Другой британский историк, М. Харрисон, отрицает как тезис о патриотизме советского народа, так и вклад централизованного планирования в структурную перестройку экономики (перевод всего народного хозяйства на военные рельсы). Наряду с формальной иерархической системой управления, Харрисон обнаружил в экономических структурах советского общества неформальную иерархию.[33]

По нашему мнению, вряд ли стоит отрицать наличие неформальных иерархий в любом обществе, особенно если речь идет о мировых политических, экономических, финансовых и прочих «кругах» и «элитах». Однако не мешало бы вначале провести соответствующее исследование на тему неформальных управленческих «иерархий» в СССР в годы войны и выяснить: каким образом данные «иерархии» управляли народным хозяйством, производством и военной экономикой?

Если под неформальной управленческой «иерархией» понимается деятельность партийных органов, дублирующих, а в некоторых случаях представляющих собой параллельный государственным структурам управленческий аппарат, то данная тема достаточно широко исследовалась и освещалась в советское время, но стала фигурой умолчания после роспуска и запрещения деятельности КПСС в 1993 г. Следуя традициям политической конъюнктуры, многие «постперестроечные» исследователи советской экономики периода Великой Отечественной войны стали утверждать, что *«патриотизм, как главная часть административно-бюрократической системы, по существу не руководил, а командовал, причем плохо»*.[34]

Более осторожные суждения в оценках партийной деятельности

---

[33] *Харрисон М.* Советское производство 1941–1945 гг. К переоценке // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 498.

[34] См., напр.: *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1993. С. 319.

стали проявляться после распада СССР, разрушения единого экономического пространства, с ростом национализма и сепаратистских тенденций в Российской Федерации, откровенной русофобией, подаваемой в средствах массой информации под видом критики «сталинистов» и коммунистов. В частности, В. Л. Пянкевич отмечает в этой связи, что деятельность партии по укреплению экономического единства СССР в годы войны не поддается количественному измерению, поэтому она зачастую не фигурирует в современных исследованиях, посвященных функционированию советской экономики данного периода.[35] Место партии в экономическом управлении военным хозяйством не было достаточно четко определено и в историко-экономических исследованиях советской поры, хотя в ряду истоков победы советского народа в войне с фашизмом руководство КПСС (ВКП(б)) традиционно рассматривалось на первом плане.

Программа перехода экономики СССР на военные рельсы была определена в партийных решениях, утверждал Н. А. Вознесенский. В связи с созданием ГКО партийная, законодательная и исполнительная власть сосредоточилась в одном органе, что *«обеспечило планомерность и единство действий в деле мобилизации всех ресурсов народного хозяйства на нужды Великой Отечественной войны»*.[36] В единстве рассматривал партийное и государственное руководство во время войны Д. М. Кукин.[37] Я. Е. Чадаев считал, что партия оставалась в годы войны негосударственным органом, что это она привела в действие силы и средства государства для развития и укрепления экономического и военного потенциала страны, определяла политические и стратегические цели войны, осуществляла руководство всеми сферами общественной и государственной жизни СССР. Под ее руководством готовились и проводились важнейшие операции Великой Отечественной войны, решались актуальные вопросы строительства Вооруженных Сил, организации советских войск, их технического оснащения и боевого использования. Она руководила распределением трудовых, материально-технических и финансовых ресурсов Советского государства, организовала в кратчайший срок слаженное военное хозяйство.[38]

---

[35] *Пянкевич В. Л.* Восстановление экономики СССР (середина 1941 — середина 1950-х гг.). СПб: Нестор, 2001. С. 98.

[36] *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1947. С. 21.

[37] *Кукин Д. М.* Партийное и государственное руководство народным хозяйством СССР накануне и в период войны. М.: Мысль, 1974. С. 13.

[38] *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1985. С. 459.

Нам представляется, что место партийных органов в военно-экономической организации общества было определено не сразу. 27 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках», а в июле 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был введен институт военных комиссаров. Данные решения опирались на опыт гражданской войны, когда на командных должностях находились «военспецы», а мобилизация в Красную Армию проводилась среди населения, не понимавшего, как русский может воевать с русским за «отечество». В гражданскую войну воинские приказы подписывались командиром и комиссаром, но печать была у комиссара. В конечном итоге, за ним оставалось окончательное решение, хотя в вопросах стратегии и тактики, несомненно, аргументы оставались на стороне «военспеца». Нуждались ли в партийном контроле советские командиры и военачальники? Это достаточно сложный вопрос, поскольку многое зависело от фронтовой обстановки.

Рассматривая введение национал-социалистского руководства в Вермахте, Б. Мюллер-Гиллебранд отмечал, что *«ввиду возраставшей бесперспективности войны, стремясь сосредоточить все усилия на боевой мощи войск, Гитлер 22 декабря 1943 г. отдал приказ о введении в войсковых штабах, вплоть до штаба дивизии и до батальона включительно офицеров по национал-социалистскому руководству».*[39] Штаб Объединенного командования войск должен был принимать решения по согласованию с партийной канцелярией. Начальник штаба национал-социалистского руководства в Вермахте обязан был докладывать обстановку и свои соображения непосредственно главнокомандующим видами вооруженных сил. В «Директивных указаниях по национал-социалистическому руководству в сухопутных войсках» говорилось, что *«задачей офицеров по национал-социалистическому руководству является активизация политического воспитания среди солдат, а политический офицер должен пользоваться неограниченным доверием у командиров и солдат».*[40]

Кадровые офицеры Вермахта, прошедшие службу еще в Рейхсвере, критически относились к данному нововведению. Тот же Мюллер-Гиллебранд считал, что старые дивизии, избежавшие уничтожения на Восточном фронте в последний год войны и поэтому не пополнявшиеся национал-социалистской молодежью, составля-

[39] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М.: ЭКСМО, 2003. С. 439.
[40] Там же. С. 440.

ли до полного окончания войны самое надежное и крепкое ядро, *«которое хотя и не принадлежало к фанатичным борцам, как того требовало партийное руководство, однако спокойно шло к своему горькому концу. Эта стойкость солдат и офицеров особенно проявилась на русском фронте»*.[41] Последняя фраза примечательна тем, что подчеркивает национальный, а не идеологический аспект последней фазы войны — что русские в восприятии бывшего офицера Вермахта не европейцы, и именно поэтому немцы не сдавались им так, как сдавались англо-американцам.

Военно-экономическая структура организации общества имеет свою идеологию построения. Она подчинена конечной цели, которой является победа в войне. Советологи упрекали ВКП(б) в том, что она стала на националистические позиции в годы Великой Отечественной войны, пересмотрела свое отношение к истории русской армии и русского народа, распустила Коминтерн, ослабила богоборческие позиции в отношении Русской православной церкви, объявила войну 1941–1945 гг. народной и освободительной, а не социалистической и мировой революционной войной.

Традиционная идеология революционной поры неизбежно должна была отойти на второй план, поскольку оборонительная война за национальную независимость и территориальную целостность страны не может являться средством построения коммунизма. Лозунги времен гражданской войны служили в свое время средством раскола национального единства России и они, бездумно воспроизведенные в 1941–1945 гг., работали бы не на победу над немецкими захватчиками, а на поражение в войне.

Государственный аппарат управления, идеологически «подкованный» в послереволюционные 20–30-е годы, нуждался в корректировке. На место революционной «штурмовщины» и партийного «фанатизма» война выдвинула свои требования — четкость и исполнительность. В этой связи в июле 1941 г. орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» писала, что *«обкомы, крайкомы, горкомы, райкомы должны работать, как аппараты военного штаба. Партийные работники должны своей четкостью, оперативностью, находчивостью, исполнительностью показать пример работникам советского и хозяйственного аппарата»*.[42] Три четверти членов ЦК ВКП(б) и половина кандидатов в члены ЦК были направлены на организацию военной экономики. Кроме своих основных обязанностей по государственному и хозяйственному управлению у них

[41] Там же. С. 473.

[42] Правда. 1941. 20 июля.

были дополнительные обязанности, своего рода «партийные поручения».

Н. А. Вознесенский отвечал по партийной линии за производство боеприпасов и вооружения, Г. М. Маленков — за производство самолетов и авиационных моторов, В. М. Молотов — за производство танков, А. И. Микоян — за продовольствие, горючее и вещевое имущество, А. А. Андреев — за железнодорожные перевозки. В то же время лица, проявившие себя на военно-хозяйственной работе, пополняли ряды членов и кандидатов в члены ЦК. Ими стали в годы войны А. И. Шахурин, Д. Ф. Устинов, В. А. Малышев, П. И. Паршин, П. Н. Горемыкин, Б. Л. Ванников, И. Ф. Тевосян, П. Ф. Ломако, С. З. Гинзбург, А. И. Ефремов, В. В. Вахрушев, И. К. Седин, В. П. Зотов, М. Ф. Денисов, М. Г. Первухин, возглавлявшие, соответственно, наркоматы авиапромышленности, вооружения, танковой промышленности, минометной промышленности, боеприпасов, черной металлургии, цветной металлургии, строительства, станкостроения, угольной промышленности, нефтяной промышленности, землевладения, пищевой промышленности, химической промышленности. Можно ли об этих людях сказать, что они «не руководили, а командовали, причем плохо?»

Благодаря, тому, что в войска и на военно-хозяйственную работу были направлены практически все из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), жесткая централизация управления, необходимая в военное время, сочеталась с децентрализацией, необходимой для принятия решений, не терпящих отлагательства. Решения по вводу в бой резервов, использовании хозяйственных запасов «по требованию», а не по плану, принимались руководителями, облеченными партийными полномочиями, под свою личную ответственность, чего обычный чиновник, будь он даже представителем супердемократического государства, обычно старается избегать. В отличие от мирного времени, сделать себе карьеру во время войны на партийном поприще было практически невозможно. Именно поэтому в годы войны были сняты «социальные», «классовые» и «лимитные» ограничения на вступление в партию. Одновременно, как известно, резко спало желание стать партийцем у тех, кто опасался попасть под партийные «мобилизации» на фронт или же на трудовые и опасные участки работы.

Суждения о том, что в годы войны были ослаблены командные методы руководства, имеют, конечно, парадоксальный характер. Военно-экономическая организация общества строится на основе единоначалия и системе приказов, которые следует выполнять беспрекословно, не обсуждая и не дискутируя на тему «о пра-

вах человека». Между тем, к такому парадоксальному выводу приходит И. Ильина: «*В экстраординарных условиях военного времени, изобиловавшего нестандартными ситуациями, люди привыкли мыслить самостоятельно и независимо. Эта привычка у них осталась после войны, но "верхи" не ослабляли хомут командных методов руководства, мелочной опеки предприятий*».[43] По данной причине, якобы не была произведена «демилитаризация» советского общества, СССР вступил на путь «холодной войны», втянулся в гонку вооружений и т. д., и т. п.

Война, несомненно, ослабляет у всех людей инстинкт самосохранения, но выживают в ней не герои-одиночки, а люди, умеющие действовать слаженно и коллективистски — те, для которых армейская учеба не прошла бесследно. Война — не для диссидентов. Это не то время, когда ценится инакомыслие. Нам представляется, что И. Ильина пытается выдать желаемое за действительное. Окончание войны для людей, проведших более четырех лет на фронте, породило иллюзии и связанные с ними разочарования. Это то же самое, что разочарование в современных российских демократических реформах, которые можно назвать иллюзорными, но только более горькое, поскольку из войны вышли люди не «обманутые» наперсточниками государственного уровня, а победители. Такое разочарование ждало солдат-победителей и в Англии, и в США...

«Холодная война» наложила определенный отпечаток на анализ послевоенного развития советской экономики. С одной стороны, невозможно было не признать успехов СССР в послевоенном развитии. Разве кто-либо на Западе мог в 30–40-е годы предполагать, что Советский Союз станет сверхдержавой и конкурентом даже не Англии, не Германии, не Франции — а США? Что мир будет поделен на равные части между социализмом и капитализмом? Что послевоенная динамика развития мировой экономики будет складываться не в пользу капитализма? Что Запад признает жизнеспособность экономической модели социализма и предложит вариант «конвергенции» — суммирования преимуществ индивидуалистической свободы производителей и планового распределения продукта в интересах всех членов общества?

По окончании войны СССР и США оказались не в равных условиях. Соединенным Штатам не нужно было восстанавливать разрушенное войной хозяйство и осваивать территории внутри страны. Они занялись восстановлением Европы и освоением Азиатско-Ти-

[43] *Ильина И.* Припугнуть, чтоб другим неповадно было...: К истории одного постановления // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты / Под ред. В. В. Журавлева. М., 1991. С. 175.

хоокеанского региона. Накопленный производственный потенциал, после незначительной конверсии, был использован для развития внешней торговли. Бретонн-Вудская денежная система, заменившая золотой металл бумажным долларом, сняла ограничения по его эмиссии, накладываемые производительностью золотоносных рудников. Мир наполнялся долговыми обязательствами США, поскольку их надежность подтверждалась военным присутствием, оккупационным режимом, наведением порядка и стабильности, распределением продовольственных поставок и установлением правил мировой торговли с пометкой «Made in USA».

Сложилась парадоксальная ситуация: в XIX столетии банкир считал своим должником то лицо, которое брало у него в долг банкноту. В свою очередь, банкир сам был должником тому лицу, которое одолжило ему золото. Лицо, имеющее на руках банкноту, являлось, таким образом, должником владельца золота — этой единственной материальной субстанции, имеющей объем, вес, удельную плотность и пропорциональную ценность в сравнении с другими металлами, полезными ископаемыми и природным сырьем. Соединенные Штаты, эмитирующие доллары как долговое обязательство, никому ничего не были должны, поскольку бумажный доллар не являлся распиской в хранении какого-либо материального залога. Он не являлся природным продуктом, имеющим неизменные ценностные пропорции (как, например, пропорция золота к серебру — 1:14, не меняющаяся на протяжении многих столетий). В конечном счете, курс доллара определялся не его весовым и пропорциональным соотношением к природным ресурсам, а «весом» переговорных позиций американского правительства, усиленных мощью американской армии.

Угроза, якобы исходящая Америке от Советского Союза, была хорошим прикрытием для оправдания наращивания военной мощи США, которая на самом деле была нужна не для защиты европейцев от советского «гегемонизма», а для установления американских правил игры в европейской экономике и на мировом рынке. Чтобы отвлечь умы экономистов-теоретиков от анализа реальной действительности, им были навязаны дискуссии о сталинизме. Данная схема была вначале отработана в западноевропейских странах, потом — в восточноевропейских. В настоящее время она неплохо работает в современных российских условиях, поскольку феноменальные темпы развития советской экономики в послевоенные годы заслонены от научного исследования их «неактуальностью» и популизмом либеральной демагогии, застрявшей на темах сталинизма, ГУЛАГа, ленд-лиза, репараций, пленных и т. д.

В ряду массированных публикаций подобного рода совершенно незамеченными оказываются экономические работы аналитического плана, где исследуются советская денежная система и ценообразование, собственные источники инвестиций и огромных капиталовложений в народное хозяйство, обновление основных производственных фондов, развитие аграрно-промышленных комплексов, система социальных гарантий, демографическая ситуация, рост продолжительности жизни, сокращение детской смертности и многое, многое другое, что было «ноу-хау» советской экономики и что может служить источником серьезных размышлений, теоретических и практических рецептов для восстановления современной рыночной экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог предпринятому исследованию, следует, очевидно, сделать выводы и обобщения, касающиеся теоретико-методологических положений, осмысления в целом опыта и результатов экономической деятельности советского государства накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Экономическая история, являясь, по глубокому нашему убеждению, неотъемлемой частью общей истории, имеет возможность выйти за рамки абстрактно-логических схем теоретической экономики и представить военную экономику периода Второй мировой войны в том виде, в котором «она была в реальности», а не «должна была бы быть» по теориям социалистического или же рыночного хозяйства. Тем более, что оба этих направления выводили практику военной экономики далеко за рамки своих теоретических схем.

Советские экономисты считали, что война не может являться целью социализма, в том числе находить свое отражение в схемах социалистического производства, поскольку социализм лишен антагонистических противоречий, присущих капитализму. Западные миролюбивые демократии признавали под ***военной экономикой*** лишь экономику воюющей страны, априори предполагая, что и в условиях войны тоталитарная (социалистическая) экономика остается тоталитарной, а рыночная — рыночной. Между тем, Вторая мировая война заключала в себе тенденции в области экономик воюющих государств, которые можно было бы назвать «конвергентными», ибо как в период подготовки к войне, так и в период непосредственных боевых действий наблюдалась общность и «параллельность» экономических преобразований, проводимых в странах с разными социально-экономическими системами в интересах войны.

В первую очередь, эта конвергентность в 30–40-е годы XX столетия находила свое отражение в усилении участия государства в управлении народным хозяйством. Государство более не ограничивалось заказами и созданием казенных оборонных предприятий.

Оно участвовало своими капиталами в смешанных акционерных обществах, выступало гарантом погашения займов, производимых частными предприятиями, осуществляло собственные капиталовложения в отрасли, связанные с оборонным производством, — в транспорт, связь и стратегическую инфраструктуру. Государство регламентировало цены на энергоресурсы, черные и цветные металлы, косвенно воздействовало на уровень экономической активности посредством налогообложения и государственных расходов, контролировало таможенные пошлины, обменные курсы валют, внутреннюю денежную эмиссию и распределение кредитов.

Непосредственно перед началом Второй мировой войны в странах с либеральной рыночной экономикой стали формироваться институты, осуществлявшие распределение рабочей силы в интересах обороны страны, регламентирующие перераспределение сырьевых ресурсов. Начали создаваться стратегические запасы металлов и ферросплавов, используемых в оборонном производстве, резервы продовольствия и специальная товаропроводящая сеть, функционирующая в целом не на рыночной основе, а на основе планово-регулируемого распределения («карточная система»).

В 20-е годы XX столетия, как показано в данном исследовании, военная экономика СССР функционировала в целом на «капиталистических рельсах». Расходы на оборонный заказ были ограничены «планкой» в 1 млрд руб. Денежная масса, выделенная по линии долгосрочного кредитования промышленности ВСНХ, уравновешивалась суммой краткосрочных кредитов, выделенных сельскому хозяйству в количестве 0,64 млрд руб. и, соответственно, процентами за пользование кредитами в размере 0,36 млрд руб. Данная схема финансирования оборонки исходила из рыночных принципов функционирования военной экономики. Речь, конечно, не шла о самоокупаемости оборонного заказа, но определенные требования к предприятиям оборонного производства, переведенным на коммерческий хозрасчет, приводили к дроблению оборонного заказа среди множества предприятий-смежников. В промышленности отсутствовали главные предприятия-проектировщики и предприятия-сборщики, ответственные за исполнение того или иного конкретного образца вооружения. Не было единой общегосударственной научно-технической политики, процветало мелкотемье в проектных бюро и малосерийность в производстве.

Образцы вооружения дублировали друг друга, отличаясь в небольших деталях, но не новизной конструкторских решений. Оборонная промышленность, еще в годы гражданской войны нацеленная на ремонт старой техники, а не на создание принципиально

новых образцов вооружения, с одной стороны, не имела новой промышленно-экономической базы, которая, как известно, была создана лишь в ходе проведенной в 30–40-х годах индустриализации, а с другой — не была ориентирована доктринально-политическими установками на те задачи, которые предстояло решать Красной Армии в ближайшем и несколько отдаленном будущем. В политическом руководстве страны шли дискуссии относительно того, какой флот, какая авиация и какая техника обеспечат СССР надежную защиту национальных границ и укрепят его статус на международной арене. Реализация даже достаточно скромных оборонных программ сталкивалась с проблемой недофинансирования, плохой координацией работы предприятий-смежников, большим количеством производственного брака и низкой исполнительской и трудовой дисциплиной. В условиях растущей безработицы не была отлажена система подготовки профессионально-технических кадров и квалифицированной рабочей силы.

Мировой экономический кризис 30-х годов разрушил систему международного кредита. Как европейские страны, так и США изыскивали возможность оживить производство за счет концентрации внутренних ресурсов. Изоляционизм и автаркия способствовали росту национализма, развитию промышленности за счет увеличения доли военных заказов, созданию рабочих мест усилиями государства. Несмотря на то, что каждая из стран-участниц будущей войны шла своим путем, общими мероприятиями экономического плана являлись: концентрация производства в сельском хозяйстве, увеличение доли так называемых «общественных работ» за счет местных и государственных бюджетов, поощрение слияния и поглощения мелких производств предприятиями-монополистами, осуществляемого под лозунгами сокращения непроизводственных затрат путем рационализации, стандартизации и универсализации изготовления выпускаемой заводами продукции. Казначейства, национальные банки, структуры министерств финансов активно вмешивались в «расшивку узких мест», помогая предприятиям рассчитываться друг с другом методом «взаимозачета» (на внутреннем рынке) и клиринго-бартерными поставками (в международных расчетах и платежах).

Реформы, осуществленные в СССР в 30-е годы, в общем «вписывались» в картину мирового экономического кризиса, хотя данная первопричина всегда отрицалась политическим руководством и советскими экономистами. Однако исследованные нами теоретические источники той поры и, в частности, протоколы Президиума Госплана СССР свидетельствуют, что наряду с ожиданием расша-

тывания и последующего краха мирового капитализма из-за участившихся общих экономических кризисов, руководителей советской экономики и ученых-экономистов волновали проблемы резкого понижения мировых цен на хлеб, снижение производственно-деловой активности и проблемы расчетов с фирмами, с которыми у СССР были заключены контракты на реконструкцию промышленных предприятий, падение объемов промышленного производства, особенно в тех странах, куда Советский Союз экспортировал уголь, нефть и мазут.

Экономические реформы, проведенные в СССР в указанные годы, сыграли решающую роль в индустриализации страны, в обновлении материально-технической, производственной и сырьевой базы. Они позволили значительно усилить экономическую мощь СССР, заложили потенциал дальнейшего экономического роста. Накануне войны Советский Союз отставал от Германии по производству угля и стали, однако даже несмотря на то, что Германия в ходе Второй мировой войны присоединила к себе экономический потенциал практически всех европейских государств, а СССР лишился трех промышленных районов из четырех, он сумел сконцентрировать производственные и сырьевые ресурсы на решении основных оборонных задач.

Реформы, проведенные в области управления промышленностью, внедрение новой системы кредитования производства, налоговая реформа, тарифная реформа и ряд других мероприятий по комплексному совершенствованию хозяйственного механизма, позволили развивать оборонное производство достаточно высокими темпами. Так, если за годы второй пятилетки продукция промышленного производства увеличилась в 2,2 раза, то оборонное производство выросло в 3,9 раза. Рост оборонки в целом позволил быстрыми темпами производить перевооружение Красной Армии, которая в годы НЭПа практически не получала новых, соответствующих мировым аналогам образцов вооружения. За 1931–1939 гг. оснащение армии танками выросло в 43 раза, самолетами — в 6,5, артиллерией — в 6,9, танковой и противотанковой артиллерией — в 70 раз. Тоннаж Военно-морского флота увеличился в 2,3 раза.

Если в годы НЭПа советское руководство считало, что отечественная экономика в целом и военная экономика в частности не могут обеспечить обороноспособность страны на уровне великих держав (ставилась задача иметь вооруженные силы на уровне Польши и Румынии), то успешное проведение реформ 30-х годов позволило политическому руководству внести коррективы в военно-док-

тринальные установки. Теперь было заявлено, что Советский Союз может противостоять угрозе, исходящей от стран фашистской «оси», наравне с Англией и Францией, т. е. наравне с великими европейскими державами. Война показала, что в действительности в указанный период был заложен военно-экономический потенциал гораздо большей жизнестойкости, поскольку Советский Союз выстоял в войне против всей континентальной Европы, объединенной фашистами в «единое европейское военное хозяйство».

Предвоенные реформы следует рассматривать гораздо шире, чем комплекс мероприятий направленных на коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию промышленности. Как раз Украина, Черноземье, Донбасс, Запорожье и Северо-западный промышленный район попали в зону оккупации и полосу прифронтовых действий. С данной, узкой и поверхностной точки зрения, жертвы, понесенные населением от издержек коллективизации и ускоренной индустриализации, действительно не отразились в полной мере на победоносном завершении войны Советским Союзом.

Однако в ходе реформ была сформирована совершенно новая и хорошо приспособленная для экстремальных политических и экономических условий система управления народным хозяйством. Была создана некапиталистическая финансовая система, позволяющая производить широкомасштабные инвестиции в отрасли, стоящие на острие научно-технического прогресса, без привлечения кабальных займов от международных ростовщиков. Ресурсы потреблялись достаточно рационально, поскольку существовали не только генеральные планы развития городов, промышленных центров и районов, но и планы, координирующие развитие указанных комплексов в отраслевом, межрегиональном и кооперационном разрезе. Движение денежных, натурально-вещественных и миграционных потоков координировалось достаточно жестко, что не позволяло развиваться, по мере увеличения бюджетного финансирования, застарелой болезни российской экономики — коррупции, грюндерству, взяточничеству, спекуляции и воровству. Военно-экономический потенциал, созданный в СССР в предвоенные годы, обеспечил в целом важнейшие потребности вооруженных сил в вооружении, техническом и транспортном обеспечении, вещевом и продовольственном довольствии личного состава армии, флота, авиации.

Опыт Второй мировой войны, которая обернулась для русского народа национальной освободительной войной, уникален прежде всего тем, что не имея в предвоенный период конкретного про-

тивника (кроме «международного империализма») Россия/СССР укрепляла государственную мощь по всем направлениям — политическому, экономическому и военному. Однородность данных составляющих обеспечила стране долговременные источники победы.

Значительный вклад в общую победу над врагом внесли союзники СССР по антигитлеровской коалиции, в которой участвовало более 40 государств мира. Основными из них являлись США, Великобритания и Франция, совокупный экономический потенциал которых накануне войны в три раза превышал соответствующие показатели экономической мощи стран фашистской «оси» — Германии, Японии и Италии. В ходе оккупации территории континентальной Европы, Юго-Восточной Азии, Индонезии и частично Китая, данное соотношение изменилось в пользу агрессоров, но не превысило военно-экономический потенциал Великобритании и Соединенных Штатов.

За время войны объем промышленного производства США вырос более чем в два раза. Две трети средств, инвестированных в американскую военную экономику, в добывающую и обрабатывающую промышленность, в транспорт, в связь были вложены государством. Государству принадлежало свыше 520 заводов, связанных с самолетостроением. Их стоимость в десять раз превышала стоимость заводов аналогичного профиля частных фирм. С 1939 по 1944 г. в США было построено около 3 тыс. предприятий на средства или же — с большей долей участия средств государственного казначейства. К концу войны на государственных предприятиях США производились почти весь синтетический каучук, половина алюминия и более 10% совокупного общественного продукта.

Как и в первую мировую войну, США превратили военное производство в высокодоходную статью бизнеса. За 1940–1945 гг. прибыли американских монополий выросли в 2,5 раза по сравнению с предвоенным пятилетием и достигли в абсолютном выражении 62 млрд долл. (после уплаты налогов). Корпорации, производящие военную технику и продукцию довоенного назначения, пользовались широкими налоговыми льготами. Если до войны общие поступления в казну налогов на прибыль превышали сумму индивидуальных подоходных налогов, то в 1944 г. население страны уплатило подоходного налога на 4,9 млрд долл. больше, чем корпорации. Резко вырос государственный долг, погашаемый, как известно, из средств массовых налогоплательщиков.

Из ведущей тройки союзников СССР по антигитлеровской коа-

лиции только Франция подверглась частичной оккупации со стороны Германии и Италии. Оставшаяся ее часть — вишистская Франция стала союзницей фашистского блока. На континентальном европейском пространстве вплоть до второй половины 1944 г. только Советский Союз осуществлял широкомасштабное противодействие фашистским армиям и «единому европейскому военному хозяйству».

Соединенные Штаты и Великобритания как океанические державы вели борьбу за господство на акваториях Атлантического и Тихого океанов. Именно там располагались их колонии и зависимые территории с ресурсно-экономической базой. Значительная часть военной экономики США и Великобритании была задействована на создание дальней бомбардировочной авиации, истребителей сопровождения, военных, транспортных и вспомогательных судов ВМФ. Реализация военных программ, очередность военно-хозяйственных мероприятий, распределение финансовых средств и многое другое диктовались не военно-стратегической обстановкой на европейском — главном театре военных действий, а обеспечением надежной защиты морских коммуникаций, военных баз в Атлантике и на Тихом океане, нефтяных ресурсов в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Индонезии. Более четырех лет из всего периода шестилетней борьбы с германским нацизмом империалистические державы, выступающие под флагом западных демократий, потратили на борьбу с сепаратизмом в своих заокеанских владениях, стремясь, одновременно, не допустить военной и экономической поддержки национально-освободительных движений как «коммунистическими» странами, так и прогерманским блоком.

Рассматривая фашизм, коммунизм и японский «желтокожий патернализм» как мировое зло, США и Великобритания решали своим участием во Второй мировой войне, прежде всего, проблему своего пошатнувшегося мирового господства, отводя европейскому театру военных действий второстепенную стратегическую роль. Данное идеологическое и экономическое обстоятельство послужило основанием непропорционального распределения военно-хозяйственных и боевых ресурсов между океаническими и континентальными театрами военных действий. Между военно-экономической мощью США и Великобритании и их реальным вкладом в общие усилия антигитлеровской коалиции по разгрому фашистского блока, наблюдалось значительное несоответствие.

Более трех лет СССР оставался один на один с европейскими агрессорами. Концентрация наступательной мощи противника

на узких направлениях удара, массированные авианалеты, применение для наступления танковых армий — все это в начальный период войны обеспечило значительный успех нападающей стороне. На европейской части территории России исторически концентрировалось развитое промышленное и сельскохозяйственное производство, которое немецкий Генштаб рассчитывал захватить и использовать в целях своей военной экономики. Однако если военно-стратегические замыслы противнику в значительной мере удалось реализовать, то военно-экономические потерпели полный провал.

Советским государственным органам удалось в крайне неблагоприятных условиях реализовать планы мобилизации и перебазирования значительной части производственного потенциала военной экономики европейской части СССР в восточные районы. По неполным данным, из областей, подвергнутых атакам бомбардировочной авиации противника, было вывезено оборудование 2593 промышленных предприятий. За время оккупации фашистам не удалось привести в рабочее состояние ни одного крупного промышленного объекта. Ремонтно-техническая, продовольственная, топливная и обеспечивающая инфраструктура находилась на значительном расстоянии от районов боевых действий, что сыграло определенную роль в замедлении продвижения врага вглубь России.

Опыт предвоенных и военных лет показал, что для советской административно-хозяйственной системы была свойственна определенная рутина и неповоротливость в коммерческих делах, однако в экстремальных условиях и в стратегическом плане она проявляла высокую гибкость и маневренность. В странах с рыночной экономикой наблюдалась обратная картина. США и Великобритания вышли на уровень предельных показателей по использованию экономического потенциала в интересах войны лишь к 1944 г. Советский Союз — к 1942–1943 гг. Причем следует учитывать, что с этого времени значительная часть ресурсов российской экономики отвлекалась на восстановление оборонных и инфраструктурных объектов, расположенных на территориях, освобождаемых от оккупации. А как известно, если на строительство нового завода уходило в условиях военного времени год-два, то на восстановление взорванного объекта требуется в среднем от трех до десяти лет.

Советская административно-хозяйственная система продемонстрировала в годы войны поразительную способность к целевой организации НИОКР и быстрому внедрению в поточное производство новой, высокоэффективной техники. Законы рынка и конку-

рентной борьбы не действуют во время войны, поскольку в условиях военного противоборства не существует рынка военной техники, а «конкурентная борьба» ведется боевыми средствами на полях сражений. Так, например, 152-мм гаубица была сконструирована и изготовлена в нашей стране в 1943 г. за 18 дней, а за полтора месяца заводами было освоено ее массовое производство. Она стала основным штурмовым орудием при вступлении Красной Армии на вражескую территорию. Истории XX столетия не известны случаи такого быстрого внедрения в действующую армию нового образца вооружения. Общеизвестны истории с разработкой и освоением советской «оборонкой» танков Т-34, КВ, ИС и их модификаций, самолетов Як-3, Ил-2, торпедных катеров, подводных лодок и других видов вооружения.

За 1943–1945 гг. калибры советской танковой и противотанковой артиллерии увеличились в полтора-два раза, скорострельность — в три раза, бронепробиваемость снарядов выросла в пять раз. Это — основные показатели боевой эффективности производимой военной техники. При этом следует иметь в виду, что именно отставание по данным параметрам не позволило советским войскам в начальный период войны успешно отражать атаки немецких танковых «клиньев». Подобные примеры можно привести по авиации. Советская авиация в начальный период войны отставала от немецкой по скорости, по маневренности, по мощности вооружения.

Усилиями конструкторов моторов, авиаконструкторов, оружейников, а главное — потенциалом, заложенным в советской военной экономике, в гибкости управления промышленностью и НИОКР, данное отставание было преодолено, и с 1943–1944 гг. советская авиация господствовала в воздухе. К факторам своего военно-экономического превосходства страны фашистской «оси» относили накопленный военно-технический потенциал, квалификацию рабочей силы, подготовку армейского и кадрового резерва, экономику «блицкрига». Недостаток сырьевой базы предполагалось восполнить ее захватом на территории противника.

Доктрина «молниеносной войны» полностью оправдала себя на западноевропейском театре военных действий. Новый экономический порядок освободил ряд «старых» европейских государств от кабальных долгов, связанных с займами времен первой мировой войны, расчетов, связанных с распадом Германской и Австро-Венгерской империй, образованием и функционированием новых восточно-европейских государств.

В 1942–1944 гг., в период функционирования единого военного европейского хозяйства, ряд европейских стран, таких, как Испа-

ния, Португалия, Швейцария, Швеция, Болгария, Дания, Голландия и даже Турция практически ликвидировали внешнюю задолженность, имели положительное сальдо торгового баланса, свели на нет безработицу. С точки зрения мещанского благополучия западноевропейцы жили гораздо комфортнее в то время, когда войска европейских фашистов оккупировали значительную часть территории европейской России, нежели в 1929–1933 гг. — во времена мирового экономического кризиса. Несколько напряженнее ощущали себя государства, поддерживающие германо-итальянский блок союзническими и экономическими ресурсами. Но в целом, за исключением коммунистов, европейцы иных политических убеждений были уверены, что поражение СССР в войне с нацизмом сделает их жизнь более комфортной, спокойной и безопасной. Большинство представителей русской эмиграции, в особенности молодежь, придерживалось тех же взглядов.

Стремясь затушевать свой коллаборационизм и одновременно продемонстрировать нелояльность к «наци», западноевропейские историки и экономисты больше внимания в своих исследованиях уделяют «противостоянию» Сталина и Гитлера, Германии и СССР, коммунизма и фашизма, объединяя их общим термином — «тоталитарные режимы». При этом как-то забывается, что Вторая мировая война по европейской хронологии началась в 1939 г., а по восточной — в 1931 г., когда Япония вторглась в Китай, и США объявили ей в качестве санкций «экономическую войну». Сведение причин, которые привели мировое противостояние к глобальному военному конфликту, до противостояния двух человек (или же двух «тоталитарных режимов») означает профанацию исторической, историко-экономической и политической науки. Но ради дискредитации советского военно-экономического опыта промышленники, банкиры и «филантропы» учреждают различного рода фонды и гранты, из которых оплачиваются заказные «исследования» и публикации. Во время мировой войны, как нам представляется, не могло быть «третьей правды», поскольку земной шар был поделен пополам окопами и колючей проволокой. Лишь после победы одной из сторон наступает время мира и суда над военными преступниками. И тогда внезапно выясняется, что войну выиграли «сторонники борьбы за мир», т.е. пацифисты, уклонисты, белобилетники и просто дезертиры — носители «третьей правды». Те, которые делали во имя мира и экономического процветания свой «маленький бизнес», пока солдаты воевали.

История военной экономики, существующая с начала XX столетия постоянно, а не эпизодически, показывает, что не она является

источником агрессии и причиной мировых войн. Она — сдерживающий фактор, который, конечно, имеет свои пределы и ограничения. В данном исследовании нами показано, что военная экономика имела общие черты и определенные различия в странах с капиталистическим и социалистическим механизмом хозяйствования. Социалистический хозяйственный механизм позволял Советскому Союзу иметь более эффективную военную экономику, чем это было в дореволюционной России, при НЭПе или же странах с фашистскими и рыночно-демократическими режимами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов В. К.* Человек и военная техника в современной войне. М.: Воениздат, 1960.

2. *Алексеев А. М.* Военные финансы капиталистических государств во Второй мировой войне. М.: Госполитиздат, 1952.

3. *Анатомия* войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1971.

4. *Андреев Б. Г.* Химия на войне. М.; Л.: Госвоениздат, 1934.

5. *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.

6. *Бардин И. П.* Развитие советской металлургии // Известия АН СССР. 1945. №4–5.

7. *Бартенев С. А.* Экономика как объект вооруженной борьбы. М.: Изд-во ВПА, 1967.

8. *Бартенев С. А.* Экономическое противоборство в войне. М.: Воениздат, 1986.

9. *Безденежных П.* Как восстановить хозяйство в районах, освобожденных от немецкой оккупации. М., 1945.

10. *Белов П. А.* Вопросы экономики в современной войне. М.: Воениздат, 1951.

11. *Белоусов Р. А.* Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1983.

12. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.

13. *Бирман И.* Советская экономика и советология // Вопр. экономики. 1990. №7.

14. *Бокшицкий М. Л.* Технико-экономические изменения в промышленности США во время Второй мировой войны. М., Госпланиздат, 1947.

15. *Бондаренко В. М.* Наука как фактор обороноспособности советского государства. М.: Воениздат, 1974.

16. *Братищев И. М.* Современная война и людские ресурсы. Ростов-на-Дону: Изд-во РВВКИУ, 1970.

17. *Бузырев В. М.* Восстановительные работы и их финансирование. М., 1945.

18. *Букшпан Я. М.* Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства во время войны 1914–1918 гг. М.; Л.: Госиздат. 1929.

19. *Бурдей Г. Д.* Историк и война 1941–1945 гг. Саратов, 1991.

20. *Быстров Е. Ф.* Деятельность Коммунистической партии по подготовке кадров оборонной промышленности в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.). М.: Политиздат, 1976.

21. *Быстрова И. В.* Военно-экономическая политика СССР: От «демилитаризации» к гонке вооружений. М., 1998.

22. *Быстрова И. В.* Советский ВПК. Теория, история, реальность // Свободная мысль, 1997, №6.

23. *Варга Е.* Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны. Госпланиздат, 1946.

24. *Великая* Отечественная война 1941–1945 гг.: Энциклопедия. М., 1985.

25. *Вишнев С. М.* Техническая база войны. Ташкент, 1942.

26. *Военное* хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике. М., Госпланиздат, 1947.

27. *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1947.

28. *Волков И. М.* Трудовой подвиг колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны // 40 лет Великой Победы / Под ред. П. Н. Федосеева. М., 1987.

29. *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 годах. М., 1972.

30. *Волков М. С.* Военно-экономический потенциал Англии. М.: Воениздат, 1963.

31. *Вольфрам Фишер.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М., 1999.

32. *Вольпе А.* Чусоснабарм // Война и революция. Кн. 5, 1925.

33. *Всемирная* история. В 24 т.

34. *Вторая* мировая война. Итоги и уроки. М., 1985.

35. *Вторая* мировая война: Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией: В 3 кн. М., 1986.

36. *Выцлан М. А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945–1958. М., 1976.

37. *Гладков И. А.* Организация советского военного хозяйства 1918–1920 гг. Мобилизация промышленности. М.: Госиздат, 1946.

38. *Гладков И. А.* Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970.

39. *Гонтарь О. А.* Деятельность народного комиссариата вооружения СССР (1939–1946 гг.). М.: Изд-во ГА ВС, 1992.

40. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Инфра-М. 1993.

41. *Громыко А.* Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982.

42. *Громыко А.* Памятное: В 2 т. Т. 1. М., 1990.

43. *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства в политике Советского государства в 30-х — первой половине 80-х годов: Автореф. докт. дис. Екатеринбург, 1993.

44. *Дикс А.* Война и народное хозяйство / Пер. с нем. М.: Госвоениздат, 1926.

45. *Динкевич А.* Военные финансы Японии (1939–1945). М., 1958.

46. *Директивы* КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов: Т. 1. М., Госполитиздат. 1957.

47. *Документы* и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: В 3 т. М., 1981.

48. *Документы* по истории мюнхенского словаря. 1937–1939. М., 1979.

49. *Донде А. А.* Химия и оборона страны. Л.: Техпромиздат, 1933.

50. *Дроздов В. В.* Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е гг. М.: Диалог-МГУ, 1998.

51. *Дуэ Д.* Господство в воздухе / Пер. с итал. М.: Госвоениздат, 1936.

52. *Дьяченко В. П.* История финансов СССР. 1917–1950. М., 1978.

53. *Ежов В. А.* Управление народным хозяйством в годы Великой Отечественной войны // 40 лет Великой Победы / Под ред. П. Н. Федосеева. М., 1987.

54. *Ефремов А. И.* Советское станкостроение и военное хозяйство СССР // Планове хозяйство. 1944. №3.

55. *Жилин П. А., Якушевский А. С., Кульков Е. Н.* Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1983.

56. *Залесский К. А.* Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М.: АСТ, 2003.

57. *Затер А.* Германские железные дороги во время мировой войны / Пер. с нем. Л.; М.: Госвоениздат, 1934.

58. *Зверев А. Г.* Государственные бюджеты Союза ССР на 1938–1945 гг. М.: Госфиниздат, 1969.

59. *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973.

60. *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР. 1941–1950 гг. М., 1969.

61. *Зуйков В. Н.* Создание тяжелой индустрии на Урале (1926–1932 гг.). М.: Мысль, 1971.

62. *Историография* истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки. М.: Простор, 2000.

63. *История* Великой Отечественной войны Советского Союза. (1941–1945 гг.): В 6 т. М., 1962–1965.

64. *История* внешней политики СССР: В 2 т. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М., 1986.

65. *История* внешней политики СССР. Т. 1. М., 1980.

66. *История* Второй мировой войны 1939–1945 гг.: В 12 т. М., 1973–1982.

67. *История* дипломатии. Т. 4. М., 1975.

68. *История* Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5., кн. 2. М., 1980.

69. *История* Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965. М., 1967.

70. *История* советского крестьянства: В 8 т. Т. 4. М., 1988.

71. *История* социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5. М., 1978.

72. *История* СССР. Т. 10. М., 1973.

73. *Источники* победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Отв. ред. Г. А. Куманев. М., 1985.

74. *Итоги* Второй мировой войны: Сборник статей / Пер. с нем. М., 1957.

75. *Итон Д.* Экономика мира или экономика войны / Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. литературы. 1953.

76. *Казанцев Б. Н.* Восстановление и развитие черной металлургии СССР. 1945–1950. М.: Наука. 1984.

77. *Кейнс Дж. М.* Экономические последствия Версальского договора. М.: Госиздат, 1924.

78. *Кессельман Е.* Спекуляции буржуазных экономистов по поводу источников победы советского народа в Великой Отечественной войне // Экономические науки. 1985. №3. С. 77–82.

79. *Киссинджер Генри.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Пер. с англ. М.: Ладомир, 2002.

80. *Киссинджер Генри.* Ядерное оружие и внешняя политика / Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959.

81. *Кнорр К.* Военный потенциал государств / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1960.

82. *Ковалев С. Н.* Особенности советской аграрной политики в условиях Великой Отечественной войны // Великая Победа в контексте истории XX века / Отв. ред. В. К. Черкасская. Тула, 1995.

83. *Колесов Н. Д.* Экономический фактор победы в битве под Сталинградом / Проблемы современной экономики. 2002. №3/4. С. 97–99.

84. *Коммунистическая* партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): Документы и материалы. М., 1961.

85. *Корякин А. А.* Военно-техническое развитие Вооруженных Сил: сущность, тенденции, противоречия. Ростов-на-Дону: Изд-во РВВКИУ, 1992.

86. *Кошелев Ф. П.* Новый этап в развитии народного хозяйства СССР. М., 1954.

87. КПСС в резолюциях... М., 1953.

88. *Кравченко Г. С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны М., 1970

89. *Краткий* справочник по отнесению населения к группам снабжения при выдаче продовольственных и промтоварных карточек. Наркомторг, 1944.

90. *Кукин Д. М.* Партийное и государственное руководство народным хозяйством СССР накануне и в период войны. М.: Мысль, 1974.

91. *Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Челышев И. А.* Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1983.

92. *Куманев Г. А.* О военно-экономической готовности СССР к отражению фашистской агрессии // Вопросы истории. 1991. №9.

93. *Кучинский Ю. С.* История условий труда в Германии. М.: Изд-во иностр. литературы, 1949.

94. *Кюльман Ф.* Стратегия / Пер. с фр. Л.; М.: Госвоениздат, 1939.

95. *Леонидов А. М.* Экономическая и внешняя политика военных монополий. М.: Воениздат. 1962.

96. *Логовский А.* Стратегия и экономика. М.: Воениздат, 1957.

97. *Локшин Э. Ю.* Очерки истории промышленности СССР. 1930–1950 гг. Госполитиздат, 1956.

98. *Лосев А. В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства. 1941–1964 гг. Воронеж, 1965.

99. *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968.

100. *Люмер Х.* Военная экономика и кризис / Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. литературы, 1955.

101. *Маевский И. Н.* Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957.

102. *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Воениздат, 1937.

103. *Марксизм-ленинизм* о войне и армии / Под ред. И. Н. Леванова и др. М.: Воениздат, 1957.

104. *Марксизм-ленинизм* о войне и армии. М.: Воениздат, 1957.

105. *Мартлд Д. Р.* Сталинизм в 1940-е годы: взгляд с Запада // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.

106. *Марьяхин Г. Л.* Очерки истории налогов с населения СССР. М., 1964.

107. *Мейер Герш.* Последняя иллюзия. Американский план мирового господства / Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. литературы, 1955.

108. *Мерцалов А. Н.* Западногерманская буржуазная историография Второй мировой войны. М., 1978.

109. *Мерцалов А. Н.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1979.

110. *Мировая* война. 1939–1945 годы: Сб. статей / Пер. с нем. М., 1957.

111. *Митрофанова А. В.* Освещение в советской историографии важнейших вопросов экономики и истории рабочего класса (1941–1945 гг.). М., 1979.

112. *Мифтиев Г. К.* Артиллерийская промышленность России в период первой мировой войны. Л.; М.: Госиздат, 1953.

113. *Михайлов Н. А.* В те годы. М., 1975.

114. *Мишанов С. А.* Военная реформа и внутриполитическая борьба в СССР (1924–1928 гг.). М.: Изд-во ВПА, 1991.

115. *Нампас М.* Наука и оборона / Пер. с фр. М.: Изд-во иностр. литературы, 1969.

116. *Нарден А.* Так делают войны / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1951.

117. *Народное* хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.

118. *Нессен Г. Д.* Укрепление обороноспособности СССР в предвоенные годы (1938 — июнь 1941 гг.). М.: Изд-во ВПА, 1972.

119. *Носкова А.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией в 1939–1944 гг. (Территория генерал-губернаторства). М., 1971.

120. *Нюрнбергский* процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов: В 3 т. М., 1965.

121. *Нюрнбергский* процесс: Сборник материалов: В 2 т. М., 1960.

122. *О 40-летии Победы* советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Постановление ЦК КПСС, 1984.

123. *Организационные* реформы государственного управления промышленностью в СССР. М., 1984.

124. *Осинский Н.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. М.: Красная новь, 1922.

125. *Переписка* председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941– 1945 гг.: В 3 т. М., 1976.

126. *Пожаров А. И.* Экономические основы оборонного могущества социалистического государства. М.: Воениздат, 1981.

127. *Поляк Г. Б.* Послевоенное восстановление народного хозяйства. М., 1986.

128. *Приходько Ю. А.* Восстановление индустрии. 1942–1950 гг. М., 1973.

129. *Промышленность* Германии в период войны 1939–1945 гг. М., 1972.

130. *Промышленность* Германии в период войны 1939–1945 гг. Сб. статей / Пер. с нем. М.: Изд-во иностр. литературы, 1956.

131. *Промышленность* и рабочий класс СССР. 1946–1950. Документы и материалы. М., 1989.

132. *Протоколы* Президиума Госплана СССР. Сб. документов: В 2 т. Т. 1. М.: Экономика, 1991.

133. *Пятилетние* планы коммунистического строительства / Под ред. Г. М. Сорокина. М., 1978.

134. *Пянкевич В. Л.* Восстановление экономики СССР (середина 1941 — середина 1950-х гг.). СПб: Нестор, 2001.

135. *Рабочий* класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–1960 гг. Т. 4. М., 1987.

136. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968.

137. *Ржешевский О. А.* Война и история. Буржуазная историография США о Второй мировой войне. М., 1984.

138. *Розенфельд Я. С.* Промышленность США и война. Госполитиздат, 1947.

139. *Рузвельт Э.* Его глазами / Пер. с англ. М., 1947.

140. *Савельев М., Поскребышев А.* Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам. М.; Л.: Госэкономсоцизд, 1931.

141. *Сборник* важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированию снабжения. М.: Госторгиздат, 1948.

142. *Сборник* сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.

143. *Святловский Е. В.* Экономика войны. М.: Воениздат, 1959.

144. *Симонов Н. С.* ВПК СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996.

145. *Смиртюков М. С.* Советский государственный аппарат управления. М.: Политиздат, 1984.

146. *Советская* деревня в первые послевоенные годы. 1945–1950 / Под ред. И. М. Волкова и др. М., 1978.

147. *Советская* техника за двадцать пять лет: Сб. статей. М., 1945.

148. *Советская* экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1970.

149. *Советские* Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978.

150. *Советский* Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1977.

151. *Советский* Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941–1945 гг. М., 1978.

152. *Советский* Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов: В 8 т. М., 1975–1982.

153. *Советский* тыл в Великой Отечественной войне: В 2 кн. М.: Мысль, 1979.

154. *Советский* тыл в Великой Отечественной войне: В 3 кн. М., 1967.

155. *Советский* тыл в первый период Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1988.

156. *Советский* тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне: В 2 кн. М.: Наука, 1989.

157. *Соколов П. В.* Война и людские ресурсы. М.: Воениздат, 1961.

158. *Солнышков Ю. С.* Экономические факторы и вооружение. М.: Воениздат, 1973.

159. *Сонин М. Я., Мирошниченко Б. П.* Подбор и обучение рабочих кадров в промышленности. Госпланиздат, 1944.

160. *Спидченко К. И.* Управление военной экономикой. М.: Изд-во ВПА, 1969.

161. СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933–1945 гг. М., 1976.

162. *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953.

163. *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.

164. *Тамарченко М. Л.* Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М., 1967.

165. *Тарасов К. К.* Возрождение: Днепропетровск, 1941–1955. Днепропетровск, 1977.

166. *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. М.: Изд-во иностр. литературы, 1956.

167. *Тридцатилетие* Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1975.

168. *Труды* по истории техники. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

169. *Тыл* Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977.

170. *Тягуненко В. Л.* Войны и колонии. М.: Воениздат, 1957.

171. *Уманский Л. А., Шаболдин С. С.* Годы труда и побед. 1917–1987. М., 1987.

172. *Урланис Б. Ц.* Война и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960.

173. *Ферсман А.* Война и стратегическое сырье. М.: Госполитиздат, 1941.

174. *Финансовая* служба Вооруженных Сил СССР в период войны. М.: Воениздат, 1967.

175. *Харрисон М.* Советское производство 1941–1945 гг. К переоценке // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М.: Наука. 1994.

176. *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1968.

177. *Чадаев Я. Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) М., 1985.

178. *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1964.

179. *Шигалин Г. И.* Военная экономика в первую мировую войну. М.: Госсоцэкономиздат, 1940.

180. *Шигалин Г. И.* Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Соцэкгиз, 1960.

181. *Шигалин Г. И.* Подготовка промышленности к войне. Госиздат, 1928.

182. *Шпирт А. Ю.* Сырье и война. М.: Госполитиздат, 1941.

183. *Шпирт А. Ю.* Африка во Второй мировой войне. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959.

184. *Щерба А. Н.* Роль военной промышленности в укреплении обороноспособности СССР в 20–30-е годы // Дисс. докт. ист. наук. СПб: Акад. гос. службы, 1999.

185. *Эвентов Л. Я.* Военная экономика Англии. М.: Госпланиздат, 1946.

186. *Эклз Г.* Роль тыла в войне / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1963.

187. *Экономическая* политика КПСС как объект изучения в историко-партийной литературе 60–70-х годов // Вестник МГУ. Сер. 8. 1984. Вып. 2.

188. *Экономическое* развитие СССР. Критика буржуазных концепций. М.: Наука, 1983.

189. *Элбакиан А. И.* Экономическое поражение фашистской Германии в войне против СССР. М., 1955.

190. *Яковлев А. С.* Записки авиаконструктора. М., 1968.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГАЭ (Российский государственный архив экономики):
Ф. 4372 (фонд Госплана): Оп. 14. Д. 134. Л. 84–94
Оп. 14. Д. 128. Л. 119–124 (об.)
Оп. 14. Д. 134. Л. 69–81 (об.)
Оп. 1. Д. 126. Л. 178.

РГВА (Российский государственный военный архив):
а) Ф. 40442 (фонд Генерального штаба): Оп. 1. Д. 1875. Л. 116–118
б) Ф. 34980 (фонд Гл. упр. кадров): Оп. 15. Д. 200, 200–204.
в) Ф. 3488 (фонд фин. упр. РККА): Оп. 26. Д. 658. Л. 12–15.

ЦГА РФ (Центральный государственный архив Российской Федерации в Санкт-Петербурге:
а) Ф. 1959 (фонд фабрично-заводской промышленности Северо-Западного региона): Оп. 6. Д. 486. Л. 10–11,25.
Оп. 6. Д. 350. Л. 35.
Оп. 2. Д. 339. Л. 51–52
б) Ф. 4530 (фонд Остехбюро): Оп. 14. Д. 383. Л. 88.

Архив МО РФ:
а) Ф. 7 (военного тыла): Оп. 21536. Д. 75. Л. 54–55
б) Ф. 6598 (вооружения): Оп. 725109. Д. 529. Л. 16.
в) Ф. 1 (верховного главнокомандования): Оп. 1762. Д. 66. Л. 192–199.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Раздел I
ФОРМИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СССР, СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ И ФАШИСТСКОЙ «ОСИ» НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава 1. Теоретические проблемы военной экономики и послевоенная историография экономической литературы о Второй мировой и Великой Отечественной войне 6

Глава 2. Строительство военной экономики СССР в 20-30-е годы XX столетия 33
1. Военно-экономическое строительство в годы НЭПа ..... —
2. Ускоренное развитие военной экономики после реформ 1929–1933 годов 60

Глава 3. Экономическое противоборство великих держав после первой мировой войны и накопление военно-политического потенциала в противостоящих группировках к началу Второй мировой войны .. 93
1. Военная экономика США, Великобритании и Франции в период между двумя мировыми войнами ..... —
2. Милитаризация экономики стран фашистской «оси» до начала Второй мировой войны 105

Раздел II
ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Глава 1. Изменения военно-экономического потенциала СССР в условиях предвоенной мобилизации экономики и оккупации части советской территории 119

Глава 2. Мобилизационные возможности централизованно-плановой экономики и укрепление военно-экономического потенциала в условиях боевых действий на территории СССР 142

Глава 3. Военная экономика СССР на завершающем этапе Второй мировой войны 159

Раздел III
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПОБЕДЫ АНТИФАШИСТСКОЙ КОАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Глава 1. Экономическое поражение Германии в войне против СССР 181
Глава 2. Военно-экономический потенциал союзников по антифашистской коалиции к началу «крестового похода в Европу» 211
Глава 3. Дискуссии об истоках победы советского народа в Великой Отечественной войне и о проблемах перестройки экономики на мирный лад 236
Заключение 259
Список использованной литературы 270
Архивные источники и материалы 279

Научное издание

Евгений Васильевич Хохлов

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Редактор *В. Гончаров*

Обложка художника *Е. И. Егоровой*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 20.01.2005. Формат 60 × $90^1/_{16}$. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,75. Тираж 1000 экз. Заказ 159

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

1-517395

РНБ Русский фонд
2005-5
8742

Е. В. Хохло

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР НАКАНУНЕ И В

Монография посвящена анализу эволюции и трансф
в годы Второй мировой войны. Одна из главных целей и
процессов в ситуации использования экстремальных форм и методов государственного регулирования.

В книге изучается опыт и результаты военно-экономической деятельности советского государства, народнохозяйственных комплексов и предприятий, действовавших в условиях предвоенного и военного времени.

Книга рассчитана на специалистов в области экономического и стратегического управления и широкий круг читателей, интересующихся вопросами истории экономики и истории СССР.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА